

Е.В.АНТОНОВА

МЕСОПОТАМИЯ

НА ПУТИ
К ПЕРВЫМ
ГОСУДАРСТВАМ

Российская академия наук
Институт востоковедения

Е.В.АНТОНОВА

МЕСОПОТАМИЯ НА ПУТИ К ПЕРВЫМ ГОСУДАРСТВАМ

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
1998

Ответственный редактор
М.Н.Погребова

Редактор издательства
Н.Г.Михайлова

Антонова Е.В.

А72 Месопотамия на пути к первым государствам. — М.:
Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. —
223 с.: ил.

ISBN 5-02-017934-5

В монографии анализируются данные об общественном развитии Месопотамии конца VI — начала III тысячелетия до н.э. Исследуется содержащаяся в археологических остатках информация о хозяйстве, обмене, структуре поселений, строении общественных организмов. Археологические данные второй половины IV тысячелетия до н.э. интерпретируются с использованием более поздних шумерских источников. Автор приходит к выводу о возникновении в период Урук—Джемдет-Наср древнейших государств.

ББК 63.3(0)3

© Е.В.Антонова, 1998
© Издательская фирма
«Восточная литература»
РАН, 1998

ISBN 5-02-017934-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей работа оказалась существенно иной, чем планировалась первоначально. Поставив своей целью исследование идеологии формирующегося государства, автор столкнулся с необходимостью реконструкции и социально-экономических отношений в Месопотамии, причем не только IV тыс. до н.э., но и еще более раннего времени. В результате возникло желание, возможно слишком смелое, представить историю развития обществ Месопотамии на протяжении нескольких тысячелетий, начиная с VI тыс. до н.э., и по возможности разносторонне.

Тривиально звучит заявление, что изучение какой-то одной, пусть даже представляющей изолированной, области жизни общества может проводиться без учета того обстоятельства, что она — лишь один из элементов системы сложнейших отношений, развивающихся в определенном социальном контексте, в определенное время. Изучение одной, искусственно изолированной области в культуре древних обществ вообще непродуктивно: здесь все сферы сближены гораздо теснее, чем в современном обществе западного типа. Поэтому попытки реконструкции явлений одной сферы неизбежно влекут за собой потребность реконструкции в других сферах.

Начав с реконструкции идеологии формирующегося государства в Месопотамии, мы сочли необходимым рассмотреть явления этой сферы в значительно более широком контексте. Поскольку состояние общества IV тыс. до н.э. (точнее, обществ, подразумевая под этим общества обитателей складывающихся городов-государств, или «номов», как их называет И.М.Дьяконов) было итогом длительного развития, оказалось необходимым обратиться к реконструкции общественной жизни носителей археологических культур VI—V тыс. до н.э. — халафской, самарской, убейдской. Преимущество развития обществ обитателей Месопотамии на протяжении многих тысячелетий, по крайней мере с VI тыс. до н.э., сейчас вырисовывается все яснее. Жизнь, конечно, не была спокойной: по разным причинам здесь происходили передвижения носителей разных комплексов материальной культуры, их контакты, смешение; не исключено, что какие-то традиции были поглощены другими. Возможно, появились группы переселенцев из соседних регионов.

Отнюдь не на первых этапах развития производящего хозяйства земледельцы и скотоводы освоили Нижнюю Месопотамию, и есть основания думать, что первоначально (впрочем, и позднее) население здесь

не было моноэтническим. Вклад носителей разных традиций в историю этого региона прослеживается пока слабо, но нет оснований сомневаться, что в сложении культуры шумеров сыграли роль создатели по крайней мере самаррской и убейдской культур, а может быть, хотя бы косвенно, и халафской. Понятия, которые используют исследователи древности, почерпнуты из арсенала современной науки. Было бы просто странным пытаться искать в терминологии древних такие понятия, как «цивилизация», «экономика», «религия». Дальше мы будем говорить о том, что шумеры, например, не выделяли в языке (или этого не могут пока распознать?) понятие «город». Но из этого не следует, что не было городов, цивилизации, экономики. Просто они обладали спецификой, выяснение которой — цель историков.

Исследование путей формирования государства в Месопотамии невозможно без анализа археологических данных. Автор, не будучи шумерологом-лингвистом, попытался вслед за многими современными учеными сблизить памятники материальной культуры и данные письменных источников для того, чтобы реконструировать некоторые стороны этого процесса, изменения в экономической и социальной жизни, в идеологии. В исторической науке сложилась традиция говорить о формировании государства в пределах тех хронологических рамок, которые определяются письменными источниками. Исследователи, рассматривая возникновение того или иного феномена или института, присущего раннегосударственному состоянию общества, иногда делают оговорки, что их зарождение может быть отодвинуто в прошлое, что они могли возникнуть и развиться до того, как были зафиксированы письменными свидетельствами.

Особенность отражения в письменных источниках явлений общественной жизни, как пронизательно отметил уже давно И.М.Дьяконов, состоит в том, что они слабо освещаются в моменты их расцвета (тем более, добавим мы, зарождения), поскольку бытуют по традиции, малоотрафлексированной, а потому письменно и не фиксируемой: «Пока они существуют в полной силе, имеется слишком мало документов, кроме имеющих совершенно специфический характер; когда же жизнь общества начинает освещаться письменными источниками более всесторонне, то эти институты либо уже исчезли, либо существуют уже пережиточно» [Дьяконов, 1959, с. 219]. Ясно, что специфическое «замалчивание» письменными памятниками должно быть компенсировано археологическими остатками. Последние становятся единственными свидетельствами, когда письменность еще не возникла.

В археологии последних десятилетий усилились тенденции, существовавшие в ней и прежде, — стремление увидеть за материальными остатками жизнь оставивших их людей, усмотреть за изменениями вещей перемены не только в технике, но и в общественной жизни. Полученных при раскопках данных становится все больше, и от изучения формальных признаков вещей для создания периодизации, хронологизации, определения границ той или иной культуры или «керамической традиции» все больше переходят к историческим реконструкциям. Такие работы в мировой археологии, в том числе в отечественной, были и

прежде, но сейчас они стали более многочисленными по ряду причин. Характерно, что теперь усилилось влияние американской археологии, тесно связанной с этнографией. Опираясь на исследования культурантропологов и «палеоэкономистов», археологи предприняли многочисленные попытки моделирования процессов, имевших место в древности. При этом сильно возросла роль естественных методов в изучении материальных остатков, методов, позволяющих реконструировать флору и фауну в окрестностях изучаемого поселения, определить некоторые существенные моменты диеты населения, выявить источники использованного сырья и т.д.

Подход к изучению возникновения сложных форм социальной организации как к результату взаимодействия разных факторов — характерная особенность современной науки. Для этого исследуется природная среда, причем не в общем плане, а в конкретных особенностях отдельных территорий, реконструируются формы хозяйственной деятельности, производство и обмен, динамика численности населения, структура поселений и структура застройки отдельных поселений и т.д. Понимание процесса общественного развития как системного, столь актуальное для изучения современных обществ и практики регулирования их существования, оказывает сильное воздействие на археологов и культурантропологов (этнографов). Находимые при раскопках материальные остатки — единственный первичный источник для изучения дописьменной истории — подвергаются все более изощренным исследованиям для извлечения из них информации о самых разных сторонах жизни общества.

Между исследователем материальной культуры и его объектом стоят научные теории, одни из которых, унаследованные от предшественников, нередко приобретают облик аксиом, другие же появляются у него на глазах и, естественно, воспринимаются иначе. Попытки изучения отдаленного прошлого всегда были связаны с моделированием на основе привлечения аналогий из жизни современных архаических обществ, с попытками понять неизвестное через известное. По аналогии с жизнью обществ охотников и собирателей недавнего прошлого реконструировались элементы культуры и социальной организации общин каменного века. Известное о хозяйстве, общественных отношениях и культуре традиционных земледельцев помогало составить картину жизни их далеких предков в эпоху неолита или раннего металла. Все эти тенденции сильно возросли в последние десятилетия.

Для всех, рассматривающих процесс исторического развития материалистически, первостепенное значение при исследовании любого общества древности имеет реконструкция отношений, связанных с производством. И в этой сфере те, кто имеет объектом изучения археологические памятники, опираются на работы этнографов (антропологов, этнологов), в особенности тех, чьи труды в той или иной мере подпадают под понятие «экономическая этнология». К сожалению, в нашей стране теоретическими проблемами первобытной экономики занимались немного. Фактические материалы, как справедливо замечает Ю.И.Семенов, обычно сопровождались положениями общего характера

о коммунистическом характере производственных отношений, коллективном характере труда, общей собственности на средства производства и т.д. [Семенов Ю.И., 1993, с. 59—61]. Соответствующим образом поступали и археологи, неизбежно базирующие свои реконструкции на данных этнографии.

В зарубежной науке специфическим особенностям экономических отношений в архаичных (resp. первобытных) обществах уделялось значительно большее внимание. Критически рассматривая выводы исследователей, в том числе К.Поланьи (его работы особенно привлекали внимание), противопоставлявших экономику докапиталистических и капиталистических обществ вплоть до непризнания существования первой, Ю.И.Семенов отмечает, что доля истины в их рассуждениях есть: «Действительно, отличие первобытной экономики от капиталистической не сводится к тому, что в первобытном обществе существуют производственные отношения иного типа, чем в капиталистическом, как это нередко представляют. Производственные связи в первобытном обществе на самом деле находятся в несколько ином отношении к прочим общественным связям, чем производственные отношения в капиталистическом обществе» [там же, с. 64].

В первобытном обществе на первом плане стоят не отношения обмена типа капиталистического и не производственные отношения как общественные отношения вещей. Здесь господствует специфическая форма обмена, часто именуемого в целом дарообменом. Обязанность делиться определялась моральными установлениями, выразившимися в мнении коллектива, обычаях. Поскольку экономическое поведение предполагает волевой акт, эта мораль выступала как воля всего коллектива, не разделенного на антагонистические группы, и отличалась от морали в современном смысле [там же, с. 75, 77]. В этих обществах производственные отношения не выступают как «общественные отношения вещей», в нем нет волевых отношений, которые «детерминировались бы непосредственно экономически» [там же, с. 75].

Итак, одна из основ реконструкций жизни первобытных обществ — исследования этнографов. Использование их данных для реконструкций различных сторон социально-экономических отношений древности представляется особенно продуктивным относительно азиатских обществ, поскольку в Азии до недавнего времени или даже по сей день можно было наблюдать их архаичные формы. Письменные же свидетельства, которые можно экстраполировать на дописьменную древность, освещают, как известно, лишь некоторые стороны. Кроме того, во многих случаях приходится прибегать к сведениям, происходящим из иных регионов, чем изучаемый, поскольку в нем не сохранились явления, присущие архаическим культурам. Объектами исследований, которые позволяют проследить ранние формы социальной организации, экономических отношений, духовной жизни, послужили в основном обитатели Австралии и Океании, Африки, Америки, лишь отчасти некоторых районов Азии, но они жили в иных природно-климатических зонах и ко времени их исследования уже испытали более или менее сильное влияние современной цивилизации.

Естественный вопрос: в какой степени наблюдающееся в жизни современных народов, в той или иной мере сохранивших архаические черты, может привлекаться для реконструкции социально-экономических отношений, в частности, обитателей Месопотамии на этапах, предшествовавших возникновению первых государств?

По-видимому, могут приниматься во внимание явления, обладающие наибольшей общностью, а не те, которые объясняются особенностями конкретного исторического пути, условиями обитания и т.д. В частности, то, что известно о жизни архаических народов недавнего прошлого или наших дней, заставляет думать, что не следует преуменьшать степень сложности обществ такого типа. В первую очередь само понятие первобытного общества должно быть дифференцировано: оно слишком общо для определения периода более чем в 2,5 миллиона лет, включающего этап формирования человеческого общества, с одной стороны, и переход от эгалитарного к дифференцированному, или классовому, обществу — с другой. Первобытное общество имеет раннюю и позднюю фазы. Ю.И.Семенов, обобщив и проанализировав поистине гигантский фактический материал, так определяет эти этапы. В раннем первобытном обществе существовало распределение по потребностям, собственностью общины были все средства производства и предметы потребления, хотя «начиная с определенного времени многие из них находились в распоряжении отдельных индивидов». В позднепервобытной общине появляется распределение по труду, индивидуальная собственность и некоторое имущественное неравенство, но сохраняется равный доступ всех членов к средствам производства. Затем в предклассовом обществе начинает формироваться частная собственность и возникают различные формы эксплуатации. При всех отличиях отношения в пределах этих трех периодов в определенной степени сохраняют ранние формы распределения [там же, с. 227].

Нуждается в корректировке ставшее традиционным, особенно в отечественной науке, представление об эгалитарности первобытного общества. В основе его — представление об уравнительном распределении. Однако это понятие условно и в реальности не предполагает распределения поровну. Каждый член социума имел право на часть продукта в силу своей принадлежности к коллективу. Размеры же доли могли быть разными, что определялось рядом причин — объемом материальных благ, потребностями человека, интересами коллектива [там же, с. 83]. Тенденция к уравниванию «нейтрализовала власть случайностей над процессами добывания пищи» [там же, с. 85]. Благами делится тот, кто их имеет, а возможности людей разные. Таким образом, уже на самых ранних этапах возникают признаки некоторого неравенства; оно усиливается с возникновением престижной экономики.

По всей видимости, обитатели Месопотамии VI тыс. до н.э., эпохи, с которой мы начинаем настоящее исследование, находились на этапе позднепервобытной общины: переход к земледелию в этом регионе совершился давно, а это происходит по преимуществу в пору позднепервобытной общины.

Многие исследователи, сравнивавшие социальную организацию обществ с хозяйством разных форм — присваивающим и производящим,

пришли к выводу, что она зависит не столько от формы хозяйства, сколько от его эффективности, от возможности создания избыточного продукта. На основании интенсивного присваивающего хозяйства охотников, собирателей и рыболовов складывались общественные отношения, достаточно близкие тем, которые были у ранних земледельцев и скотоводов, известных этнографам (см., в частности, [Шнирельман, 1989, с. 400]). Это позволяет, разумеется с определенной осторожностью, использовать для интересующих нас реконструкций и данные об обществах — носителях развитого производящего хозяйства.

При сравнении хорошо известных этнографам обществ раннеземледельческого типа и обществ, известных по археологическим данным из региона Передней Азии, необходимо, в частности, учитывать различия, которые являются следствием выращивания разных культур. Так, обитатели Океании, индейцы Южной Америки, о которых имеются достаточно информативные сведения, возделывали клубнеплоды, в Передней Азии — злаковые и бобовые. Урожайность клубнеплодов значительно выше, чем последних культур. Поэтому для получения необходимого урожая требовались и большие площади, и большие затраты труда. Общины древних полеводов должны были быть крупнее и имели более сложную организацию, чем общины огородников, например папуасов [Шнирельман, 1989, с. 394]. Таким образом, пытаясь реконструировать состояние общественного строя и экономической жизни земледельцев Месопотамии с привлечением данных из указанных регионов, следует учитывать, что их хозяйство «создавало гораздо более мощные стимулы для социально-экономического развития» [там же, с. 395].

Аналогичные поправки приходится делать и когда используются данные о территориально близких обществах, но существующих в иных географических условиях, не на равнинах, а в горах.

Наконец, самого пристального внимания заслуживают данные о месте обмена в ранних обществах: он в разных формах служил механизмом социальных связей в пределах коллективов и между ними; его роль в отечественных исследованиях прежде недооценивалась.

Теоретические исследования зарубежных археологов, работавших в Месопотамии, в течение последних десятилетий были очень интенсивными. В отечественной науке по естественным причинам материалами Месопотамии занимались немного, и в основном в связи с потребностями изучения Кавказа или Средней Азии (исключение — работы Советско-Иракской экспедиции). Данные археологических раскопок учитывались в работах общего плана по истории древнего Востока или в работах археологов, очерчивающих контуры развития дописьменных и раннеписьменных культур Передней и Средней Азии. Если теории в зарубежной науке были многочисленны и подвергались разностороннему анализу на всякого рода совещаниях и в печати, то в отечественной науке приверженность одной концепции, «единственно верному учению», не только не способствовала динамичному развитию теории, но и препятствовала даже простому знакомству с «чужими» идеями и творческому их восприятию. Такая самоизоляция, «инфантильное состояние», становилась иногда даже удобной формой существования¹.

Нормальным представляется иное отношение, позиция спокойного анализа человека, стремящегося понять степень правомерности новой теории. Критический подход — условие развития научного знания. Однако совершенно неприемлемо отвержение тех или иных идей (а это отвержение может идти и на неосознанном уровне) только потому, что они базируются на непривычной, отличной от «единственно верной» идеологии. Печальные последствия этого хорошо известны. Самоизоляция, замыкание в рамках теорий, циркулирующих в странах одного «лагеря», неизбежно ведет к обеднению теоретического фундамента науки и ее стагнации.

Примечательная особенность современных археологических раскопок, проводившихся прежде всего на территории Юго-Западного Ирана, — организация работ с целью проверки предварительных рабочих гипотез, теоретических предположений, которые не являются окончательными, а корректируются в ходе исследований. Пример — работы Г.Т.Райта на равнине Дех-Луран [Wright H.T., 1978]. Этот подход говорит о том, что археологи постепенно освобождаются от наивного убеждения, что «материалы говорят сами за себя» и достаточно лишь больше копать и меньше теоретизировать, чтобы не исказить якобы объективную картину.

Для понимания древней истории Месопотамии оказался продуктивным выход за ее пределы, рассмотрение происходившего в ней на фоне явлений, имевших место в более широком регионе, в прилегающих к ней областях (т.е. в так называемой Большой Месопотамии). Благоприятная ситуация для изучения наслоений V—IV тыс. до н.э. существует в Сузиане, где яснее, чем в Месопотамии, удастся сейчас проследить этапы зарождения города и государства [Amiet, 1986б, с. 16]. Особенно важны эти данные для эпохи Урука, когда Сузиана испытала сильное влияние со стороны Нижней Месопотамии, быть может, была интегрирована в поток происходивших в Месопотамии кардинальных перемен.

Если для раннего времени доминирующую роль играют археологические свидетельства, то при исследовании периодов, непосредственно предшествующих возникновению письменности, и времени, когда она уже существовала, появляются новые возможности. Преемственность исторического развития от Убейда до Раннединастического периода через эпохи Урук и Джемдет-Наср дает основания опираться при реконструкции социальной структуры и формирующейся идеологии на сведения письменных документов более поздних эпох. Конечно, основным источником являются материальные остатки, структура поселений, свидетельства существования социальной и имущественной дифференциации. Однако все эти материалы становятся значительно более информативными, если для их интерпретации использовать поздние письменные свидетельства. На основании таких сопоставлений удастся, например, обрисовать функции вождя-жреца, лидера, бывшего в глазах общества посредником между ним и миром богов, гарантом существования.

Сохранившиеся письменные документы позволяют предполагать, что при всех переменных в организации властных структур, реально происхо-

дивших в Месопотамии на протяжении тысячелетий, в осмыслении механизма их функционирования сохранялись архаические представления, восходящие по крайней мере к середине IV тыс. до н.э. Опираясь в основном на мифологические тексты, записанные во II тыс. до н.э., Т.Якобсен предпринял удачную попытку реконструкции системы управления, существовавшей значительно раньше, в конце IV — начале III тыс. до н.э. Он назвал ее «примитивной демократией». Глубокая традиционность месопотамских институтов открывает широкие возможности реконструкции их ранних форм с опорой на позднейшие письменные источники.

Переход от первобытного общества к обществу дифференцированному, в конечном счете — классовому, был долгим и многоэтапным. В отечественных исследованиях он обычно характеризовался как разложение структур, присущих первобытному обществу. Говоря об исследованиях эволюции первобытной экономики, Ю.И.Семенов справедливо отмечает, что изменения производственных отношений чаще всего изображались как «процесс разложения первобытного коллективизма. При этом нередко упускалось из вида, что сам первобытный коллективизм не оставался неизменным и что изменения, которым он подвергался, не всегда могут быть охарактеризованы просто как его разложение. В течение длительного периода первобытные производственные отношения не разлагались, не вытеснялись качественно иными отношениями, а развивались, меняли формы, переходили с одной стадии развития на другую» [Семенов Ю.И., 1993, с. 103—104].

В исследованиях по древнему прошлому Месопотамии отмечаются перемены в общественной организации, говорится о появлении крупных поселений типа городов, об изменениях в экономике. И вместе с тем можно встретить утверждение, что восприятие мира, религиозные представления оставались первобытными, примитивными. Идеология формирующихся государств не стала еще объектом пристального анализа ни зарубежных, ни отечественных исследователей. Главная причина этого — сосредоточение внимания на исследовании первоисточников и реконструкции социально-экономических отношений, в которых идеология не рассматривается как реальная и важная составляющая. Между тем представляется, что идеологический момент играл чрезвычайно важную роль в обосновании новой системы, в которой социальное и имущественное неравенство было достаточно очевидным.

Быть может, не следует преувеличивать степень зависимости отдельных общин от социумов, которым они принадлежали, на этапе формирования государств. Не исключено, что феномен «урукской экспансии» — широкого распространения «урукцев» на отдаленные территории — был в какой-то мере связан с нежеланием подчиниться новым условиям существования, когда приходилось трудиться значительно больше, чем это было необходимо для поддержания собственных потребностей. Для того чтобы удержать людей от «голосования ногами», одновременно с формированием новых социально-экономических отношений в структурно сложном обществе должна была складываться новая система представлений, объяснявшая и освящавшая неравенство и обосновывавшая необходимость сложившегося порядка вещей.

Имеющиеся сведения позволяют предполагать, что в период Урука в основном формируются представления о человеческом обществе как элементе мира, организованного богами для собственных целей или по своему произволу. Такими богами в каждом территориальном образовании были их собственные божества-«хозяева», но постепенно складываются представления о действиях локальных покровителей и в более широких масштабах. Выход за пределы своего «космоса», ограниченно-го собственным «номом», — выражение расширения контактов между этими образованиями, что привело в конце концов к формированию государства Шумер.

Реконструкция истории сложения первичных государств, развитие которых было имманентным, представляется при всей нехватке материалов настолько важной, что ее нельзя откладывать до того неопределенного будущего, когда, как писали Р.Мак Адамс и Х.Ниссен более 20 лет назад, будет накоплено достаточно данных [Adams, Nissen, 1972, с. 17]. Без попыток понимания протекавших в Месопотамии процессов нельзя понять то, что происходило в IV—III тыс. до н.э. во всей Передней Азии и даже за ее пределами.

Естественно, автор настоящей работы не ставил целью создание полной и тем более «объективной» картины. Всякий исследователь зависит от состояния науки своего времени и от особенностей собственного восприятия источников и теоретических построений. Поэтому результат его изысканий — картина, окрашенная субъективными моментами. Можно лишь стремиться к тому, чтобы представить «историю такой, какой она была на самом деле» [Nissen, 1986а, с. 15]; для древности это столь же мало возможно, как для современности, но в известной степени по другим причинам.

В заключение отметим, что автор не претендует на исчерпывающее освещение проблем формирования первых государств в Месопотамии и изложение всех имеющихся точек зрения: это под силу лишь коллективу исследователей. Невозможен и учет всей огромной литературы, объем которой резко возрос, несмотря на сокращение масштабов археологических раскопок на территории Ирака и Ирана. Теперь вынужденная задержка стимулирует исследователей к осмыслению обнаруженных материалов. Мы ставили перед собой цель систематизировать и проанализировать современные концепции исторического развития Месопотамии на пороге сложения первых государств и на самом раннем этапе их существования, наметить некоторые перспективы исследований. Круг проблем, связанных с искусством, религией, культом, затрагивается в той степени, в какой они имеют отношение к основной теме работы — социальной истории и меняющимся представлениям людей об обществе и его месте в мире.

Автор выражает глубокую признательность всем коллегам, ознакомившимся с рукописью книги и сделавшим ценные замечания, которые позволили внести в текст ряд важных добавлений и уточнений.

ГЛАВА I

МЕСОПОТАМИЯ В VI — НАЧАЛЕ IV ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до н.э.

Начавшийся в Передней Азии в IX—VIII тыс. до н.э. переход от охотничье-собираательского, присваивающего, хозяйства к земледельческо-скотоводческому, производящему, завершился в VII—VI тыс. до н.э. В VII тыс. до н.э. в Верхней Месопотамии появляются селения оседлых земледельцев и скотоводов. Позднее, в VI тыс. до н.э., начинается широкое освоение равнины, когда возникают, в частности, поселки, изучавшиеся в Синджарской долине [Мунчаев, Мерперт, 1981]. Древние обитатели аллювиальной равнины, носители хассунской культуры, обладали долгим опытом ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства, традициями оседлого быта. Они жили в многокомнатных домах, изготавливали разнообразную посуду и начали плавить металл. Вероятно, уже в обществе носителей этой культуры происходили изменения, которые были следствием утверждения производящего хозяйства. С одной стороны, в общине обитателей селения, ядро которой составляли сородичи, растет самостоятельность отдельных семей: «В области социальной организации возникновение производящего хозяйства создало возможность такого изменения ее форм, которое было по сути своей равнозначно разложению этих последних в том виде, в каком они сложились в эпоху развитого первобытного общества... На передний план все более выдвигалась в качестве основной ячейки общественной организации семья, притом в совершенно новых формах...» [ИПО, 1988, с. 141]. С другой стороны, возрастает роль межобщинных, межпоселенческих контактов, поскольку оседлость создает возможность возникновения более или менее крупных объединений.

ХАЛАФСКАЯ КУЛЬТУРА

Обратимся к ранним материалам, данным о халафской культуре середины VI — начала V тыс. до н.э. Широта распространения ее вещественных памятников, и не только в Верхней Месопотамии, а также яркость материальной культуры давно вызывали удивление исследователей. Она принадлежит уже не неолиту (так — [Akkermans, 1990, с. 4]), а меднокаменному веку. В контексте нашего исследования представляется пока нецелесообразным обращаться к более ранним культурам, кро-

ме самаррской, хотя в дальнейшем, при более широком их изучении, это может оказаться необходимым. Наша цель — проследить, как можно интерпретировать материальные остатки халафской культуры, опираясь на современные представления об общественной организации ранних земледельцев, экономика и социальный строй которых были далеко не примитивными.

В настоящее время выделяют несколько районов распространения халафской культуры, отмеченных некоторыми признаками своеобразия: Мосульский, Синджарский, Верхнехабурский, Балихский, Средне-евфратский и периферийный, северный, в районе озера Ван. На западе памятники достигают Алеппо, на востоке в долине Диялы они доходят до границы Ирака с Ираном [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 156—157; Watson, 1983, с. 232 и сл.; Copeland, Hours, 1987; Levine, Young, 1987, с. 17; Oates, 1987, с. 164]. Известны многие десятки халафских поселений. Советские исследователи в северной части Эль-Джезиры на площади около 100 км² выявили не менее 15 поселений-теллей с фрагментами халафской керамики на поверхности [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 159]. Поселения располагались на речных террасах. Их прослеженная протяженность — 300—350 м.

Несмотря на многочисленность, эти поселения исследованы раскопками крайне недостаточно. Наиболее изученным остается то, которое раскапывала советская экспедиция, — Ярымтепе II в Синджарской долине на северо-западе Ирака [Мунчаев, Мерперт, 1981]. Здесь поселение общей площадью 1,5—2 га было вскрыто на площади 500 м². Другие поселения исследованы на значительно меньшей площади (это Тепе-Гавра, Телль-Халаф, Телль-Арпачия, Ниневия и др.).

О коренном районе халафской культуры существуют несколько предположений. Э.Перкинс полагала, что им могла быть территория в области современного Мосула, откуда и осуществлялась диффузия [Perkins, 1949, с. 42—45]. Такое предположение было естественным, поскольку в то время именно этот район был наиболее изученным. Сейчас положение меняется: согласно мнению П.М.М.Г.Аккерманса, «исходной территорией» культуры была сирийская Джезира. Границы ее на западе и юге — Евфрат, на востоке — Хабур, на севере — турецкие предгорья. Именно в этой зоне халафская культура развивалась непрерывно на всем протяжении своего существования [Akkermans, 1990, с. 293 и сл.].

По мнению К.Бренике, территория халафской культуры на раннем этапе — верховья Тигра, на среднем она распространилась на запад от Месопотамии, достигнув Рас-Шамры. Позднее ее признаки обнаруживаются в долине Диялы на востоке Месопотамии. Вся область, занятая культурой, гомогенна в природно-климатическом отношении: ее ограничивали районы, непригодные для освоения носителями халафской культуры [Breniquet, 1989, с. 329—330].

На основании эволюции керамики, изменений в архитектуре, в мелких вещах и отчасти в погребальном обряде выделяют три этапа халафской культуры — Ранний, Средний и Поздний Халаф [Perkins, 1949, с. 16 и сл.; Porada, 1992, с. 83]. Абсолютные даты их неясны. Ранний период относят уверенно к VI тыс. до н.э. Период Среднего и Позднего Халафа

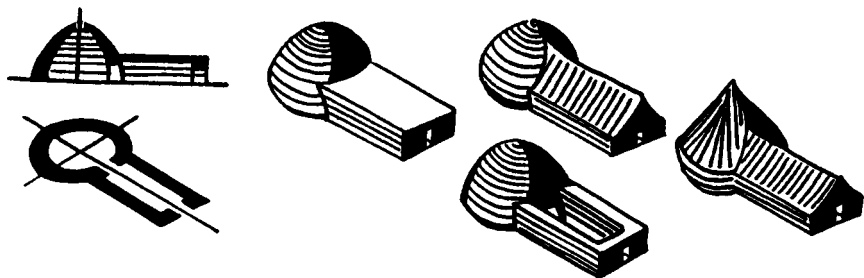

Рис. 1. Толос халафской культуры
(план, разрез, варианты реконструкции)

(5000—4500 гг. до н.э.) знаменуется усилением связей с Нижней Месопотамией (Убейд 2), а также с культурами Западного Ирана и Хузистана фаз Хазине и Мехме [Breniquet, 1989, с. 327].

Селения халфской культуры, которую иногда именуют из-за обширности занимаемой ею территории «халфской общностью», располагались в зоне богарного земледелия на коричневых почвах средиземноморского типа. При обработке таких земель особенно продуктивно использование сохи с бычьей запряжкой; этот метод как будто действительно применялся [Copeland, Hours, 1987, с. 215]. Наряду с разведением пшеницы и ячменя (в том числе шестирядного, что, по существующим мнениям, вообще-то должно предполагать использование ирригации [Breniquet, 1987, с. 234]) здесь занимались скотоводством (мелкий и крупный рогатый скот, свиньи).

По-видимому, в разных районах и в разное время соотношение форм хозяйства было отмечено специфическими особенностями. Так, удалось выяснить, что в долине реки Балих наряду с земледельцами обитали и те, кто занимался пастушеским скотоводством (быть может, сезонным); от них остались поселения небольшого размера, существовавшие недолго. П.М.М.Г.Аккерманс предполагает, что около 5000 г. до н.э. здесь применялась и маломасштабная ирригация или какие-то способы задержания дождевых вод. Он считает, что в Северной Сирии между 5200 и 4500 гг. до н.э. наряду с интенсивным земледелием практиковали экстенсивное скотоводство и охоту, поскольку земледелие здесь было рискованным [Akkegman, 1990, с. 191, 206, 288].

Одна из заметных особенностей халафской культуры, послужившая основанием для предположений о социальной структуре и обрядах, — существование круглых в плане построек. Обычно они невелики, их диаметр — около 3 м (могли иметь плоские перекрытия [там же, с. 63]). Однако в Телль-Арпачии в пору Позднего Халафа эти сооружения бывают и более крупными — достигают в диаметре 10 м, при этом имеют нечто вроде прямоугольного в плане vestibюля; таким образом, общая длина постройки доходит до 19 м. Толщина стен (до 1,5 м), расположение как будто в центральной части, наличие в постройках погребений и обрядовых предметов (в частности, антропоморфных фигурок) — все это заставило

первых исследователей халафской культуры предположить, что они были святилищами пресловутой богини-матери [Mallowan, Rose, 1935, с. 34].

Гипотезы о назначении этих построек (традиционно именуемых толосами) вызвали множество возражений (см. [Антонова, 1990, с. 214 и сл.]). В частности, отмечалось, что их центральное положение на Телль-Арпачии отнюдь не доказано; связь с ними погребений и находок также вызывает сомнения. Кроме того, подсчитали, что для строительства даже крупных построек не требовалось больших затрат труда, тем более привлечения не только жителей данного поселения, но и окрестных: большой толос Арпачии мог быть построен за 56 рабочих дней, т.е. восемь человек работали бы всего одну неделю [Akkermans, 1990, с. 300—302].

Теперь получены данные, позволяющие думать, что круглопланные дома служили жилищами, а существовавшие одновременно с ними прямоугольные — в основном хранилищами. В то же время в позднехалафском слое Ярымтепе III прямоугольные в плане постройки определяют как жилые, а круглые — и как жилые, и как служившие хранилищами [Мунчаев и др., 1979, с. 598].

Традиция домостроительства — важный элемент культуры, и появление новых форм служит указанием на постороннее влияние. В связи с круглопланными постройками халафской культуры предполагают, в частности, что они свидетельствуют о появлении в Верхней Месопотамии нового этнического элемента, возможно происходящего из Закавказья, где была распространена архитектура такой планировки [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 195—196]. Если передвижение пришельцев действительно имело место, то можно думать, что это привело к росту плотности населения: большое количество халафских поселений до сих пор не находит однозначного объяснения.

Степень изученности халафских поселений почти не позволяет выявить какие-либо различия в постройках, которые бы указывали на характер социальной организации и на существование социальных различий. Однако некоторые особенности сооружений все-таки выявляются. Так, на Ярымтепе II раскопано многокомнатное сооружение с круглопланной постройкой в центре. Диаметр толоса — 2,6 м; он разделен внутренними стенками на четыре отсека, вокруг него группировались прямоугольные помещения разного размера общим числом более двадцати. Они располагались так, что все сооружение в плане представляло собой крестообразную фигуру [Мунчаев и др., 1973, с. 505]. Возможно, это было хранилище, что свидетельствовало бы о существовании общих для обитателей селения запасов. При жилых домах находились, насколько можно судить, семейные хранилища.

На этом же поселении обнаружены некоторые различия в размере жилых домов и качестве их постройки. Среди строений нижнего горизонта, диаметр которых в среднем 3,4—4 м, выделяется одно, диаметром 5,3 м. В отличие от других этот толос сооружен на специально утрамбованной площадке-платформе. Под его полом найдена засыпанная углями и золой ямка с разбитым расписным сосудом и необычными для этой культуры изделиями — микролитами. В другом месте в заготовке пола обнаружены кости животных, обломки сосудов, веретённых пряслиц, каменные подвески и медная печать-подвеска [Мунчаев, Мер-

перт, 1981, с. 178]. Эти вещи вряд ли оказались здесь случайно. Некоторые из них — подвески и медная печатка — могут быть отнесены к категории престижных. Авторы публикации допускают, что эта постройка могла быть культовым сооружением, а остатки, найденные в ней, — следами жертвоприношения, совершенного при закладке [там же, с. 192]. Возможна и другая интерпретация: это сооружение принадлежало семье лидера, с особым положением которого были связаны как размеры, так и другие особенности постройки.

Недавние исследования позволяют думать, что ритуальная деятельность была сосредоточена в пределах домохозяйств. Так, в Сади-Абьяде (долина Балиха) обнаружена постройка с «монументальным» входом. Рядом с ним в наружной стене находилась ниша, покрытая нарочито толстой глиняной обмазкой. Во дворе был сделан небольшой бассейн, как полагают для воды [Akkermans, 1990, с. 302—303]. Как бы ни относиться к выводам М.Мэллоуэна о назначении толосов, набор вещей в так называемом «Сгоревшем доме» верхнего слоя Телль-Арпачии (каменный сосудик, костяные и каменные модели фаланг пальцев руки, схематические фигурки) оставляет впечатление возможной связи их с каким-то обрядом [Mallowan, Rose, 1935, с. 99].

Носители халафской культуры обладали относительно развитым ремеслом, характер которого предполагает существование регулярного обмена. Одним из главных материалов для изготовления орудий служил обсидиан (кремень использовался меньше). Залежи его находятся в Восточной Анатолии и в северной части ареала халафской культуры, откуда он распространялся по всей ее территории, а также за ее пределы. Примечательно, что в Ярымтепе II обсидиановых орудий было в три раза больше, чем кремневых, хотя залежи кремня есть недалеко, в Синджарских горах. Отходов производства орудий здесь почти не обнаружено, поэтому было высказано предположение, что они поступали готовыми или в виде полуфабрикатов [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 218]. Очевидно, что для получения повседневно необходимых орудий обмен должен был быть регулярным и налаженным. Медь используется пока редко и в основном для изготовления украшений или престижных вещей [там же, с. 307 и сл.].

Главный признак уровня ремесленного развития «халафцев» — высококачественные керамические сосуды. Формы их очень разнообразны, сосуды дифференцированы по назначению, и в соответствии с этим различаются качество теста, обработка поверхности, орнаментация. Самой качественной была расписная посуда, обжигавшаяся при температуре около 1000°. Есть основания думать, что расписные сосуды, в том числе в виде фигур животных и антропоморфных существ, использовали в обрядах — погребальных и каких-то других. На Ярымтепе II процент расписных сосудов высок — около 40.

Широкое производство сосудов, использование для обжига производительных двухъярусных горнов [там же, с. 179—181] свидетельствуют в пользу предположения, что сосуды делали не только для удовлетворения собственных нужд, но и для обмена. Эта идея была высказана еще в 30-е годы М.Мэллоуэном [Mallowan, Rose, 1935, с. 5—6]. Позже при исследовании расписной керамики одного из шурфов Тепе-Гавры установлено, что 30—40% были привозными из Телль-Арпачии, находя-

щейся отсюда в 25 км. На регулярность обмена указывает то обстоятельство, что «экспортировались» не особые, «роскошные» сосуды, а те, что предназначались для повседневного использования [Davidson, Kerrell, 1980]. Высказывались предположения и о существовании более отдаленных обменных связей, в частности между районом Мосула, Арпачией и селениями на Хабуре (Телль-Браком, Телль-Халафом). Сосуды, изготовленные в Телль-Халафе, поступали в поселения долины Евфрата (Мурейбит, Шамс-эд-Дин). П. Дж. Уотсон предполагает, что сосудов, изготовленных на месте под влиянием привозных, даже меньше, чем полученных благодаря обмену [Watson, 1983, с. 242].

Наряду с обсидианом и сосудами объектами обмена считают поделочный камень и морские раковины [Watkins, 1987, с. 223], а также печати-штампы [Мунчаев, Мөрперт, 1981, с. 226]. Оттиски печатей указывают как минимум на существование хранилищ, но, возможно, и на обмен. Эти оттиски обнаружены на затычках сосудов и опечатках других вместилищ; оттиски на запорах дверей найдены в Хирбет-Дераке (Эски-Мосул) в контексте культуры конца Халафа — начала Убейда [Breniquet, 1987, с. 236].

Печати-штампы халафской культуры представляют особый интерес потому, что (в отличие от хассунских и самаррских штампов) обнаружены и их оттиски, что позволяет считать эти предметы не просто подвесками или амулетами. Штампы имеют круглую или прямоугольную форму, встречаются каплевидные, очертания которых напоминают схематичную женскую фигурку [Porada, 1992, с. 85]; известные оттиски в виде кисти руки [Wickede, 1991, с. 153—156]. На Тепе-Гавре в позднехалафском слое найден оттиск квадратного штампа с изящным изображением антилопы [Tobler, 1950, табл. CLXVI, 123].

Единственная крупная коллекция халафских печатей и их оттисков происходит из раскопок Телль-Арпачии и относится к Позднему Халафу. В уже упоминавшемся «Сгоревшем доме» на полу наряду с другими вещами было найдено около 20 яйцевидных «булл» и 8 дисковидных пластинок. Все они имели по одному и более оттисков печатей. «Буллы» (комки глины) прикрепляли к узлам (сохранились обугленные остатки), и на них со всех сторон наносили оттиски. Диски не несут следов прикрепления, а оттиски на них располагались с одной стороны [Wickede, 1991, с. 153—155]. Оттиски оставлены печатями, имевшими форму кисти руки или геометрической фигуры с характерным для этой группы халафских вещей геометрическим заполнением в виде разнонаправленных параллельных линий. На оттисках только «руки» не сочетаются с другими сюжетами, что дало основание А. фон Викаде предположить, что такие печати принадлежали особо авторитетному лицу [там же, с. 156].

«Буллы» служили для опечатывания веревок; одна сохранила отпечаток ткани. Диски могли служить чем-то вроде квитанций: путем оттискивания на них своих печатей контролировавшие обменные операции люди удостоверляли сохранность вместилищ [там же, с. 157].

Большое количество оттисков печатей в «Сгоревшем доме», выделявшемся среди других особенностями найденных в нем вещей, служит подтверждением его необычности. Не исключено, что он служил местом хранения готовых вещей и сырья, которые лица, ответственные за обмен, отправляли из общины или получали, чтобы затем распределить.

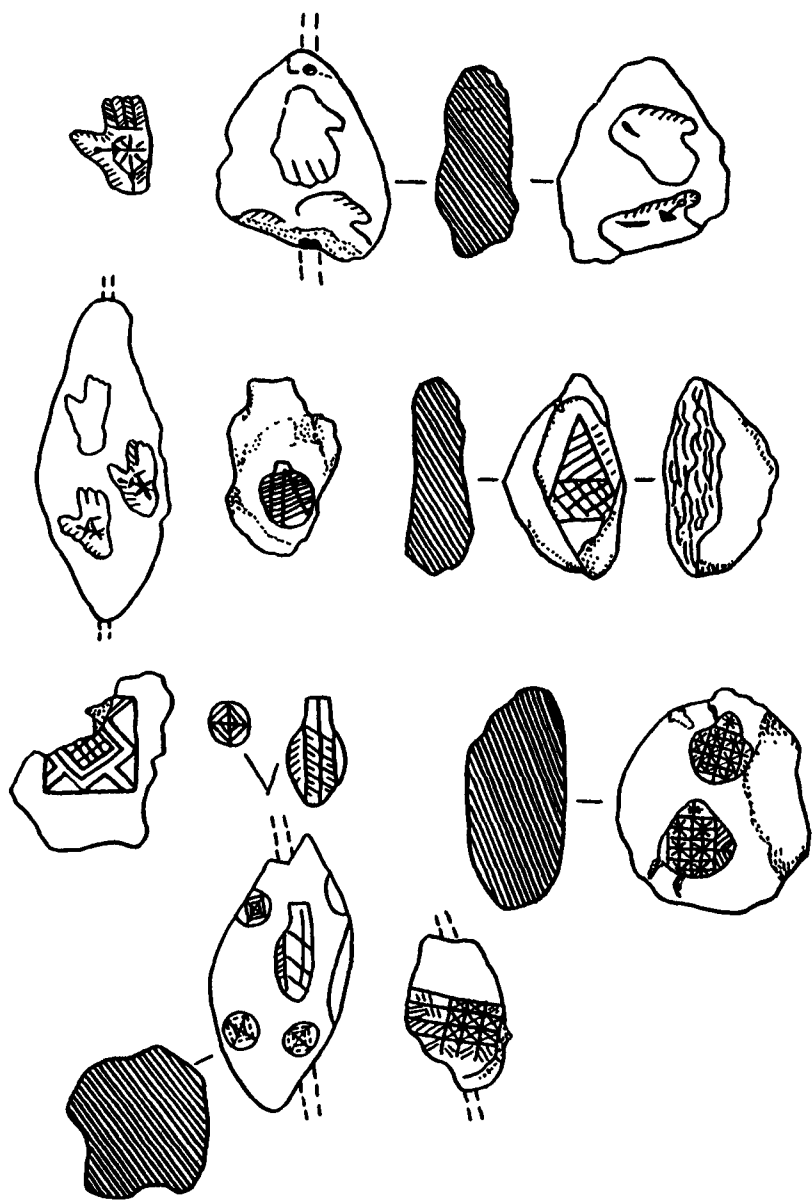

Рис. 2. Печати-штампы и их оттиски с Тель-Арпачии

Пока это — древнейшие свидетельства существования в Месопотамии системы учета и хранения.

Некоторые предположения об объектах обмена в ареале халафской культуры позволяет сделать анализ костей домашних животных, обнаруженных в Ярымтепе II [Бибикова, 1981, с. 299 и сл.]. Две трети стада составлял здесь мелкий рогатый скот, причем количество овец почти в два раза превосходит количество коз, на втором месте — свинья, на третьем — крупный скот, затем осел, как предполагают, уже одомашненный. Характер костных останков мелкого скота как будто указывает на шерстно-молочное, а не мясное направление его разведения. В таком случае возможно, что шкуры, кожа, а может быть, и шерстяные ткани обменивали на сырье и необходимые вещи.

Один из главных источников реконструкции структуры общества — погребения. Погребальный обряд носителей халафской культуры был довольно разнообразным: кроме костяков в анатомическом порядке обнаружены расчлененные останки; найдены захоронения в ямах и сосудах обожженных и измельченных костей, а также захоронения черепов, которые иногда клали в сосуды. Наряду с погребениями в культурном слое функционировавших поселений найден и, по-видимому, изолированный некрополь: на хассунском холме Ярымтепе I обнаружены могилы, инвентарь которых соответствует материалу верхних слоев соседнего халафского поселения Ярымтепе II [Мерперт, Мунчаев, 1982]. Такое разнообразие обряда в пределах одной культуры могло бы указывать на сосуществование различных традиций, носителями которых были разные этносы. Но разные способы захоронения зафиксированы и в пределах одного поселения, что скорее предполагает существование разных социальных групп, а также и каких-то обрядов не собственно погребального характера, в которых могли фигурировать человеческие останки.

Инвентарь погребений в целом незначителен, хотя известны и погребения с относительно многочисленными вещами, причем этот признак сочетается в них с другими особенностями, отличающими их от прочих захоронений. Так, в яме со ступеньками и входным коридором в некрополе на Ярымтепе I, где останки человека представлены «завалом измельченных костей» [Мерперт, Мунчаев, 1982, с. 47], на ступеньке найдены фрагменты нескольких глиняных сосудов, двух алебастровых, около 200 астрагалов газелей и гематитовое навершие булавы. В наклонном коридоре около ямы лежал череп большого быка. Все эти вещи, и череп быка в частности, указывают на особый статус похороненного человека, так как образ быка играл особую роль в обрядово-мифологическом комплексе «халафцев». Букрании были одним из характерных орнаментальных мотивов этой культуры; известны изображения быка в сюжетной композиции (см. ниже). В предполагаемой обрядовой постройке на вершине Телль-Асвада найден череп этого животного [Mallowan, 1946; Антонова, 1990, с. 214].

Пока нет достаточных данных для того, чтобы проследить корреляцию между формой погребального сооружения, обращением с останками умершего, его возрастом и полом и погребальным инвентарем.

Любопытно, что относительно обильный и ценный инвентарь мог находиться с останками в виде сожженных и измельченных костей. В погребении ребенка, обнаруженном в культурном слое Ярымтепе II, эти кости были сложены в глиняный сосуд вместе с обсидиановыми бусинами, а в яме, кроме того, находились разбитые и целые глиняные и каменные сосуды, бусины, фрагменты двух подвесок и каменная печать с резным узором [Мерперт, Мунчаев, 1982, с. 35]. Это погребение, таким образом, по некоторым признакам близко описанному выше погребению из некрополя. Различия в возрасте погребенных, наличие в одном из погребений навершия булавы — весьма вероятно, знака высокого статуса — могут указывать на существование на поселении группы лиц высокого ранга, к которому принадлежали от рождения (так называемый присвоенный статус). Именно их кости обжигали и измельчали. Такое обращение, если исходить из позднейшей, распространенной в Месопотамии традиции, как будто должно было в максимальной степени повредить умершему, исказить его облик, лишить покоя его дух [Антонова, 1990, с. 82]. Но возможны и другие интерпретации. Вероятно, следует обратить внимание на то, что в этом обряде применяли огонь: так люди некоего статуса могли приобщаться к особой форме загробного существования.

Погребения, имеющие особенности, сопровождаются не столько обильным, сколько социально значимым инвентарем. Обращает на себя внимание и то, что очевидно ценившиеся вещи, вроде каменных сосудов, разбивали. Обнаруженные на Телль-Арпачии захоронения черепов не имели значительного инвентаря, но в одном из них найден сосуд с уникальными изображениями обрядово-мифологического характера [Hijara, 1978]. К числу знаков высокого статуса могут быть отнесены булавы с каменными навершиями, проушные топоры, печати-штампы, каменные сосуды и глиняные с особыми изображениями. Все это — скорее знаки особого социального, а не материального превосходства.

Можно согласиться с Н.Я.Мерпертом и Р.М.Мунчаевым, отмечающими, что сложность погребального обряда свидетельствует о развитости идеологических представлений [Мерперт, Мунчаев, 1982, с. 49], но, продолжая эту мысль, следует заметить, что сложные идеологические представления могут быть лишь у общества, обладающего достаточно высокой общественной организацией. В связи с этим симптоматично, что у носителей халафской культуры, по-видимому, возникли некрополи, что для умерших не просто роют ямы, а создают особые подземные помещения, где помимо специальной камеры есть входной коридор. Жилища умерших отделены от жилищ живых, а это разделение — признак появления деления в обществе и осознания необходимости это деление воплощать в обрядах.

Другой источник реконструкции социальной структуры — изобразительные памятники, хотя методы их интерпретации с этой точки зрения очень мало разработаны. Известные произведения творчества «халафцев» представлены в основном, как вообще у переднеазиатских земледельцев, орнаментами, украшающими посуду. Весь облик орнаментального искусства: широкий набор мотивов, разнообразие их соче-

таний, тонкое понимание мастерами соотношения формы и декора — все указывает на ту стадию развития, когда можно говорить о профессионализации. Такая профессионализация, разумеется, осуществлялась в рамках общинного ремесла, т.е. те, кто лепил сосуды, не были свободны от сельскохозяйственных работ. Остается неясным, были ли изготовители сосудов женщинами (как у носителей архаической производящей экономики) или мужчинами, что свойственно тому этапу, когда продукция уже производится для обмена.

Вероятно, некоторые высококачественные сосуды с росписью предназначались для обрядов. К сожалению, контексты, в которых встречается керамика такого рода, изучены пока недостаточно. Безусловно обрядовой была чаша из погребения черепов на Телль-Арпачии [Hijaga, 1978], заслуживающая отдельного анализа. Эта чаша со сложной росписью обнаружена в погребении, относимом к Раннему или Среднему Халафу. В нем находилось четыре черепа: три лежали в открытых чашах, один — в кувшинообразном сосуде. Из публикации неясно, лежал ли один из черепов в интересующей нас чаше.

Сосуд имеет форму, особенно характерную для ранней эпохи культуры; он был разбит в древности и восстановлен с помощью гипса [Breniquet, 1992, с. 69]. Роспись, частично утраченная из-за шелушения, нанесена коричнево-красной краской и снаружи сгруппирована в пять метоп, разделенных вертикальными линиями. В первой изображены два персонажа, стоящие по сторонам сосуда. Левая фигура, по наблюдению К.Бренике, имеет на голове нечто вроде пары рожек. На людях обувь характерной формы, с загнутыми носками, — особенность, присущая обуви горцев. Во второй метопис помещены два мальтийских креста, над которыми сохранились следы фигуры какого-то животного. Две следующие метопис содержат букрании со схематичными изображениями и штриховку. В пятой метопис изображены напоминающая змею лента и мальтийские кресты, а под ними — треугольники. Справа находятся две бычьих головы. Поле заполнено точками.

Внутри чаши помещена одна, по-видимому ключевая для понимания всех изображений на сосуде, сцена. Здесь изображен бык или, по правомерному предположению К.Бренике, корова, перед которой — кошачий хищник с раскрытой пастью. Он — противник человека с луком (или щитом) в правой руке и дротиком в левой. На лице человека, как полагает К.Бренике, предположившая более точное описание изображений, быть может, рогатая маска. Рядом помещены женщины, держащие нечто вроде куска ткани с бахромой. К.Бренике, остроумно связавшая это изображение с характерными для более поздней традиции, предположила, что «ткань» — не что иное, как схематичное изображение огороженного участка, обиталища описанной выше коровы, которое охраняют две защитницы. Таким образом, тема изображения — защита стада, символа общины, от нападения врагов (хищника). Исследовательница не исключила возможности связи сюжета с мифологическим прототипом и ритуалами, в частности с инициациями молодежи [там же].

Поздние аналогии сюжета К.Бренике усматривает в печатях начала III тыс. до н.э. и даже в более поздних изображениях, вплоть до сцен

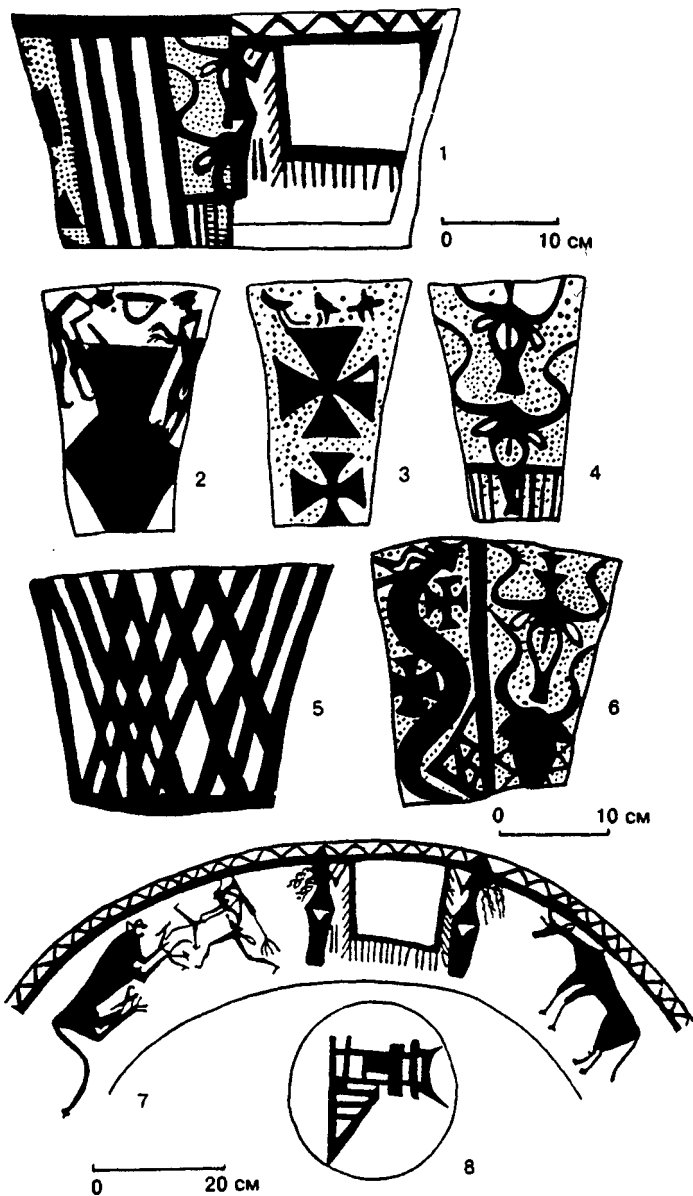

Рис. 3. Чаша из погребения на Тель-Арпачии
 (1 — общий вид; 2—6 — изображения на внешней поверхности стенки;
 7 — изображения на внутренней поверхности; 8 — изображение на дне снаружи)

охоты ассирийских царей. В связи с этим следует, на наш взгляд, предположить особый социальный статус «охотника». На ритуальный характер изображений указывает и рогатый головной убор как «охотника», так и персонажа одной из метоп.

К.Бренике правомерно считает все помещенные сцены и изобразительные мотивы связанными между собой и носящими как повествовательный, так и символический характер. Попытки объяснить условные элементы (кресты, треугольники, «змеи») приводят пока к малодоказательным предположениям об их космогоническом смысле. Мотив на дне чаши слишком условен, чтобы его можно было уверенно интерпретировать.

Судя по тому, что этот сосуд находился в погребении, да еще особом — погребении черепов, изображения на нем связаны не только с образами смерти [Антонова, 1990, с. 81] (которая, заметим, воспринималась не как нечто пустое, конечное, а как чреватая жизнью), но и с ролью конкретных, похороненных здесь умерших. Сопоставляя эти изображения с более ранними, происходящими не из Месопотамии, а из Чатал-Хююка, а также с более поздними, известными на печатях Месопотамии начиная с конца IV тыс. до н.э., можно было бы высказать много предположений. В частности, мотив большого сосуда и двух людей по сторонам его известен в глиптике и может связываться с обрядом священного брака. Центральный сюжет — схватка с хищником — имеет многочисленные аналогии как в более ранних соседних (Чатал-Хююк), так и в более поздних изобразительных памятниках Месопотамии. В последних героем сцен был мифологический персонаж или вождь, образ которого проецировался на персонажей мифов. Сама же охота на хищника была особой; она могла рассматриваться как занятие элиты. Симптоматично, что в изображении на чаше действующий герой — один. Конечно, это можно считать результатом изображения на небольшой поверхности, на стенке сосуда. В Чатал-Хююке участники сцен охоты многочисленны, но и сами эти сцены размещены на стенах построек. Это важно: коллективные обряды с многочисленными участниками изображались на стенах сооружений общественного характера, а в погребении халафской культуры положен сосуд, где нарисован один действующий персонаж.

Изображение «охотника» на сосуде из Телль-Арпачии — самое древнее из известных в Месопотамии, в котором человек предстает не как член сообщества себе подобных, а как отдельный, выступающий сам по себе. Это изображение, рассмотренное в перспективе дальнейшего развития памятников такого круга, представляется очень важным. Кажется правомерным предположение, что оно наряду с другими материалами, происходящими из погребений, может свидетельствовать о существовании в общинах или группах общин халафской культуры социально выдвинутых лиц. Их погребение сопровождалось особыми церемониями, возможно, их черепа использовали в обрядах и потом хоронили. В их образах видели мифологических предков — мужественных охотников и/или пастухов (не на защиту ли стада от хищника указывает изображение быка на сосуде из Телль-Арпачии?). Образы людей, стоя-

щих по сторонам сосуда, могут указывать на одну из функций таких лидеров, на их участие в обряде — предшественнике обряда священно-го брака, известного гораздо позднее.

Вероятно, символом каких-то общественных групп был бык. Известно, что схематичные изображения, букрании, встречаются на сосудах в качестве орнаментального, но от этого не ставшего малозначимым мотива. К сожалению, соотношение этих изображений с изображениями других животных, вообще место быка в разных контекстах пока не представляется возможным исследовать. Симптоматичным, однако, представляется то, что в погребениях бык представлен редко (и тоже в виде черепа, как и на сосудах в мотиве букрании). Если считать, что бык был знаком какой-то группы, рода или нескольких родов, составлявших некое объединение, придется заключить, что в обрядовых ситуациях, в частности в погребениях, он стал принадлежностью лишь некоторых людей, очевидно социально выдвинутых. Можно думать, что погребение из некрополя Ярымтепе I, где был найден череп быка (наряду с другими необычными для погребений вещами), принадлежало такому лидеру.

Не менее знаменательно, что на сосудах халафской культуры появляются изображения одиночных хищников или пар хищников в геральдических позах. Таково изображение совы на сосуде из Ярымтепе III [Мунчаев, 1981, с. 489]. Из Ярымтепе II происходит изображение двух поднявшихся на задние лапы и скрестивших передние пятнистых хищников [Merpert, Munchaev, 1973, с. 113]. Облик таких изображений придает им сходство с позднейшими престижными знаками, эмблемами, и характерно, что для них были избраны именно образы хищников, играющие столь заметную роль в символике дифференцированных обществ.

Яркость феномена халафской культуры стимулировала ряд исследователей к реконструкции общественного строя ее носителей. Было высказано предположение, что здесь уже возникли вождества [Watson, 1983]. Керамика, архитектурные сооружения, сходство мелких вещей предполагали существование некой общности, а она не могла поддерживаться без регулирующих институтов, возникновение которых естественно при развитом производящем хозяйстве. Однако данные о поселенческой структуре пока недостаточны, и предположение о двухуровневой, свойственной именно вождествам иерархии поселений в относительно хорошо изученном Синджаро-Мосульском районе вызвало сомнения [Watkins, 1987, с. 223]. В то же время ряд моментов предполагает существование не разрозненных поселений, а каких-то объединений, жизнь которых должна была определенным образом координироваться и регулироваться. Среди указывающих на это признаков — высоко развитое ремесло и свидетельства регулярного обмена, что предполагают и общие хранилища на поселениях. Об этом говорит высокая плотность населения, рост которой вынудил носителей халафской культуры расселяться в южном направлении, где они пришли в соприкосновение с носителями самаррской и раннеубейдской культур.

Заслуживают внимания выводы П.М.М.Г.Аккерманса, представление которого о носителях халафской культуры основано на тщательных ис-

следованиях в долине Балиха. Он полагает, что имеющиеся сведения позволяют говорить о том, что «халафское общество» представляло собой в основе небольшие «эгалитарные» коллективы, связанные узлами родства. Принятие решений основывалось на общем согласии, а не на власти формально признанных авторитетов. Поселения — небольшие или очень небольшие — располагались дисперсно, не образовывали групп. Показатели статуса отсутствуют, как и яркие признаки специализации видов деятельности (напомним, что на этот счет высказывались и другие мнения). Все это, как и отсутствие храмов или святилищ, указывает на неиерархизированность общества (хотя и не эгалитарного), на отсутствие в нем института власти [Akkegman, 1990, с. 288—289].

Аргументация исследователей, предполагавших существование у носителей халафской культуры простого вождества, признается П.М.М.Г.Аккермансом недостаточно обоснованной (с чем, если подходить строго, трудно не согласиться). Вместе с тем он усматривает в материалах своих раскопок такие черты, которые позволяют думать о возникновении двух- или даже трехуровневой иерархии поселений, а также о специализации и обмене [там же, с. 318].

Накопленные данные позволили поставить вопрос о темпах и характере перемен в халафской культуре, о ее отношениях с нижнемесопотамской убейдской культурой. К.Бренике предполагает, что широта ареала культуры естественна, она — следствие сегментации общин, характерной для земледельческих обществ с экстенсивным хозяйством [Breniquet, 1989, с. 330]. Изменения в культуре становятся особенно заметными начиная со Среднего Халафа: появляются толосы более сложной, чем прежде, конструкции, с прямоугольными пристройками (план — в виде замочной скважины); на позднем этапе — многокомнатные дома, прямоугольные в плане.

В Среднем Халафе как будто исчезают захоронения черепов и кремации, что может указывать на изменения в социальных отношениях или представлениях [там же, с. 331—332]. Оттиски печатей указывают на существование контроля над имуществом коллектива и на усиление авторитета отдельных индивидуумов. Особенно выразительны в это время изменения в керамическом комплексе. Формы становятся более разнообразными, сосуды приобретают «вычурный», ребристый профиль; орнамент очень дробный. На позднем этапе Среднего Халафа кроме двухцветной росписи появляется многоцветная. Формы сосудов и орнаменты указывают на усиление контактов «халафцев» с Северо-Западным и Западным Ираном и Нижней Месопотамией [там же, с. 329].

Затем, на финальном этапе, керамика ухудшается, деградирует орнаментика. Одновременно в эту пору, в Позднем Халафе, прослеживается распространение керамики убейдского типа со светлой облицовкой и черным орнаментом. Хотя она появляется как будто внезапно и вытесняет халафскую керамику, на самом деле это происходит постепенно. В Тепе-Гавре слой XX содержит халафскую керамику, в XIX появляется убейдская, но халафская не исчезает до слоя Гавра XIII [Tobler, 1950, с. 140]. В результате, халафская культура меняется радикаль-

но, но это происходит в процессе долгой эволюции [Breniquet, 1989, с. 334].

Причину вытеснения комплекса халафской культуры комплексом, близким Убейду, К.Бренике усматривает в меньшей дифференциации обществ носителей халафской культуры. Не исключено, что, лишенные возможности продолжать экспансию, они были вынуждены несколько изменить свою структуру, создать иерархизированное общество, но то, что предлагали «убейдцы», оказалось более соответствующим их потребностям.

Есть основания полагать, что «аккультурация» халафцев убейдцами происходила мирно, в частности путем брачных связей и обмена [Breniquet, 1987, с. 234]. Убейдцы несли с собой некоторые технологические новшества: например, их керамика изготовлена при помощи поворотных механизмов, что было воспринято и халафцами [Амиров, 1994, с. 15].

Для того чтобы выяснить правомерность высказывавшихся гипотез о социальном строе носителей халафской культуры, следует обратиться к концепциям этнологов, изучавших общества архаических земледельцев и тех, кто занимался интенсивным собирательством в недавнем прошлом, т.е. общества переходного типа, типологически — позднепервобытных.

В своей недавней работе Ю.И.Семенов проанализировал традиционные для нашей науки представления об эволюции социально-экономических отношений у земледельцев и животноводов и внес коррективы [Семенов Ю.И., 1993, с. 411—412]. Согласно этим представлениям, на первом этапе у них существовала родовая община, члены которой работали на общем поле, а продукты собирали в общий фонд. Продукты питания потребляли совместно, или каждая семья получала их из общего фонда. На втором этапе из родовой общины выделяются большие семьи. Они выполняют функции родовых общин в отношении хозяйственной деятельности, распределения и потребления продуктов. Наконец, на третьем этапе большесемейная община распадается на малые семьи, ведущие самостоятельное хозяйство.

Ю.И.Семенов пишет, что в этнографической реальности такая эволюция не прослеживается: родовая община как хозяйственная единица не зафиксирована; даже на типологически наиболее раннем этапе не общее поле, а участки земли находились в пользовании отдельных семей. Они могли пользоваться как одним, так и несколькими участками до тех пор, пока их обрабатывали, а урожай с них шел семье. Семья в разных условиях могла быть как элементарной, так и расширенной, включающей незамужних и неженатых родственников и свойственников. Самая простая форма собственности на землю, форма, сохраняющаяся и в классовом обществе, — общинная. Все члены ее имеют право на участок, который обязаны обрабатывать под угрозой утраты этого права.

Замкнутость, «автаркичность» общин оседлых земледельцев и скотоводов не следует преувеличивать. Конечно, жизнеобеспечивающие продукты в основном производились в рамках общины/поселения. Од-

нако переход к постоянной оседлости поставил людей в известном смысле в бóльшую, чем прежде, зависимость от природы. Экология поселений даже в пределах небольших территорий не могла быть абсолютно идентичной. Их обитатели находились в условиях неравной обеспеченности ресурсами, что вызывало потребность в обмене. Обмену способствовало и разделение труда, возникающее между поселениями даже при отсутствии экологических различий, в частности, в результате сложившихся традиций производства, некоторой его специализации [Johnson, Earle, 1987, с. 117]. Следует учитывать, что обмен материальными ценностями в архаических обществах сопрягался с разнообразными социальными контактами, в нем принимали участие в той или иной степени все члены коллективов.

Современные исследования в области экономической антропологии значительно обогатили представления о хозяйственной жизни эгалитарных обществ и выявили в ней существенные отличия от позднейшей саморегулирующейся рыночной экономики. Экономика родственных групп, племен и даже ранних государств, согласно этим исследованиям, представляет собой неотторжимый элемент социальной жизни. «Примитивные экономические системы организованы так, что размещение труда и земли, организация производства в области земледелия, скотоводства, строительства и т.д., а также распределение произведенных продуктов и услуг специалистов выражаются в обязательствах по отношению к родственникам, членам племени, в религиозном и моральном долге» [Dalton, 1971, с. 91]. В таких обществах К.Поланьи выявил два способа социально-экономического взаимодействия: реципрокцию — обязательный дарообмен между сородичами и друзьями и редистрибуцию — обязательные даяния центральной власти, использующей их для своих и общественных нужд, а также как резервный фонд [Polanyi, 1968].

Исследователи таких экономических систем отмечают ошибочность распространения на них марксистского положения о детерминированности общественной организации экономическими отношениями. Здесь экономика и общественная структура выступают как взаимозависимые [Dalton, 1971, с. 16]. Специфика примитивных экономических систем — следствие многих обстоятельств, среди которых — их небольшие размеры: большинство продуктов и услуг циркулируют в пределах ограниченного района с населением, исчисляемым сотнями или тысячами. Внешний обмен, как правило, ограничен немногими объектами, и осуществляется он нечасто. Маломасштабность систем проявляется в относительно небольшом количестве производимых продуктов и услуг — их десятки по сравнению с сотнями тысяч в развитых индустриальных системах. Простая технология и малые масштабы ставят общество в сильную зависимость от природного окружения, и эти же причины вызывают необходимость кооперации, чему соответствует высокая степень концентрации социальных связей [там же, с. 90—91].

Обмен в таких обществах — феномен экономический, юридический, моральный, эстетический, религиозный, мифологический и социальный,

писал Э.Э.Эванс-Причард [Evans-Pritchard, 1954, с. VII]. Всеохватывающая роль обмена выявлена, например, Б.Малиновским в обществе трибрианцев, где племенная жизнь была возможна благодаря постоянному принесению и получению даров. Все церемонии, все традиционные действия сопровождаются дарообменом. Дары — один из главных инструментов социальной организации, поддержания родственных уз, власти вождей [Malinowski, 1922, с. 167].

Рост плотности населения, потребность в новых землях, неравенство между общинами, определяющееся разным качеством земли, разной мерой доступности пастбищ, полезных ископаемых и другими обстоятельствами, подготавливают почву для конфликтов. Возникает необходимость создания оборонительных союзов. На реальность военной опасности на севере Месопотамии указывает существование оборонительной стены с бастиями в Телль-Магзалии уже в VII тыс. до н.э. [Бадер, 1975].

Одна из главных причин поддержания контактов между общинами — необходимость обмена брачными партнерами, что является условием самого существования общины. Минимальные размеры жизнеспособного сообщества у современных народов на территориях с низкой плотностью населения — 500 человек [Birdsell, 1973, с. 337—338]. Если исходить из минимальных размеров общины в 100 человек, можно предположить, что в неолитическое время число связанных брачными (а значит и другими) контактами селений должно было быть не менее четырех-пяти [Hole, 1987, с. 82].

Таким образом, ряд обстоятельств вызывал объединение нескольких поселений, создание локальной группы [Johnson, Earle, 1987, с. 158]. (Отдельное селение состоит из членов локализованной части рода (линиджа) и родственников по браку.) Объединения, складывающиеся на основе брачного и иного обмена, на основе дружбы и взаимопомощи, были и до того, как возникают более прочные общности, для жизни которых необходимо создание специальных органов управления.

Регулирование жизни общины требовало существования лидера или группы лидеров, статус которых определялся возрастом, полом, авторитетом. Их знания и опыт лежали не только в сфере хозяйственной деятельности или регулирования внутриобщинных и внешних отношений, но и в обрядовой сфере, поскольку культура была целостной, недифференцированной. Значение регулирующих жизнь общины лидеров возрастает, если ее размеры увеличиваются. Разумеется, их решения опираются на согласие всех полноправных членов.

Локализованные части рода и роды были владельцами земли и находящихся на ней ресурсов. Право на это обосновывалось традицией, возводящей «теперешнее» состояние ко временам предков-первопоселенцев. При наличии свободных земель рост населения вследствие относительно гарантированных условий благодаря преимуществам земледелия и скотоводства не ведет к изменениям структуры общины: с достижением «критической массы», определенной численности, избыток уходит и создает дочернее селение, связанное с оставленным узами

родства. Организация должна измениться, когда таким возможностям приходит конец.

В пределах общины существует взаимопомощь. Благополучие отдельных семей — гарантия общего благополучия, поэтому родственники-соседи в случае необходимости делятся друг с другом. В таких небольших коллективах может не возникать необходимость создания общего резервного фонда, поскольку помощь оказывается непосредственно или путем коллективных обрядовых празднеств-пиршеств, когда происходит перераспределение продуктов. В то же время потребности обмена вызывают появление общих фондов излишков. Такие фонды могли возникать в локальных группах, общины (поселения) которых не были абсолютно равными из-за некоторых различий природного окружения, численности и качественных особенностей составлявших их людей, особенностей судеб разных общин. По-видимому, особое место занимала та община, которая возводила себя к предкам-первопоселенцам на данной территории, хотя отношения между селениями в пределах локальной группы строились на основах взаимопомощи: благодаря таким отношениям локальная группа и существовала. Судя по этнографическим сведениям, в пределах локальной группы почти не наблюдается дифференциация контроля над производственными ресурсами на ее территории [там же, с. 159].

Доминирование эгалитарных начал в локальных группах отличает их от более поздних образований — вождеств. Поэтому в них не было постоянных «центральных пунктов» — поселений-резиденций управляющей элиты, куда стекаются излишки в общий резервный фонд и где происходят общие для обитателей входящих в группу селений обряды. Впрочем, для того чтобы судить о наличии или отсутствии таких центров, надо располагать данными о конкретных особенностях взаимосвязанных поселений. Если этнография дает сведения на этот счет, то археология пока не располагает данными, которые были бы старше V тыс. до н.э. Они отсутствуют и в Месопотамии, и в других близких к ней областях раннеземледельческой ойкумены. Известные сейчас селения Чатал-Хююк (Турция) или Тель-эс-Савван (Месопотамия) отличаются (особенно первое) некоторыми признаками, позволяющими предполагать их особое, центральное место среди окружающих, но дело в том, что эти-то окружающие не исследованы. В Чатал-Хююке обнаружены многочисленные памятники обрядового характера, есть такие и в Тель-эс-Савване, хотя здесь они не столь выразительны. Можно предполагать, что подобные поселения играли роль центральных, «материнских» по отношению к окружающим. Один из источников их положения — то, что они были основаны первопоселенцами на этой территории, благодаря чему и обладали функциями обрядовых центров. Не исключено, что они располагали и некоторыми преимуществами в обладании ценностями, связанными с высоким престижем. Роль центров оставалась за ними на протяжении нескольких столетий, поскольку общая ситуация в районах их расположения была стабильной.

Эта форма организации — локальная группа — изучалась этнографами в разных климатических зонах, в условиях разных форм хозяйства,

как производящего, так и присваивающего. Общим для всех форм хозяйственной деятельности было наличие некоторого излишка. Власть лидеров была выборной и ненаследственной. Они получили общее наименование «большие люди» (big men). (Примечательно, что в Месопотамии уже в пору существования государств вождей и царей тоже именовали «лугаль» — букв. «большой человек».) «Большие люди» регулировали в пределах своей локальной группы хозяйственные и социальные отношения, организовывали отношения с другими группами по поводу совместных действий и обмена. Их положение давало им право на получение части производимого членами сообщества избытка. Далеко зашедшие процессы социальной дифференциации могли поставить их, как это было у индейцев северо-западного побережья Северной Америки, в относительно изолированное положение по отношению к рядовым общинникам. Здесь «большой человек» обладал разнообразными функциями. Он представлял свою группу перед другими и являлся как бы ее символом, отождествлялся с ней. Его собственное могущество выражалось в авторитете, но материализовалось в различных ценностях, олицетворявших могущество представляемой им группы. Его ранг был концентрированным выражением ранга его группы. В церемониях он выступал от ее имени.

«Большой человек» — носитель «титолов» и эмблем, в символической форме представлявших территорию группы. Если он приобретал контроль над другой, то получал и ее эмблемы. Он был организатором крупных хозяйственных мероприятий (строительства дамб, оборонительных сооружений). В его доме работали ремесленники-специалисты, которых он содержал за счет собственных запасов, но продуктами их труда пользовались во время коллективных предприятий все общинники. В его хранилище содержались резервные припасы.

Для отправления своих обязанностей, которые направлены на обеспечение благополучия селений своей группы, «большой человек» должен был обладать определенными материальными возможностями. Это как будто придает ему сходство с вождем — предводителем более прочных объединений, но в отличие от последнего он так же легко теряет богатства, как приобретает их. Богатства индейских лидеров бывали значительными, но престиж и сама власть основывались не на безраздельном владении ими, а на щедрости. Престиж ценится выше обладания богатствами, и сама хозяйственная деятельность может, с точки зрения членов таких обществ, иметь целью именно приобретение престижа (экономика такого типа получила поэтому наименование «престижной»). Вещественные знаки престижа изготавливали из редких, в том числе получаемых путем обмена, материалов. Это были изделия, выполненные со значительными затратами труда.

Во время празднеств (потлачей), в которых сочетались «идеологические» и «экономические» начала, соперничавшие лидеры стремились «похоронить» друг друга под горами даров — свидетелей их процветания. Для демонстрации своих возможностей соперники уничтожали немалые запасы разных ценностей и пищи, даже сжигая их. В таких празднествах происходило перераспределение различных благ, в

том числе жизнеобеспечивающих, между разными общинами; в ходе их разрешались отношения соперничества, снимались конфликты.

Одна из задач локального лидера — побудить общинников участвовать в крупномасштабных работах, непосредственные выгоды от которых отдельным людям неочевидны. Для этого он использует традиционные обряды и предания, свое богатство и влияние, выступает как обрядовый руководитель работ хозяйственного цикла. Он же руководит обменом, который в различных формах является интегрирующим началом таких групп. Именно обменом, а не военной силой поддерживается единство.

Трудно сказать, в каких конкретно формах происходило перераспределение всякого рода ценностей в обществе ранних земледельцев интересующего нас региона и времени. Нет оснований думать, что у них существовала престижная экономика в тех законченных и четких формах, которые фиксируются у аборигенов Австралии и Океании, Африки, Америки и т.д. Ю.И.Семенов отмечает, что «подавляющее большинство земледельцев и скотоводов, относящихся к доклассовому обществу, либо уже миновали стадию, для которой характерен расцвет престижной экономики, либо утратили ее в результате различного рода внешних влияний» [Семенов Ю.И., 1993, с. 503]. Тем не менее ее элементы сохраняются у многих земледельцев и скотоводов даже и в классовом обществе. Одна из форм престижного обмена — различные пиршества по самым разным поводам: во время сезонных празднеств, в ходе возрастных обрядов, по случаю заключения соглашений и т.д. Во время таких торжеств, происходивших в пределах одного селения или целой их группы, имело место перераспределение благ, и те, кто давал больше, утверждали тем самым свой высокий престиж. Таким образом поддерживалась уверенность в равенстве, которое уже фактически нарушалось.

Другой формой обмена дарами и услугами было гостеприимство, столь распространенное у многих народов, в том числе на Востоке. Оно не имеет отношения к собственно престижной экономике, хотя формально сходно с престижным обменом. Гостеприимство обязывало делиться с пришельцами пищей, оказывать им различные услуги, при этом принимающая сторона рассчитывала на аналогичное отношение к себе в дальнейшем. Может быть, именно через институт гостеприимства осуществлялись отношения между общинами-первопоселенцами на определенных землях и пришлыми, в более позднее время в Месопотамии — между земледельцами и кочевыми или полукочевыми скотоводами.

Общества такого типа складываются, как показывает пример индейцев побережья Северной Америки, и в условиях присваивающего хозяйства, но такого, которое позволяло систематически получать значительные излишки. В то же время это хозяйство ставит предел дальнейшему развитию общества, здесь не складываются устойчивые институты власти, четкая система наследуемых социальных статусов. Власть социальных лидеров тем не менее может быть достаточно сильной благодаря значительной роли, которую играет в таких обществах война.

Несколько предваряя дальнейшие выводы, заметим, что система этого рода кажется нам в определенной степени близкой той, которая

могла существовать у носителей халафской культуры. Они обитали в зоне, где земледелие было весьма рискованным, а значит, было необходимо мобилизовать деятельность отдельных общин и их объединений для предотвращения нехватки жизнеобеспечивающих продуктов. Для обмена, вероятно, добывали сырье и изготавливали такие предметы, как сосуды. Несомненно, возникали и военные конфликты. В этой ситуации очевидно существование лидеров, в том числе и временных военных предводителей. Предводители общин, обладавшие функциями пока не вождя, а «большого человека», могли составлять совет, координировавший деятельность общин-соседей, ведавший их обороной и т.д. В случае необходимости они выдвигали временного лидера.

Более высокий уровень организации представляет вождество. Это понятие объединяет общественные организмы, в которых социальная дифференциация уже должна была обрести достаточно явные формы. Вождества возникают в условиях производящего хозяйства — земледелия (от подсечно-огневого до ирригационного) и животноводства. Время их возникновения, как полагают, постнеолитическое или даже поздне-неолитическое [там же, с. 207].

В таких обществах часть производимого продукта идет на обеспечение социальной элиты, функция которой — централизованное управление, перераспределение производимого избытка продуктов для поддержания непроизводящего слоя, вознаграждения труда ремесленников, обеспечения обмена и т.д. Власть приобретает характер института, степень обособленности которого предполагает в перспективе структуру, присущую государству.

Концепции вождества различаются, поскольку в них делаются акценты на особенностях социально-экономического развития в разных регионах, у разных народов. Естественно, с большими трудностями сталкиваются те, кто пытается реконструировать, исходя из этих построений, древние общественные структуры, располагая лишь археологическими свидетельствами. Признание исторической универсальности этой формы организации, по-видимому, зависит от того, насколько жестко при интерпретации материалов далекого прошлого исследователи будут учитывать те признаки вождеств, которые выявлены на основании данных об обществах относительно недавнего прошлого. Индивидуальные особенности изучаемых обществ должны быть осмыслены с точки зрения реализации в них некоторых общих тенденций; при этом специфические черты также заслуживают внимания.

В концепции вождества ключевую роль играет понятие перераспределения (*redistribution*): вожди контролируют избыток продуктов жизнеобеспечивающей сферы, а также, что важно, ценности. Они выступают инициаторами и организаторами общественных работ, в их компетенции — обмен с соседями, установление с ними разнообразных отношений, оборона. Один из важных для археологической идентификации признаков вождества — существование поселений, отличающихся чертами, позволяющими видеть в них резиденции элиты. По мнению К.Ренфрю, вождеские общества характеризуются набором разнообразных признаков, и возможность выявить их археологически неодинакова.

К таким признакам относятся: 1) существование в обществе ранговой структуры; 2) перераспределение продуктов вождем; 3) значительная плотность населения; 4) рост численности населения; 5) возрастание размеров резидентных групп; 6) рост производительности труда общества; 7) возникновение более явных, чем прежде, границ территорий; 8) большая интегрированность, чем в предшествовавшем ему обществе, появление иерархии высоких статусов; 9) существование центров, координирующих социальную, религиозную и экономическую деятельность; 10) проведение частых церемоний и ритуальных действий широкого общественного значения; 11) существование жречества; 12) наличие специализированного производства и перераспределения, формы которого связаны с особенностями экологии; 13) появление специализации, зависящей от индивидуального мастерства, в пределах широкой кооперации; 14) организация и проведение общественных работ; 15) рост ремесленной специализации; 16) стремление к территориальной экспансии; 17) уменьшение внутренних конфликтов; 18) существование общественного неравенства, связанного с наличием постоянных лидеров, успехами в сельском хозяйстве или в неэкономических сферах; 19) отличия в одежде и украшениях у лиц высокого статуса; 20) отсутствие легализованной организации для насильственного изменения сложившихся отношений [Renfrew, 1973, с. 543]. Совершенно очевидно, что весь набор признаков не может быть всеобщим, приложимым ко всем обществам поры, переходной от первобытности к первым государствам.

Согласно Г.Т.Райту, вождество — социально-политическое образование, в котором весь общественный контроль принадлежит подсистеме, специализированной относительно других видов деятельности. Она, однако, не специализирована внутри себя, в ней не выделены разные аспекты контроля (принятие решений, надзор, принуждение): контроль здесь единый, недифференцированный. В простых вождествах он осуществляется лицами из локальных подгрупп элиты с наследуемым (предписанным) статусом. В сложных вождествах элита состоит из лиц, принадлежащих к разным локальным группам. Они составляют обособленный ранг, члены которого соперничают из-за доступа к контролирующим позициям. В этих условиях иерархия образует не один, а два уровня [Wright H.T., 1984, с. 42].

При определении сложных (или комплексных) вождеств по археологическим данным Г.Т.Райт предлагает исходить из признаков четырех групп.

1. В системе поселений обнаруживается иерархия по признакам отношения населения к земледелию, скотоводству, ремеслу, обмену, функции управления, проведению массовых ритуальных действий. В каждой подгруппе есть свой центр, отличающийся размерами и наличием особых архитектурных сооружений, выделяющихся размерами и/или качеством постройки.

2. Жилая застройка на поселениях-резиденциях элиты неоднородна.

3. Для лиц высокого ранга есть отличный от обычного погребальный обряд — они могут изолироваться в смерти так же, как изолировались

при жизни, например их могут хоронить близ ритуальных мест. Возможны и археологически нефиксируемые способы погребения, в частности помешие останков на поверхности, а не в земле, из-за чего они не могли сохраниться до наших дней.

4. В материальной культуре должна выделиться группа ценных, престижных вещей, специфических символов, используемых знатью [там же, с. 44].

Ясно, что лишь очень небольшое число данных об обществе носителей халафской культуры дает основание предполагать столь сложную организацию и даже организацию, несколько более простую, простое вождество.

Конечно, халафские поселения не производят впечатления разрозненных и никак не объединенных. Здесь было достаточно развитое ремесло и есть признаки регулярного обмена. Может быть, на некоторых поселениях были общие хранилища. О тенденции укрепления лидерских функций как будто свидетельствует обряд погребения, наличие в могилах престижных вещей.

Среди поселений халафской культуры пока не выявляются постоянные центры — резиденции элиты — один из главных признаков вождеств, который может быть прослежен археологически. Нет оснований думать, что их роль играли те, в которых изготавливали керамику для обмена: одного этого обстоятельства недостаточно, чтобы такие селения были определены как центральные.

Итак, все, что пока известно об этой культуре, позволяет предположить, что у ее носителей несколько поселений образовывали сообщества, локальные группы, между которыми поддерживались постоянные контакты. Вероятно, необходимость регулирования их жизни требовала периодических или экстраординарных собраний представителей общин, из числа которых в особом случае мог избираться предводитель. Власть его, основанная на авторитете и, по-видимому, особом месте общины, к которой он принадлежал, не была постоянной, и, судя по имеющимся данным, он не играл роли единоличного перераспределителя излишков. Таким образом, организации типа вождества здесь как будто нет оснований предполагать. Одна из возможных причин этого — относительно медленное развитие Верхней Месопотамии, свойственное обществам этого региона и позднее. Оно связано, как предполагают, с существованием здесь в это время хозяйства с низкой степенью риска [Watson, 1983], не требовавшего создания более прочных объединений, чем локальная группа.

САМАРРСКАЯ КУЛЬТУРА

Трудно сказать, насколько общественная структура носителей самаррской культуры была близка халафской: хозяйство их и некоторые признаки материальной культуры свидетельствуют о значительном своеобразии. Высказывалось предположение, пока весьма осторожное, что «халафцы» и «самаррцы» были носителями разных языков-субстратов

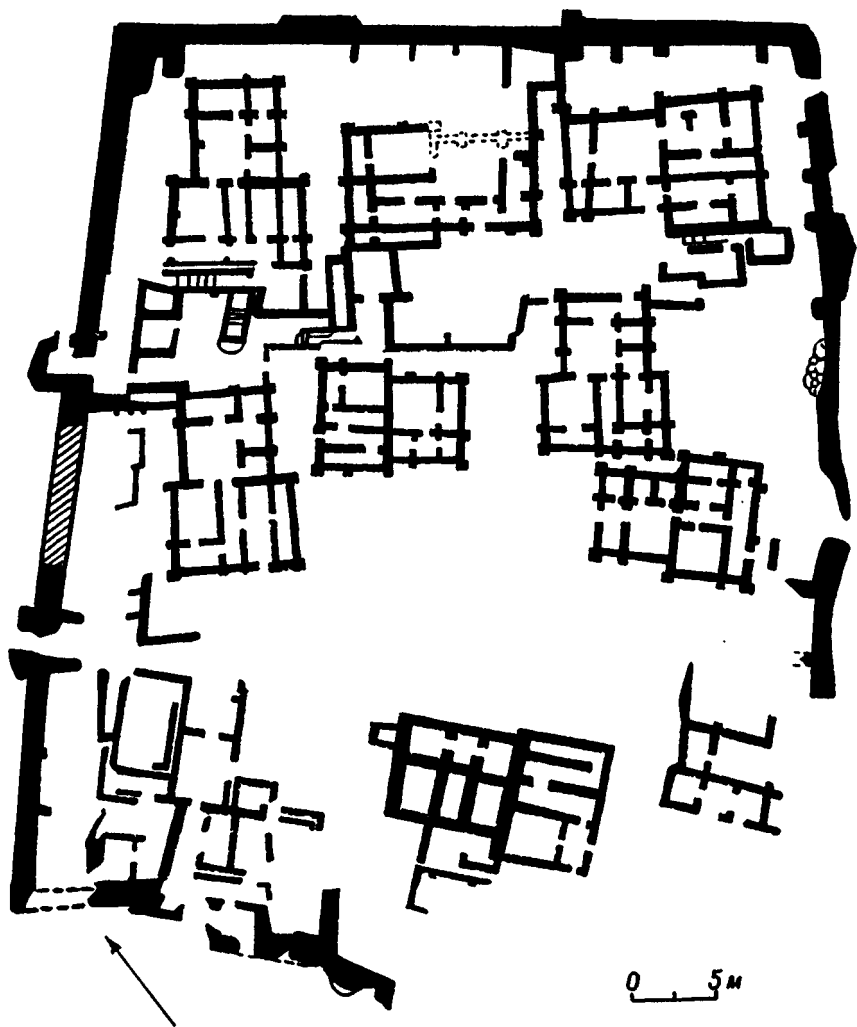

Рис. 4. План Телль-эс-Саввана

позднейшего населения Месопотамии. При этом предположительно «самарцев» отождествляют с носителями «бананового» языка, или языка «прототигридского», оставившего заметный след в шумерском языке [ИДВ, 1983, с. 91—92].

Самаррская культура несколько более ранняя, чем халафская, с которой она сосуществовала лишь на позднем этапе своего развития (по С-14 — первая половина VI тыс. до н.э. [Porada a.o., 1992, с. 83]). Изучена она с некоторых точек зрения еще хуже, чем халафская, но и имею-

щие данные свидетельствуют, что она сыграла немалую роль в формировании шумерской цивилизации: в ней усматривают один из источников убейдской культуры.

Поселения самаррской культуры лежат по среднему течению Тигра, по Багузу и Балиху и в долине Диялы. На позднем этапе зафиксированы ее связи с Иранским плато, Сиро-Киликийским регионом, а также с носителями халафской культуры на севере и раннеубейдской на юге [Matsumoto, 1987, с. 195; Copeland, Hours, 1987, с. 212]. Местонахождение поселений, возделывание шестирядного ячменя, возможное здесь только при использовании ирригации, наконец, находки следов самих каналов — все указывает на важный шаг, сделанный в освоении долины [Oates, 1969, с. 128]. (Канал около Мандали шириной 4—6 м относится к Убейду 3 (начало V тыс. до н.э.) [Oates, 1972, с. 303].)

Жилища были многокомнатными; помещения разного размера, вероятно как жилые, так и предназначавшиеся для хранения припасов, располагались в три ряда. Сами же дома могли приобретать Т-образную форму: они составлялись из двух блоков, соединявшихся под прямым углом. Примечательно, что в этих домах ни одно помещение не выделяется размером и особым оборудованием, как это было в домах более поздних, убейдских. Площадь поселений могла достигать 5—6 га (Чога-Мами) [Oates, 1972, с. 303], но относительно хорошо изученный Телль-эс-Савван, расположенный неподалеку от Багдада, был небольшим — около 0,5 га. Это селение окружено оборонительными сооружениями: на одном из этапов своего существования — рвом, на другом — стеной. Оборонительная стена толщиной около 1,5 м обнаружена и в позднесамаррском поселении Телль-Сонгор [Matsumoto, 1987].

Признак высокоразвитого ремесла носителей этой культуры — керамические сосуды разнообразных форм, с орнаментом как геометрическим, так и фигуративным. Среди них — предназначавшиеся для обрядов, изображения на которых связаны с мифологическими представлениями [Антонова, 1990, с. 235—236]. Обрядовые вещи вообще многочисленны. Естественно, на первом месте — сосуды различных форм из камня и глины, каменные и глиняные фигурки, отдельные признаки которых дают основания предполагать их воздействие на формирование убейдских статуэток [Антонова, 1977, с. 62—63]. Медных изделий найдено очень мало, но само их существование, а также находки многочисленных предметов из явно привозных материалов указывают на обменные отношения, цепочки которых простирались далеко на восток и запад. Поселения самаррской культуры занимали выгодное положение на позднейших путях обмена и торговли. Часть поселений (например, Чога-Мами) лежала на «Царской дороге» персидского времени. Особенно многочисленны свидетельства связей с Ираном.

Некоторые сведения о характере общества дают материалы Телль-эс-Саввана. В многочисленных обнаруженных на его территории погребениях взрослых и детей найдены высококачественные вещи, среди них явно специально обрядовые. Инвентарь погребений взрослых и детей различается, что дало основания для нескольких предположений [Антонова, 1990, с. 76]. Кажется маловероятным, что богатство инвентаря

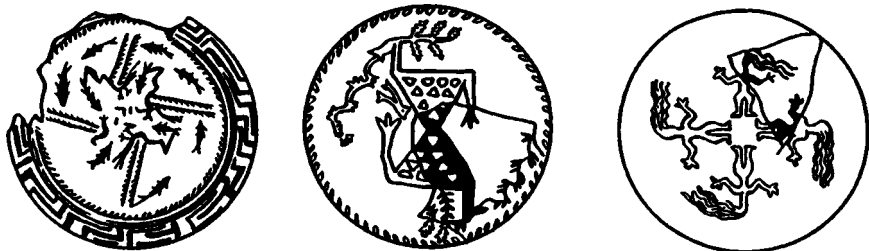

Рис. 5. Расписные сосуды из Самарры

детских погребений — свидетельство культа привилегированных детей [Алекшин, 1986, с. 124]. Скорее можно думать, что и дети, и взрослые были членами общины, занимавшей особое, высокое положение среди окружающих. Высокий статус был наследственным (предписанным), а не достигаемым с возрастом, поэтому вещи, захороненные с детьми, качественно не отличались от вещей из погребений взрослых. На высокий статус общины Телль-эс-Саввана указывает и качество построек, и наличие оборонительных сооружений. Вполне вероятно, что селение было обрядовым центром.

Нет сомнений, что будущие исследования дадут новые сведения о социальной структуре носителей самаррской культуры, достаточную сложность которой предполагают уже имеющиеся памятники.

Динамичность и сложность развития культур Месопотамии в VI—V тыс. до н.э. становится сейчас все более ясной. В средней части и на юге ее сосуществовали и взаимодействовали носители разных культур, среди которых идентифицированы признаваемые теперь отчасти (на некоторых этапах своего существования) синхронными халафская, самаррская и убейдская. Начинается широкое освоение Нижней Месопотамии; есть мнение, что движение туда предков носителей убейдской культуры было результатом давления «халафцев» [Forest, 1987a, с. 203]. Но до сих пор очень многое в истории появления земледельцев и скотоводов на юге остается неясным. Возможно, движение сюда было стимулировано иссушением климата, начавшимся около середины VI тыс. до н.э.; апогей его приходится на рубеж V—IV тыс. до н.э. [Мунчаев и др., 1993, с. 40].

ОСВОЕНИЕ ЮГА. УБЕЙД

Нет ничего удивительного в том, что две важные эпохи «доисторического» периода Месопотамии, убейдская и урукская, изучены недостаточно, на что неоднократно сетовали исследователи (см., в частности, [Oates, 1983]). Неустойчивый режим Тигра и Евфрата, многометровые толщи аллювия, близость грунтовых вод, существование современных болот на месте древних поселений, мощные позднейшие куль-

турные напластования древних городов и вместе с тем процессы дефляции в засушливых местах — все это создает трудности в исследовании первых этапов заселения тяжелых в освоении, хотя и благодатных земель Шумера.

Первые по-настоящему систематические разведки в Нижней Месопотамии были проведены лишь в 60-е годы нашего века (районы Ура [Wright G.A., 1969], Урука [Adams, Nissen, 1972], Ниппура [Adams, 1981] и т.д.), и до сих пор более или менее внимательному обследованию подвергались лишь крупные поселения, а о мелких практически почти ничего не было известно [Wright G.A., 1969].

Особую роль в изучении древнего прошлого Месопотамии, в том числе происхождения культур юга, сыграли раскопки 1977—1980 гг. в районе среднего течения Диялы, проводившиеся в связи со строительством здесь плотины (Himrin Salvage Project) [Préhistoire de la Mésopotamie, 1987]. Они предоставили новые свидетельства частичной синхронности Халафа, Самарры и Убейда, данные об общности ряда признаков самаррской и убейдской культур (в первую очередь архитектуры). Сейчас стали очевидны динамичность и сложность культурного развития Месопотамии VI—V тыс. до н.э., сосуществование и взаимодействие различных традиций, отсутствие той однолинейности эволюции, которая предполагалась в старых исследованиях.

Большие стратиграфические свиты ранних периодов получены при раскопках Эреду (Temple Sounding — Убейд 1, или Эреду XIX—XV/XIV, и Hut Sounding — Убейд 3) и Телль-Уэйли близ Ларсы, где обнаружены слои, предшествующие Убейду 1, и отложения Убейда 1—4 [Calvet, 1987; Huot, 1987, с. 295—296]. В Уруке в Эанне достигнуты слои Убейда 4, в Уре затронуты отложения Убейда 3—4, в Ларсе убейдские материалы представлены сборами [Calvet, 1987]. Древнейшим периодом Убейда считают период Убейд 1, или период Эреду (Эреду XIX—XV). Он зафиксирован на небольшом числе поселений между Уруком и Эреду, но аналогии в керамике обнаруживаются до Средней Месопотамии (Мандали). Дж.Оутс предполагала [Oates, 1976, с. 21] — и это подтвердилось находками в Телль-Уэйли, — что на юге существовал и более ранний период. Керамика его сопоставима с обнаруженной в постсамаррских слоях Чога-Мами, получившей название «переходная керамика Чога-Мами» (Choga Mami Transitional). В ней есть сходство с керамикой условно выделенного в этом поселении Убейда 1 и самаррской. Примечательно, что на поселениях Западного Загроса она представлена импортами, и происхождение ее от более ранних форм в Хузистане не прослеживается [Oates, 1976, с. 21].

Шире представлена керамика периода Убейд 2 (Хаджи-Мухаммед, Эреду XIV—XII). Она обнаружена от Саудовской Аравии до Мандали — расстояние между этими районами 1000 км. В это время сильное влияние со стороны Нижней Месопотамии ощущается в Хузистане, если судить по такому индикатору связей, каким является керамика [там же, с. 22].

Позднее формируются комплексы, которые прежде считали собственно убейдскими [Perkins, 1949, с. 46 и сл.]: Убейд 3 (Эреду XI—VIII)

и Убейд 4 (Эреду VII—VI), датируемые второй половиной V — первой половиной IV тыс. до н.э. О широте их контактов свидетельствует обнаружение позднеубейдской (Black on Buff) керамики на поверхности более чем 100 поселений в долине Махидашт на пути из Центральной Месопотамии на Иранское плато, на Великом хорасанском пути [Levine, Young, 1987, с. 33]. В долине Диялы на площади 400 км² открыто 10 убейдских поселений. Большинство из них имели площадь менее 1 га, одно (Телль-Абада) — 3 га и одно (Телль-Абу-Хусайни) — 6 га. (Поселения были обитаемы непродолжительное время [Oates, 1983, с. 252].)

Распространение носителей убейдской культуры шло и в южном направлении: более 40 местонахождений с убейдскими черепками и скоплениями кремневых изделий найдено на побережье Аравийского полуострова и иранском берегу Персидского залива на расстоянии более 600 км от предполагаемых границ убейдской культуры. Поскольку здесь были найдены и скопления лишь кремня, без керамики, высказано предположение, что убейдская посуда была привозной в местах обитания полукочевых охотников, рыболовов и собирателей. Кроме скоплений керамики на поверхности без выраженного рельефа обнаружено четыре больших холма [Oates, 1976, с. 20; Mastry, 1974]. Нейтронный анализ показал, что убейдская керамика на 50% происходит из Эреду, Ура и Убейда. В основном она относится к позднему периоду, но на персидской стороне залива есть и фрагменты периода Убейд 2 [Oates, 1983, с. 255].

Местонахождения с убейдскими материалами в Саудовской Аравии обнаружены главным образом на побережье, но есть они и в 65 км от него [Oates, 1976, с. 20]. Предметом интереса обитателей долины в этих местах, как полагают, были раковины, жемчуг, камень. Потребность в этих отсутствующих в долине материалах и могла вызвать обмен между сравнительно отдаленными землями.

Одна из проблем, связанных с убейдской культурой, — ее происхождение. Распространенная прежде теория о приходе ее носителей из районов соседнего Ирана [Perkins, 1949, с. 74, 51] или других областей сейчас не разделяется большинством исследователей [Breniquet, 1987, с. 231]. Уже в 60-е годы Дж. Оутс выявила в древнейшей керамике Эреду (XIX—XV) сходство с самаррской. Это сходство прослежено в некоторых формах сосудов и в принципах построения орнамента. Тогда она предположила существование общих источников этих комплексов [Oates, 1960, с. 42]. Она считала, что цивилизация Месопотамии вообще менее, чем думали прежде, обязана пришельцам, что население эпохи Убейда не было гомогенным, как не был гомогенным в «историческое» время народ шумеров. Позднее в поселениях долины Диялы удалось обнаружить сосуществование позднехалафской и убейдской (Убейд 3) керамических традиций. В этих селениях, таким образом, одновременно жили носители той и другой, подобно тому как сейчас здесь живут бок о бок арабы, курды, луры, туркмены [Oates, 1983, с. 254].

Убейдская культура оказала сильное влияние на северную часть региона, что привело, как говорилось выше, к исчезновению халафской

культуры. Однако в северном варианте убейдской культуры немало своеобразия. Так, хотя на севере создаются постройки трехчастного плана, здесь центральное помещение нередко имеет крестообразную форму [Margueron, 1987, с. 352—359]. Специфичны некоторые орнаментальные композиции и мотивы на сосудах, генетически связанных с халафской традицией. Отличием служит и многочисленность печатей-штампов, которые на юге пока практически не встречаются. В русле халафской традиции развивается и антропоморфная скульптура [Verniquet, 1989, с. 335]. К.Бренике на основании этих особенностей материальной культуры делает вывод, что в халафской среде произошла адаптация и адаптация убейдской культуры.

С освоением юга усиливается неравномерность развития севера и юга: в конце V тыс. до н.э. на территории будущего Шумера складываются уже близкие к городским общества, на севере же продолжают существовать маломасштабные сообщества [Akkermans, 1990, с. 292].

Единство культуры достигалось ассимиляцией разнородных элементов. Если сейчас нет явных данных о миграции со стороны Ирана, то число признаков, связывающих Убейд с Самаррой, все увеличивается. Помимо керамики к ним относятся антропоморфная пластика и планировка жилых домов. Таким особенностям убейдской культуры, «выпадающим» из общей линии развития, как вытянутое положение погребенных, не следует, как предполагает Дж.Оутс, придавать большое значение, так как эта поза могла появиться в результате незначительных колебаний в представлениях о загробной жизни (поза погребенных в культурах Месопотамии, предшествующих и следующих за убейдской, была скорченной).

Таким образом, процесс заселения юга Месопотамии, собственно Двуречья, рисуется сейчас как сложный, многокомпонентный, хотя многие моменты его остаются пока неясны. Стремление в этот район носителей самаррской культуры весьма вероятно, «халафцев» — возможно. Не исключено, что и до их прихода в неолитическое время здесь обитали рыболовы и собиратели: об этом можно судить по аналогии с аллювиальной изменчивостью Хузистана, где обнаружены неолитические поселения [Augenche, 1987, с. 86]. Одним из компонентов убейдского населения могли быть пришельцы из Восточной Аравии, как это предполагает А.Мастри. Таким образом, уже в предубейдское время в Нижней Месопотамии могли сосуществовать общины разных типов, отличавшиеся как материальной культурой, так и языком и физическим типом их членов [Mastry, 1974].

В формировании хозяйства земледельцев и скотоводов Двуречья значительную роль играли особенности природной среды, которая отнюдь не была однообразной. Долина представляет собой в определенном смысле природное единство, но и различия здесь достаточно велики [Adams, 1972, с. 738]. Освоение низовьев Евфрата и Тигра носителями производящего хозяйства стало возможно лишь тогда, когда ими был накоплен опыт создания ирригационных сооружений, на первых порах, естественно, очень примитивных. Плоская аллювиальная равнина

Нижней Месопотамии не создавала условий для стабильности русел Евфрата и Тигра, они часто изменялись. Разлив Тигра начинается на две недели раньше Евфрата, в марте—апреле, в зависимости от времени таяния снегов в горах, где находятся их истоки. Высевавшиеся здесь злаки — пшеница и ячмень — были в основном озимыми; в период вегетации они нуждались в орошении четыре раза и более [Adams, 1971a, с. 1]. Высокий уровень паводковых вод приходится на конец вегетационного периода; кроме того, разливы часто сопровождалась наводнениями [Wirth, 1962]. Поэтому в основном и практиковали озимые посевы — их отношение к яровым было 10:1 [Adams, 1971a, с. 1]. При помощи ирригационных сооружений здесь стремились защитить поля от губительных воздействий паводка и в то же время запасти воду в естественных западинах или бассейнах для полива [Salonen, 1968, с. 212].

При отсутствии высокоразвитой техники (сложных сооружений, плотин, водохранилищ, водоподъемников) земледелие здесь было рискованным. Естественные водотоки и искусственные каналы, позволяющие осваивать более или менее отдаленные от речных рукавов земли, требовали систематической организованной работы — очистки, обваловки и т.д. [Adams, 1971a, с. 2]. Сведения, содержащиеся в трудах этнографов и путешественников XIX—XX вв., позволяют думать, что маломасштабные ирригационные работы могли осуществляться несколькими общинами, однако без централизованной регулирующей власти их усилия не позволяли создать относительно стабильную систему [там же, с. 3]. По мнению Р.Мак Адамса, способом адаптации к этим сложным условиям было многоукладное хозяйство, существование взаимодополняющих систем, подобных тем, которые были здесь в недавнем прошлом. Земледельческие общины не были изолированы от общин (вероятно, родственных или близких им на основе фиктивного родства), занимавшихся полностью или по преимуществу разведением скота. Скот пасся на полях, находившихся под паром, на жнивье, около сезонных болот и в степи, участки которой местами подступали к обработанным землям [там же, с. 1].

Возможность существования в этих нестабильных условиях облегчалась и благодаря богатым ресурсам рек и болот, где обитало множество дичи и рыбы и рос тростник — прекрасный строительный материал, использовавшийся и до недавнего времени.

Здесь выделяют несколько природно-хозяйственных зон, не имеющих четких границ; некоторые и внутренне неоднородны [Adams, 1966, с. 48; Jacobsen, 1970, с. 21 и сл.]. Районирование реконструируется для III тыс. до н.э. и является самым общим, но и оно дает представление о разнообразии хозяйства.

Города Эреду, Куар, Кинирша, Гуабба, Нина лежали в зоне болот. Ее обитатели помимо земледелия и скотоводства использовали предоставляемые им природой ресурсы — тростник и рыбу (один из главных источников протеина). Р.Мак Адамс напоминает, что в общине Бау раннединастического Лагаша из 1200 ее членов более 100 были рыболовами, а 125 — гребцами, матросами, грузчиками и т.д. [Adams, 1966, с. 48].

Города Урук, Энегир, Гишбанда, Гирсу находились в зоне садоводства и огородничества. Земледельческими по преимуществу были районы Ниппура, Шуруппака, Уруку, Куту, Эреша. Скотоводством в разных формах занимались в районе Ура, Киабрига, Гэша, Зарарима, Куллаба, Урука, Забалама, Бад-Тибиры, Уммы, Биткаркары, Адаба, Кеша. Скотоводы использовали находившиеся под паром земли в земледельческих областях для выпаса скота. Разведение мелкого скота играло особую роль в хозяйстве, поскольку давало сырье для тканей — одной из важных статей экспорта по крайней мере в III—II тыс. до н.э. [там же, с. 49].

Специализация была относительной. Показателен с точки зрения комплексности хозяйства район Урука, экологическая неоднородность которого позволяла использовать ресурсы болот, сухих степей, а на орошаемых землях заниматься садоводством и возделыванием зерновых культур [Adams, Nissen, 1972, с. 86]. Среда обитания представляла собой совокупность небольших, неустойчивых в экологическом отношении, а потому взаимозависимых территорий. Такое положение, зафиксированное для Шумера III тыс. до н.э., может быть с известными поправками (учитывая рост возможностей регулирования) спроецировано на более раннее время. Природные различия диктовали определенную направленность хозяйственной деятельности разных общин, создавали условия для специализации. Специализации способствовала и относительная близость селений, легкость передвижений между ними по многочисленным речным протокам, а позднее — каналам. Р.Мак Адамс отмечал, что ранние упоминания о сооружении систем каналов говорят об их назначении не служить ирригации, а быть средством сообщения [Adams, 1966, с. 56].

По мнению этого же исследователя, нет оснований рассматривать различные способы адаптации к среде как соперничающие. Ошибочно видеть в подвижных скотоводах неравноправных участников системы отношений земледельцы—скотоводы. Столь же неправомерно трактовать хозяйство болотных арабов современного Ирака как пример примитивной адаптации. Специализированное речное хозяйство, как и хозяйство скотоводческое, не может существовать изолированно, его носители должны были находиться в контактах с теми, кто практиковал другие формы хозяйства. Так, машарабы находятся в постоянных контактах с обитателями пустынь [Adams, 1969, с. 119—120].

Сейчас известно, что обитатели убейдских поселений возделывали пшеницу, шестирядный ячмень, финиковую пальму. Находки серпов и других земледельческих орудий позволяют думать, что обработкой земли занимались члены всех общин, независимо от размеров поселений и их предполагаемого места в поселенческой иерархии (см. ниже) [Wright, Pollock, 1987, с. 319—324]. «Убейдцы» разводили мелкий и крупный рогатый скот: известно, в частности, что в Телль-Уэйли около 58% костных останков животных принадлежит крупному скоту; судя по глиняным фигуркам, здесь разводили горбатый скот [Huot, 1987, с. 301]. Данных для того, чтобы судить об особенностях хозяйства в разных районах, пока нет. Очевидно, немалую роль играла рыбная ловля и охота на водоплавающих птиц [там же, с. 298]; безусловно, всесторонне использовали ресурсы болот.

Система убейдских поселений исследована пока недостаточно. Вы сказано предположение, сделанное на основании изучения окрестностей Урука и долины Диялы, что по всей Месопотамии в это время поселения не образовывали, как позднее, регулярных групп («кластеров»), а располагались на разных расстояниях [Adams, Nissen, 1972, с. 89]. В окрестностях Урука выявлено 14 убейдских поселений по течению водотоков на расстоянии 4 км и более друг от друга. Пять из них имели площадь не менее 1 га, а некоторые могли превышать 5 и 10 га. Площадь самого Урука в это время неизвестна, но размеры его в урукское время заставляют думать, что и в предшествующий, убейдский период он был городком (town). Несмотря на особенность размещения поселений этого времени, как будто свидетельствующую об отсутствии систематических связей между ними, полагают, что структурная сложность общества и уровень социальной дифференциации были довольно высокими [там же, с. 9, 11].

Линейное размещение поселений указывает на существование развитой ирригационной сети. Некоторые признаки ее формирования прослежены, считает Г. Гибсон, в окрестностях Киша, Ура и Эреду, а также в бассейне Диялы [Gibson, 1973]. По мнению Р. Мак Адамса, в это время ирригация основана на неинтенсивном орошении; сооружаются временные дамбы, разливы контролируются плохо [Adams, 1969, с. 115].

Иная картина была реконструирована при исследовании поселений Позднего Убеида в районе Эреду и Ура [Adams, 1971a]. Здесь в отличие от того, что было обнаружено в окрестностях Урука, поселения располагались довольно регулярно, группами, вдоль протоков Евфрата и каналов. Каналы были длиной не более 5 км. Тщательное обследование поверхности поселений позволило определить, что постройки на них качественно различались. На немногих небольших селениях обнаружены зольные отложения — возможно, следы сгоревших тростниковых домов, на других найдены следы сырцовых жилищ [Wright, Pollock, 1987, с. 319]. Структура группы поселений, реконструируемая Г. Т. Райтом, выглядит так: крупный центр или городок площадью не менее 10 га, а вокруг — селения меньшего размера. При предполагаемой плотности населения 125—200 человек на 1 га в группе поселений должно было обитать от 2,5 до 4 тыс. человек [там же, с. 317]. Такая картина создавалась в результате не только исследований в этой области, но и общетеоретических посылок и данных, собранных в Сузиане. Она нуждается в уточнениях, так как системы поселений в разных районах, как теперь известно, могли различаться.

Констатация бедности Нижней Месопотамии камнем, деревом, металлами давно стала в литературе общим местом. Судя по находкам, орудия и оружие изготавливали в значительной степени из местных материалов — из обожженной глины делали даже серпы. Для строительства широко использовали тростник. Вероятно, в это время были выработаны приемы сооружения построек значительного размера, признаки которых потом прослеживаются в декоре сооружений эпохи Урука и позже. В то же время многие факты свидетельствуют о развитии различных производств, в том числе нуждающихся в привозном сырье. По-

казатель интенсификации производства — появление в Убейде гончарного круга медленного вращения. Одновременно с развитием технологии производства, появлением новых, специализированных форм сосудов роспись, по преимуществу геометрическая, обедняется — возможно, из-за необходимости удешевления производства в условиях растущего спроса [Akkermans, 1988, с. 128—129].

Особенно важным индикатором уровня развития производства и общества в целом в Нижней Месопотамии был металл, который мог поступать только путем обмена, а в значительных количествах — лишь путем хорошо организованного обмена [Stech, Piggott, 1986]. Предполагают, что медь могли получать из Анатолии по тем же путям, что и обсидиан, отчасти установившимся еще в пору существования халафской культуры; однако с VI тыс. до н.э. Центральная и Нижняя Месопотамия снабжались металлом из Центрального Ирана (по тем же путям могла поступать в самаррский Тель-эс-Савван бирюза) [Moorey, 1982, с. 14]. Находки металлических изделий единичны. Возможно, отчасти это объясняется тем, что вещи из них пускали в переплавку. Один из показателей состояния металлообработки этого времени — глиняные модели проушных топоров, предполагаемые имитации металлических [там же, с. 19—20]. Уровень развития технологии в убейдской культуре может быть представлен аналогиями из соседних районов: на севере в это время появилось нечто вроде стекла и фаянса [там же], а в Сузиане зафиксировано значительное количество металлических изделий.

Итак, при всей изобретательности «убейдцев» без привозных материалов обойтись было нельзя. Даже материал для росписи керамических сосудов — гематит — приходилось привозить [Oates, 1960, с. 49]. О расстоянии между источником сырья и потребителем позволяет судить один факт: предполагаемое месторождение битума, найденного в Тель-Уэйли близ Ларсы, находилось в 400 км от этого поселения [Huot, 1987, с. 299].

Ситуация существования людей в Нижней Месопотамии и вообще культурная ситуация в регионе, охватывающем практически всю Переднюю Азию, предстает в новом свете, если подходить к Месопотамии не как к изолированной области, обитатели которой лишь изредка и по крайней необходимости вступали в контакты с более или менее удаленными соседями, а как к одному из элементов системы отношений, сложившихся в первую очередь помимо самой Месопотамии в Хузистане и окружающих горах Тавра и Загроса, на территории, называемой «Большая Месопотамия» (Greater Mesopotamia). Население низменности не могло обходиться без ресурсов, имевшихся в соседних областях. Потребность в них усилилась с освоением юга. Надо учитывать, что контакты между обитателями не только этого обширного региона, но и прилегающих к нему территорий начали формироваться еще на самых ранних этапах сложения производящего хозяйства [Wright G.A., 1969; Wright H.T., 1986, с. 325].

Недостаточная изученность Нижней Месопотамии не позволяет представить себе обмен в том объеме, который он, по всей вероятности, приобрел в убейдское время. Удаленность этой эпохи от «исто-

рического» периода не дает возможности экстраполировать на это время позднейшие сведения так уверенно, как это можно делать для следующего периода, Урук—Джемдет-Наср. Поэтому приходится ограничиваться предположениями, заключениями общего характера, а также сведениями с некоренной убейдской территории, с севера. Здесь в поселении Тепе-Гавра обнаружены признаки явления, которое получило название «торговля на далекие расстояния». О ней можно судить по находкам лазурита, источником которого были по существующему мнению месторождения Бадахшана.

Впервые этот столь ценившийся на Востоке минерал появляется в позднеубейдском, XIII слое. На пути распространения лазурита находились иранские поселения, из которых известны Тепе-Сиалк, Тепе-Гиян, Тепе-Гиссар [Herrmann, 1968]. Небольшое поселение Тепе-Гавра, как свидетельствуют разнообразие и относительная ценность погребального инвентаря, сложные архитектурные сооружения, процветало благодаря обмену. Об этом говорят и многочисленные печати и их оттиски периодов Позднего Убейда и Раннего Урука [Caldwell, 1976, с. 234]. Примечательно, что печати-штампы, служившие знаками собственности и применявшиеся для опечатывания продуктов, становятся в Тепе-Гавре особенно многочисленными именно в XIII слое, когда появляется лазурит. Большинство их изготовлено из материалов, вероятно поступавших с востока, — стеатита, серпентина, гематита, сердолика, того же лазурита [Tobler, 1950, с. 176].

По всей вероятности, с развитием обмена следует связывать быстрое распространение элементов материальной культуры убейдского происхождения на обширной территории. Севера Месопотамии они достигли по крайней мере около 4300 г. до н.э. (Убейд 3), если не раньше [Hole, Flannery, 1968, с. 189]. К 4000 г. до н.э. признаки Убейда прослеживаются от Сирии и Палестины до юга Средней Азии [там же]. Миграциями это объяснить невозможно. Более вероятно предположение о сложности системы межрегионального обмена, возникшей благодаря экологическому своеобразию отдельных районов и в немалой степени потребностям населения бедного ресурсами Двуречья. Согласно другому предположению, этим обменом должны были руководить лица высоких социальных статусов [Wright G.A., 1969, с. 72].

Г.А.Райт обратил внимание на то, что большинство районов распространения элементов убейдской культуры, которые он называет «стилистическими символами Убейда», и до сложения этой культуры были связаны обменом обсидиана и других видов сырья. В основе этого явления он усматривал процессы, аналогичные тем, которые определили «влияние ольмеков» в долине Оахака (Мексика). Согласно исследованному это явление К.Флэннери, его модель складывается из следующих элементов: 1) возникающая элита выражает свой статус украшениями из экзотических материалов; 2) формируется межрегиональный обмен такими материалами и изделиями из них; 3) распространяются определенные элементы изобразительного стиля и религиозные мотивы; 4) в этих условиях существует ремесленная специализация, и ремесленники могут жить в особых деревнях или в особых частях поселе-

ний. Общие культурные элементы — это знаки социальной верхушки, они служат средством утверждения высокого статуса. Район — организатор такого обмена должен быть наиболее развитым, каким, по мнению Г.А.Райта, и было Двуречье в это время [там же, с. 73—74].

Первое возражение против предположений Г.А.Райта — невозможность применить модель К.Флэннери к условиям Месопотамии из-за недостатка данных. Как мы постараемся показать дальше, знаки высокого статуса почти не выделяются в общинах носителей убейдской культуры, хотя они как будто могли отлагаться в погребениях. О ремесленной специализации можно только догадываться — на этот счет нет фактических данных. Тем не менее направление дальнейших разработок, как представляется, намечено нужное. Это подтверждают и новые исследования.

Естественно, что не все исследователи-археологи, привыкшие опираться на материальные свидетельства тех или иных явлений, решительны в своих интерпретациях процессов, стоявших за «убейдским феноменом». Дж.Оутс писала о культурном единстве Месопотамии в это время, но характер экономического и общественного развития, стоявший за ним, остается, с ее точки зрения, неясным. Она, как и, вероятно, большинство археологов, полагала (и, видимо, продолжает полагать, судя по относительно недавним публикациям), что выводы о формировании экономической или даже «политической» власти, росте значения «религиозных» институтов и других явлений этой культуры нуждаются в подкреплении фактическими данными [Oates, 1983, с. 262—263].

Постройки. Большую роль в реконструкциях социального строя играет изучение построек, сооружений жилого и иного назначения. Долгое время постройки убейдского периода были известны плохо; наилучшим образом сохранились обнаруженные в Эреду и Тепе-Гавре. В Эреду XI—IX под позднейшим зиккуратом были раскопаны сооружения трехчастного плана, возвышавшиеся над предшествовавшими им более простыми постройками. Они были прямоугольными, центральное помещение превышало размером обрамляющие его меньшие. Вход находился в длинной стене, а у короткой было возвышение. Разработанность планировки, аналогичной планировке более поздних храмов, наличие элементов не только конструктивного, но и декоративного характера — ступенчатых выступов, существование подиумов, которые напоминали алтари или столы предожений, следы обрядовых действий, наконец, местонахождение этих сооружений на традиционном храмовом месте — все это послужило основанием для интерпретации их как храмов [Aurenche, 1981]. Таким же образом были интерпретированы постройки Тепе-Гавры [Tobler, 1950; Buren van, 1951; Jawad, 1965, с. 34 и др.].

Только в ходе работ недавнего прошлого удалось установить, что считавшиеся особыми архитектурные сооружения трехчастного плана были распространены очень широко. Эти многокомнатные дома состояли из прямоугольного или Т-образного центрального помещения, выделяющегося размерами, и соединявшихся с ним проходами боковых, небольших комнат, расположенных более или менее симметрично, обычно в один ряд. Входы находились в торцевой (короткой) или в длин-

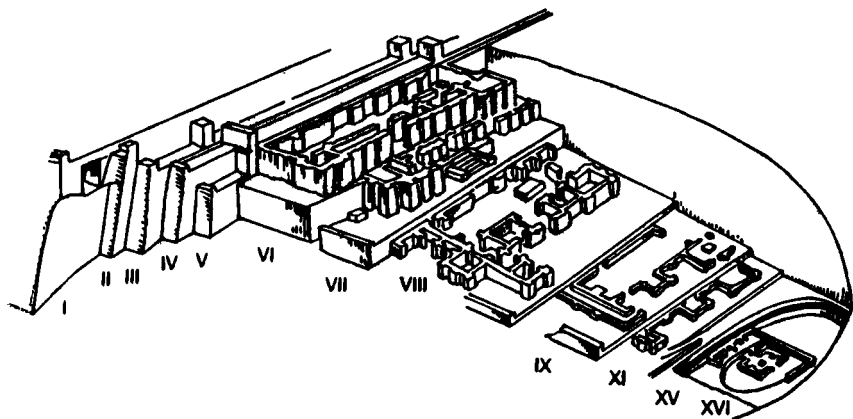

Рис. 6. Схема напластований на храмовом участке Эреду

ной стене. Планировка этих построек несколько варьирует, но размещение помещений в три ряда и большие размеры центрального помещения по сравнению с боковыми являются общим признаком. (Очевидное сходство таких сооружений с домами самаррской культуры служит одним из аргументов в пользу признания преемственности развития от этой культуры к убейдской.) Их интерпретация изменилась благодаря появлению новых материалов и новых подходов к их осмыслению, учитывающих, в частности, предполагаемые особенности организации обществ носителей убейдской культуры.

Небольшие постройки такого плана, обнаруженные в Тепе-Гавре, Теллул-ат-Талатате, Телль-Абаде и других поселениях, один из исследователей, Ж.-Д.Форе, считает жилыми домами. По его мнению, боковые помещения предназначались для мужской и женской половин семейных коллективов, центральный зал — для разнообразной деятельности всех обитателей дома [Forest, 19876, с. 385]. Большие же сооружения такого плана он и некоторые другие исследователи считают не жилыми, но и не храмами, а общинными домами или домами приемов вождей [Augenche, 1981, с. 224—225]. Жилыми они не могли быть потому, что площадь боковых помещений у них очень незначительна. К тому же нередко боковые помещения располагались асимметрично, и это как будто говорит, что они не служили жилищами женской и мужской половин. Кроме того, следы жизнедеятельности находились здесь в самой недоступной, глубинной части зала [Forest, 19876, с. 390].

Среди крупных построек наиболее информативными являются обнаруженные в Эреду (XI—VI), Уруке [Schmidt, 1974], Укайре и два из трех так называемых храмов Тепе-Гавры (XIII) [Forest, 19876]. Площадь таких сооружений — 90—260 м², в среднем — 200 м², в то время как площадь жилых домов аналогичной планировки — 60—200 м², в среднем — 130 м² [там же]. Стены у большинства крупных построек довольно тол-

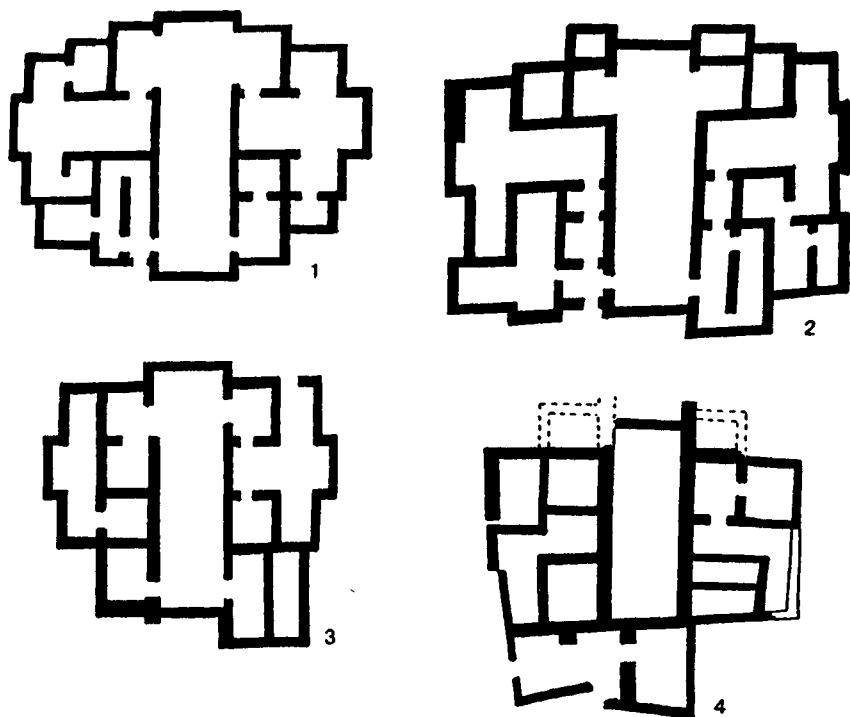

Рис. 7. Планы построек убейдской культуры
(1 — Кейт-Касим, 2—4 — Телль-Абада)

стые, а в некоторых случаях установлено, что их строили на специальных цоколях или террасах. Их сооружение требовало относительно больших трудовых затрат. Примечательно, что эти дома имели ширину пролета центрального помещения около 4,5 м, в то время как обычные — около 3 м. Балки в первом случае должны были быть большей длины, что имело особое значение для бедной строительным лесом Месопотамии. Стены таких построек иногда окрашивали в белый (Урук, Эреду VI) или красный (Тепе-Гавра) цвет.

Центральное помещение в этих постройках занимало около половины общей площади, в обычных же домах — около трети. В некоторых случаях удалось установить, что его пространство членилось на три зоны. В одной, противоположной входу, у торцовой стены располагался подиум; это было место для привилегированных посетителей. В этой части к залу прилегали два боковых помещения или более, а в некоторых случаях в ней находился дополнительный вход. У противоположной стены, у входа, был очаг для приготовления пищи, которую подавали сидящим в глубине. Зона между двумя крайними, средняя, предназначалась для обычных посетителей. Таким образом, степень почетности

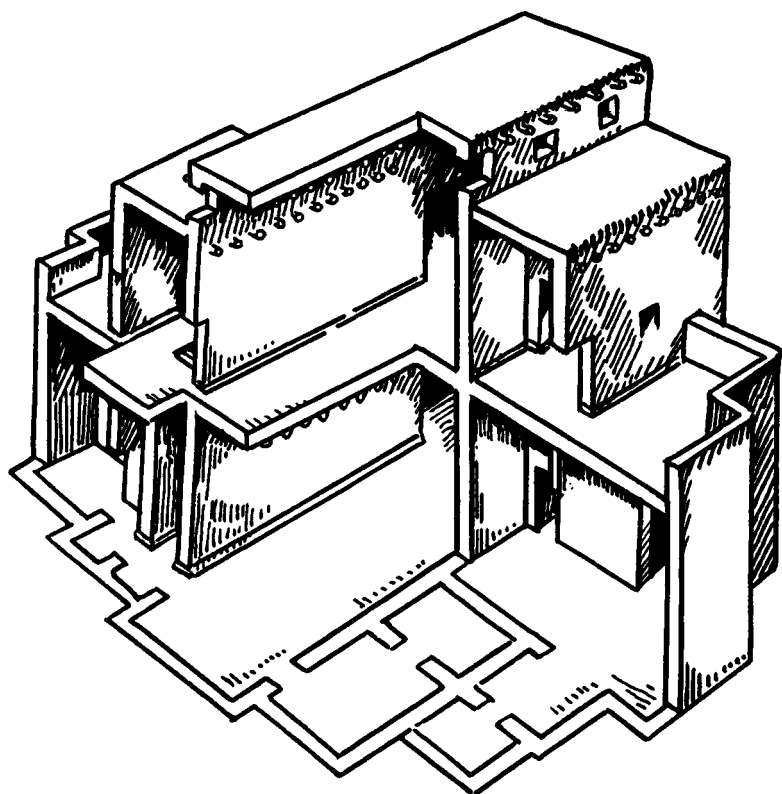

Рис. 8. Жилой дом убейдской культуры с поселения Кейт-Касим (реконструкция)

возрастала по мере удаления от очага. Боковые помещения могли предназначаться для хранения припасов [там же, с. 392].

В качестве примера таких построек приведем две, раскопанные в Эреду [там же, с. 417—423]. Сооружение VII слоя находилось на ступенчатой террасе. Его размеры — 18,5 × 13 м. Из центрального помещения семь проходов разной ширины вели в меньшие помещения, располагавшиеся вдоль длинных и одной короткой стены. Постройка имела несколько входов в длинных и короткой стене; близ последнего находился очаг со следами огня. В противоположной части располагалось возвышение, принятое авторами раскопок за алтарь. На полу обнаружены зола и рыбы кости, фрагменты убейдских сосудов, каменного сосуда, полностью сохранившийся глиняный серп, часть слива сосуда в виде головки змеи.

Постройка VI слоя была уже и симметричнее предшествующей (ее размеры — 23 × 12 м); вход только в длинной стене. На полу — многочисленные кости рыб и мелких животных. Найдено много сосудов, в том

числе небольших, которые были определены как вотивные, часть статуэтки женского существа, несколько каменных сосудов и — в маленьком помещении в северном углу — фрагменты расписной «курильницы».

Предполагаемый аналог этих сооружений — «гостевые дома» болотных арабов. Их владельцами, как правило, были шейхи [Тэсиджер, 1982, с. 59]. Эти прямоугольные в плане тростниковые конструкции имели площадь около 75 м² и высоту до 6 м [Типы традиционного сельского жилища, с. 69]. Основой их служили столбы из связок тростника, из верхушек которых выводили арки для сводчатой крыши. Промежутки между столбами и арками закрывали тростниковыми циновками. Видевшие эти сооружения отмечают замечательный эффект, создававшийся элементами тростниковой конструкции и циновками [Тэсиджер, 1982, с. 18—19]¹.

«Гостевые дома» служили не только для приема гостей, но и для общих собраний. Здесь шейхи отдавали распоряжения относительно хозяйственных предприятий, разрешали споры между сородичами. Такие мадьяфы не предназначались специально для отправления религиозных обрядов, но в них могли молиться; их входы были обращены в сторону Мекки. Рядом с мадьяфом находился дом шейха [там же, с. 16—17, 38]. Таким образом, эти постройки были средоточием общественной жизни, которой руководил родо-племенной предводитель. Наряду с мадьяфами существовали и постройки одновременно жилые и гостевые — рабы. Если в селении не было мадьяфа, путники останавливались в них. Для того чтобы построить рабу, человек должен был обладать высоким социальным статусом [там же, с. 59].

Ж.-Д.Форе не считает, что выделяющиеся размером постройки по всей Месопотамии имели одинаковые функции. Некоторые из них были жилыми, другие же, в частности те, что обладали широкими входами, могли предназначаться для общественных собраний. Эредуские постройки, возводившиеся одна над другой, он считает принадлежавшими людям одной семейной линии, растущий статус которой выражался в росте размеров построек. Время существования одного сооружения измеряется периодом жизни поколения, т.е. примерно 20 годами. При учете возможных реконструкций сооружения Эреду XI—VI могли существовать около 200 лет [Forest, 19876, с. 393].

Одним из аргументов против определения таких сооружений как храмовых служит предположение об уровне развития убейдского общества. Храмы появляются, когда формируются религиозные институты, возникает группа специалистов-жрецов, что возможно в обществе значительной сложности. Пока нет оснований думать, что такой уровень в Убейде был уже достигнут. Кроме того, храмы — жилища божеств, и эти божества, как известно из более поздних данных, в месопотамских храмах присутствовали в виде статуй. Таких изображений в убейдское время еще не делали, их роль не могли играть маленькие антропоморфные фигурки [Forest, 19876, с. 389; Антонова, 1990, с. 160 и сл.]. Несакральными считает постройки Северного Убейда Ж.Маргерон, но назначение сооружений Эреду VIII—VI и Урука остается, с его точки зрения, неясным [Margueron, 1987, с. 376].

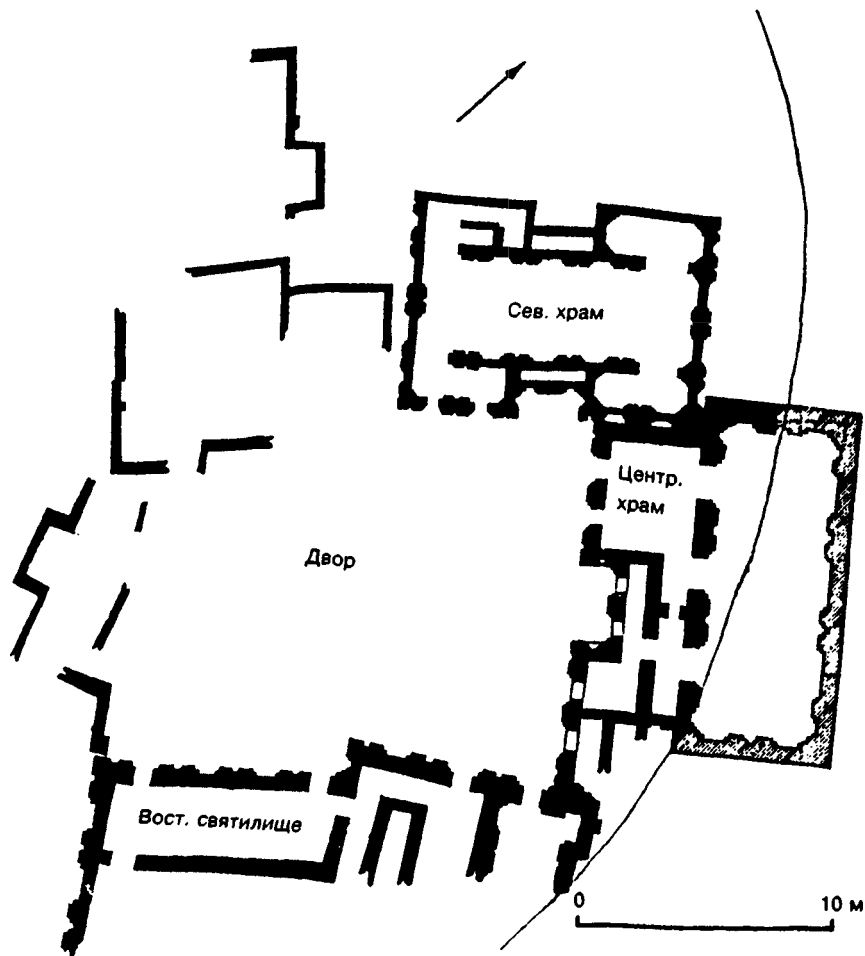

Рис. 9. План построек Тепе-Гавры, слой XIII

Особый интерес представляют материалы Тепе-Гавры, поскольку это поселение раскапывалось систематично. В разных слоях здесь были найдены сооружения, которые интерпретировали как храмы [Tobler, 1950, с. 47 и сл.]. Мы остановимся лишь на постройках XIII слоя, которые, по укоренившемуся мнению, образовывали целостный комплекс, именуемый иногда «акрополем». Три здания стояли по сторонам двора площадью 18×15 м. В северо-восточной части поселения они были единственными. Все здания ориентированы углами по сторонам света, как и позднейшие храмы Месопотамии, что послужило одной из основ их отождествления. Время их существования совпадает лишь частично:

самым старым был так называемый Восточный храм, затем построены Северный и Центральный, которые соприкасались углами [там же, с. 34—35]. К концу периода существования слоя Восточный храм был частично или полностью разрушен. Наилучшим образом сохранился Северный храм. Таким образом, говорить, что постройки составляли единый ансамбль, можно лишь с натяжкой.

Северный храм — самая маленькая из трех построек (площадь — 12,25 × 8,65 м). Длинные его стены имеют в средней части нишеобразные углубления. Короткие отрезки внутренних стен образуют четыре угловых помещения. Стены снаружи и внутри декорированы нишами — прием, присущий убейдским сооружениям такого типа. В данном случае они образованы спаренными уступчатыми пилястрами. Вход находился в длинной юго-восточной стене; входящий оказывался сначала в угловой комнатке и уже затем попадал в центральную, что, по мнению А.Тоблера, должно было вызывать особое ощущение.

От Центрального храма сохранилась лишь фасадная часть (ее длина — 14,5 м), соприкасающаяся углом с углом Северного храма. Вдоль фасада находилось более шести помещений разного размера. Входов в центральное помещение было три или четыре. Отмечая несбалансированность плана этого сооружения по сравнению с Северным храмом, А.Тоблер пишет, что стены центрального помещения и двух примыкающих к нему были окрашены в красновато-пурпурный цвет и даже, быть может, расписаны. Фасадная стена снаружи и стены помещения за центральной нишей покрыты белой обмазкой.

Восточное святилище — самое большое и наименее сохранившееся (длина фасада — 20,5 м, прослеженные части боковых стен — 8,9 м), возможно потому, что находилось на краю холма. Отмечают ряд отличий этой постройки от двух других: сильно выступает северная часть, нет глубокой центральной ниши, хотя двойные пилястры образовывали небольшие нишки. В фасадной стене было не менее четырех входов, расположенных несимметрично. На стенах центрального помещения и «вестибюля» была красная обмазка. В одном из помещений найдена яма с сосудами для питья; другие сосуды лежали на полу. Среди них — курильница, вероятно воспроизводящая постройку с дверями и окнами [там же, табл. СXXXII, 228]. Это как будто было хранилище. Примечательно, что только здесь, под этим сооружением, найдены погребения — один из предполагавшихся признаков святилищ. Погребений было пять, все — грудных младенцев и детей.

Важная для понимания техники строительства этого времени находка сделана в двух помещениях Восточного святилища и во дворе: это около 100 моделек кирпичей в $\frac{1}{10}$ размера тех, из которых сооружен Центральный храм. Они представляют собой как полные экземпляры, так и половинки и четвертушки. Вероятно, они предназначались для отработки некоторых приемов кладки.

На характер общества и источники его процветания проливают свет участвовавшие в слое XIII находки печатей, а также их оттисков. Если в предшествующих слоях убейдского времени их найдено десять (слои XIX—XV), то в XIII — в три раза больше [там же, с. 175]. Резкий скачок

А.Тоблер относил за счет того, что все сооружения этого слоя служили храмами, куда делали приношения, на которые ставили оттиски печатей. Сейчас склоняются к тому, что печати служили знаками собственности в обмене. Отпечатки на глине показывают, что их накладывали на веревки или упаковочные ткани [там же, с. 179].

Три постройки слоя Гавра XIII отличаются признаками, не позволяющими считать их жилыми домами, но это и не храмовые сооружения. Вероятно, это были общественные здания, где решались общие вопросы и где могли храниться участвовавшие в обмене вещи, на что указывает значительное количество печатей. По всей вероятности, Тепе-Гавра была важным обменным пунктом, и обитавшие здесь общины процветали. Интересна постройка следующего, XII слоя — так называемый Дом с белой комнатой. Он также имел трехчастную планировку (площадь — 12,30 × 11,75 м), на центральное помещение приходилась половина общей площади. Здесь на расстоянии 3,5 м от северо-восточной стены, в которой были сделаны две ниши, находилась глиняная скамья высотой около 35 см. Найденные элементы оборудования и вещи — очаг, черепки сосудов, оттиски печатей, пряслица, топоры-тесла, обсидиановые орудия — не позволили отнести эту постройку, несмотря на ориентировку углами по сторонам света и большое число погребений, к храмовым. Автор раскопок счел ее жилой или общественной [там же, с. 27—28]. Примечательно, что и здесь обнаруживаются признаки, указывающие, что такое сооружение могло быть и хранилищем.

Вероятно, можно согласиться с предположением, что трехчастные, выделяющиеся размерами и другими признаками постройки в разных районах Месопотамии имели различные функции. Вместе с тем есть основания думать, что они были общественными сооружениями, а их постройка и собрания в них проходили под предводительством социально выдвинутых лиц. Социально-экономические отношения, вызвавшие существование специальных престижно-общественных сооружений у современных болотных арабов, не были специфичными, присущими лишь им. Такие постройки возникают, когда растет необходимость координации усложнившейся деятельности общин, во главе которых стоит лидер или группа лидеров. Эта сложность — и результат контактов, необходимых для разных целей. Гостеприимство, которому служили арабские «гостевые дома», «оформляло» в традиционных культурах отношения весьма широкого спектра. В процессе посещения более или менее отдаленных соседей заключают брачные соглашения, договариваются об обмене необходимыми продуктами и сырьем, устанавливают союзнические связи. Могут в таких домах проводить и действия обрядового характера, поскольку они — общественные сооружения. Нет ничего удивительного в том, что более поздние, безусловно храмовые, постройки имели вид таких же зданий, но были уже более специализированными.

Остается неясным, были ли эти постройки в Убейде выражением престижа и функций лиц высокого статуса в пределах небольших объединений типа уже описанных локальных или их можно связывать с институтом, подобным вождеству [Forest, 19876, с. 390]. В последнем

случае они должны были находиться на поселениях — центрах сплоченной группы. Нет данных и о мерах дифференцированности построек в пределах одного поселения. Сейчас, в частности, предполагают, что в Эреду жилища рядовых общинников могли быть тростниковыми, почему они и не выявлены при раскопках [там же, с. 393]. В любом случае можно согласиться с предположением Ж.-Д.Форе о том, что в убейдском обществе существовала элита, способная мобилизовать усилия зависимых людей для сооружения построек престижно-общественного назначения.

Примечателен высокий уровень строительного дела носителей убейдской культуры. Дома из сырцового кирпича были не только одно-, но и двухэтажными; сохранились лестницы, ведущие на второй этаж (см. рис. 8). Фасады имели ступенчатую форму: помещения верхнего этажа были меньше нижних. Оконные проемы укрепляли тростником [Roaf, 1987]. В это время был накоплен значительный опыт строительства в местах, бедных деревом и камнем.

Погребения. Наиболее полные данные о погребениях носителей убейдской культуры получены при раскопках некрополя Эреду, где из предполагаемых 800—1000 погребений вскрыто 193 [Safar, Mustafa, Lloyd, 1981, с. 119 и сл.]. Хронологически они относятся к периоду Эреду VI и синхронны Убейду II Ура [Wright, Pollock, 1987, с. 326]. Раскопанные погребения (как и те, что исследовали в Уре) располагались лишь в одной части некрополя, поэтому нельзя судить, в какой степени они могут отражать весь спектр социальных подразделений [там же]. Умершие лежали в вытянутом положении на спине в ямах с кирпичной обкладкой (63%), простых ямах (30%) и в ямах с кирпичным полом (7%). В хронологически поздних погребениях отмечается тенденция к прекращению сооружения кирпичных обкладок. Наряду с одиночными многочисленны погребения останков двух людей разного пола (31,5%), причем в большинстве случаев взрослых. Для помещения второго покойника могилу расширяли. Наибольшее число таких погребений находилось в ямах с кирпичным полом, меньше их в ямах с кирпичной обкладкой и меньше всего — в простых ямах. Отмечают, что в некрополе Ура ситуация такая же [там же].

Инвентарь удивительно скромнен: в основном это сосуды — от одного (138 случаев) до трех (58 случаев), а более пяти обнаружено в 12 погребениях. Установлено, что сосудов больше в погребениях с кирпичной обкладкой или с вымосткой на дне, чем в ямах. Их чаще клали в погребения взрослых (причем женщин), чем детей. Несколько иная картина в погребениях Ура — здесь более чем треть погребений (17 случаев) содержали пять и более сосудов [там же, с. 327]. Стандартный набор — кувшин, чаша среднего размера и кубок или чашка; большинство сосудов расписные. Установлено, что в погребениях керамика была лучшего качества, чем в слое поселения [там же, с. 324].

В 13 погребениях, принадлежавших женщинам и детям, найдены бусы, служившие в основном украшением одежды: их находят на бедрах, у колен, у челюсти, редко — на груди и шее. В 9 погребениях взрослых и детей обнаружены кости животных.

Лишь в одном погребении найден безусловный знак престижа — булава (погребение № 21); здесь же обнаружены два сосуда. Однако есть мнение, что это погребение не убейдского, а урукского времени.

Погребения Ура относятся к двум этапам Убейда 4 — позднему и заключительному, всего их 47 [там же, с. 319]. В погребениях заключительного этапа чаще, чем в предшествующем, встречаются бусы, здесь есть каменные сосуды, навершие булав, каменный топор и медный наконечник копья. Последний, впрочем, относят и к Протописьменному периоду [Moorey, 1982, с. 19]. Инвентарь здесь вообще многочисленнее, чем в более ранних урских и эредуских.

В шести погребениях найдены статуэтки, изображающие женское существо, а в двух погребениях таких фигурок было по две. Один погребенный держал статуэтку в руке, у другого две фигурки находились у рук. К сожалению, пол погребенных не был определен [Woolley, 1955, с. 20], что могло бы пролить свет как на назначение этих интересных вещей, так и на причины их помещения в погребения. Поскольку погребения со статуэтками сосредоточены в основном в северной части раскопанного участка, высказано предположение, что похороненные здесь могли принадлежать к особой социальной группе [Wright, Pollock, 1987, с. 327].

Итак, погребения Эреду и Ура дают основания для вывода лишь о половозрастных градациях, а не о существовании разных социальных рангов [Forest, 1983, с. 115; Vertesalji, 1984, с. 24]. Соответствие этого предположения реальности, однако, нуждается в подтверждении новыми материалами, поскольку известные погребения, судя по их расположению, могли принадлежать в обоих случаях представителям не разных семейных групп, а лишь одной, в которой деления основывались на половозрастном принципе. Не служат основанием для заключений о социальных различиях и разные способы оформления могильной ямы, так как последние могут объясняться хронологическими причинами: мы уже говорили, что с течением времени прекращается применение кирпичных обкладок.

Неясно, как можно объяснить необычное погребение в некрополе Эреду (№ 97), где кроме полного скелета в нормальном положении обнаружены остатки дюжины черепов и отдельные кости. Предполагают, что здесь похоронены жертвы военных столкновений [Safar, Mustafa, Lloyd, 1981, с. 121], но возможны и другие объяснения.

Одна из причин немногочисленности погребального инвентаря в убейдских погребениях Нижней Месопотамии — бедность этого района минеральными ресурсами. Несколько иная ситуация в Тепе-Гавре, расположенной на путях обмена и относительно близко от источников сырья. В то же время и погребения, найденные здесь, дают очень мало материала, способного прояснить проблему социального строя. Поселение было небольшим, и естественно ожидать, что найденные в нем погребения — это останки членов компактного семейного объединения. Кроме того, подавляющее большинство погребений принадлежит младенцам и детям; полагают, что некрополь, где хоронили в основном взрослых, находился за пределами поселения [Tobler, 1950, с. 121].

В этой ситуации местонахождение погребения взрослого на поселении может служить указанием на его особую роль в жизни общины. В слое XVIII обнаружено погребение с четырьмя мраморными сосудами, каменной «палеткой», расписным кувшином и серпентиновой подвеской у шеи, а также с обсидиановой пластиной. В слое XVII в погребении, инвентарь которого содержал предметы ремесленного производства (плоские камни, зуб животного и несколько каменных отщепов), были два глиняных кувшина и тарелка, каменный сосуд и «палетка» [там же, с. 115]. Представляет интерес погребение с глиняными конусиками, поскольку существует мнение, что они были не игральными фишками, как полагали раньше, а счетными приспособлениями (см. Экскурс 4). В нем наряду с этой предполагаемой принадлежностью участника обмена (здесь обнаружено 34 конусика) найдена морская раковина [там же, с. 116]. В более позднем, урукском слое (XI) такие изделия, но уже каменные, были в детском погребении с золотыми украшениями [там же]².

Итак, мы видим, что охарактеризованные выше данные погребений не позволяют судить о том, существовали ли в обществе носителей убейдской культуры общественные лидеры, каковы были их функции и как их воспринимали те, кем они могли руководить. Указанием на существование таких лидеров являются, конечно, особенности хозяйства, существование обмена, но это указания косвенные. Однако есть группа памятников, которую можно рассматривать как прямое свидетельство существования лидеров.

Изображения на печатях. В убейдское время в Месопотамии впервые появляются изображения на печатях-штампах существ, соединяющих признаки людей и животных. Они обнаружены в Тепе-Гавре начиная с XV слоя, но значительное их количество зафиксировано в слое XIII, одновременно с широким распространением печатей-штампов [там же, с. 175, 178]. Антропоморфный персонаж на этих печатях наделен признаками животного: он имеет голову козла и/или хвост. Это существо изображается среди животных с такими же рогами, как у него [там же, табл. CLXIV, 95, 101—102], или одно; при этом его поза как будто передает его в беге или танце [там же]. В XIII слое найдена печать с изображением трех людей, лишенных зооморфных признаков, движущихся, держась за руки [там же, табл. CLXIII, 92], — мотив, известный по керамике халафской культуры (вероятно, передается обрядовая пляска). Вообще для печатей этого слоя характерны геометрические мотивы, а также изображения животных: козлов, реже — оленей.

Изображения рогатого или безрогатого, но сходного с ним по другим признакам персонажа на печатях представляют особый интерес [Антонова, 1991а], так как позволяют рассматривать их в широком хронологическом контексте: глиптика занимает ведущее место в изобразительном искусстве Месопотамии. В ее долгой истории изображения антропоморфных существ предшествуют геометрические фигуры и изображения животных. Образцы, обнаруженные в Тепе-Гавре, открывают линию развития многофигурных композиций, передающих разнообразные действия религиозно-мифологического характера. В XII слое Тепе-Гавры

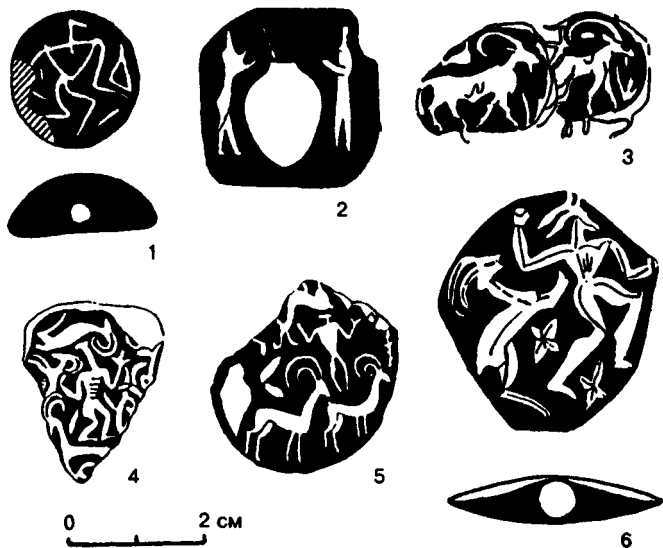

Рис. 10. Печати-штампы Тепе-Гавры
(1—3 — слой XII, 4—6 — слой XIII)

найлены печати и их оттиски с изображениями коленопреклоненного персонажа, окруженного змеями, «бегущего» человека и двух человек, стоящих по бокам большого сосуда, в который они опустили нечто вроде палок (это изображение напоминает описанное выше халафское из Тель-Арпачии [Tobler, 1950, табл. CLXV, 107; CLXII, 76; CLXIII, 91]).

На одной печати изображен человек, склонившийся над чем-то вроде рогатого алтаря; в поле помещены условные фигуры, передающие, возможно, подношения. На другой печати человек с ногой животного и, как полагают, в позе танца [Amiet, 1961, с. 15, 69; Caldwell, 1976, с. 3] также изображен возле алтаря (?) [Tobler, 1950, табл. CLXIII, 82—83].

На то, что люди на печатях изображались в ситуации отправления обряда, указывают постубейдские печати XI слоя, где обстановка, в которой они действуют, более выявлена. На двух печатях персонажи совершают брачное соединение, при этом в одном случае рядом изображена змея, а в другом они сочетаются стоя, «по-животному» (a tergo) [там же, табл. CLXIII, 86—87]. Среди изображений на печатях этого слоя преобладают уже не геометрические, а фигуративные мотивы, образы животных — хищников с козлами или только козлов. Примечательно, что в более поздних слоях, X—VII, изображения антропоморфных персонажей перестают встречаться, известны лишь животные — козлы, змеи.

Характер изображения антропоморфных существ и явных людей на печатях XIII слоя и на более поздних предполагает, что они являются участниками обрядового действия. Это обстоятельство представляется важным для реконструкции образов, их значения.

В Нижней Месопотамии известны лишь две печати с изображением рогатого персонажа, и обе они происходят из более поздних, чем Убейд, отложений [Amiet, 1986a, с. 15]. Особенности внешнего облика этого существа, его соседство с животными послужили основанием для именованя его условно «хозяином зверей» (об этом подробнее см. [Антонова, 1991a]). Вряд ли почти полное отсутствие таких изображений на юге было совершенно случайным; в то же время они обнаружены в поселениях горной области, не только в Тепе-Гавре, но и в селениях Западного Ирана. В Тепе-Гияне обнаружены печати, стратиграфическое положение которых остается в большинстве случаев неясным, однако их общий облик очень напоминает печати Гавры³. Антропоморфные персонажи с козлиными головами или рогами либо лишенные признаков животных изображались вместе с козлами или змеями; известны печати с уже знакомой нам сценой брачного соединения [Contepau, Ghirshman, 1935, табл. 35,5; 38, 24]. Как и в Тепе-Гавре, козы изображались парами; при этом их иногда окружает змея. Связь этих изображений с обрядами размножения скота весьма вероятна, на что указывает и змея — агент сексуальных отношений.

К несколько более позднему времени, чем завершение Убейда, относят найденные в Сузах полусферические печати с изображениями наряду с антропоморфным существом диких козлов, змей, птиц [Amiet, 1972, № 144]. Изображения рогатого или близкого ему, но безрогого персонажа на сузских печатях Протоурбанистического I периода (синхронного Уруку) П.Амье рассматривал как передающие образ правителя, играющего в культовых отправлениях роль архаического демона, «хозяина животных» [Amiet, 1961, с. 72]. В работе 1986 г. он более четко, чем прежде, формулирует мысль о том, что изображен именно реальный правитель, лишь играющий роль сверхъестественного существа [Amiet, 1986a, с. 38]. В то же время более ранние образы он считает изображениями гения, персонификацией духа, оживляющего животных [Amiet, 1972, с. 35]. Жест персонажа печатей Тепе-Гавры, Луристана и Суз (последовательность этих памятников у П.Амье иная, на первом месте — луристанские поселения), по его мнению, воскрешает образы целостного архаического общества, подобного обществу доисторических охотников.

Мы уделяем столь пристальное внимание иранским памятникам потому, что они помогают понять процессы, протекавшие в обществе носителей убейдской культуры, хотя развитие их недалеких соседей обладало, как мы попытаемся показать, некоторыми отличиями от убейдского на его коренной территории, на юге Двуречья.

Изображением «хозяина» и, возможно, защитника животных, демона, считала изображения рогатого персонажа на иранских печатях Э.Порада [Porada, 1965a, с. 30]. В то же время она колебалась в определении, отмечая, что мы, видимо, никогда не узнаем, были ли они изображениями богов, шаманов или царей [там же, с. 33]. Р.Барнетт — что представляется важным — обратил внимание на специфически горскую трактовку персонажа с козлиными рогами [Barnette, 1966]. Он считал, что как на печатях, так и в скульптурных изображениях этого круга

передавали образ охотника, замаскированного для того, чтобы к козлам, которых он преследовал, было легче подкрасться. Одновременно так могли изображать и гения-защитника козлов. Р.Барнетт, как и другие исследователи, обращает внимание на то, что персонаж связан именно с дикой природой, что его обычно большие рога — признак дикого животного. Лишь на некоторых печатях из Тепе-Гавры они напоминают короткие рога газели, что он объясняет относительной удаленностью этого поселения от гор — мест обитания диких коз [там же, с. 263].

С нашей точки зрения, все интерпретаторы изображений интересующего нас персонажа преувеличивают вес одной из сторон знака (каковым являются изображения рогатого персонажа), а именно его внешней формы, того, что в семиотике называют планом выражения. К этому склоняется даже такой проницательный исследователь, как П.Амье. Следуя ему, можно заключить, что в обществах горцев, давно практикующих производящие формы хозяйства, происходит возврат к охотничьей символике, причем прежде, когда они занимались охотой, таких изображений не делали. В обществе настоящих охотников не было ни печатей, ни изображений рогатых персонажей, ни тех изделий, которые под общим названием «луристанские бронзы» продолжают воспроизводить образ, встречающийся на печатях. Если исходить из положения, что общество представляет собой систему, что в нем все взаимосвязано, можно скорее думать, что не архаичные явления в общественной жизни, а то, что было в нем нового, и могло вызвать необходимость изображения внешне как будто архаичного персонажа.

Все эти рассуждения могут показаться неуместными, когда речь идет о Нижней Месопотамии. Но, во-первых, эта область не была изолирована от того региона, который именуют Большой Месопотамией, и тем более Месопотамии Верхней, где находится Тепе-Гавра. Во-вторых, обнаруженные факты особенностей материальной культуры, в данном случае глиптики, позволяют прояснить и некоторые существенные моменты развития юга.

Очевидно, что образ рогатого персонажа связан с дикими или домашними мелкими копытными. Разведение мелкого скота играло важную роль в хозяйственной деятельности обитателей интересующего нас региона, но в эту пору — в первую очередь, конечно, горцев. Большая роль скотоводства у обитателей Загроса определяется уже для неолитического времени. Позднее, с развитием и совершенствованием форм производящего хозяйства, с развитием обмена оно занимает еще более важное место. Разведение скота, да еще в местах развитого обмена, не могло не стимулировать социальную стратификацию. В этих местах занятия земледелием не давало возможности накапливать значительные излишки, скот же был материальным воплощением общественной значимости и материального благополучия.

Именно об этом свидетельствуют данные о современных горцах районов, близких в культурном отношении к тем, которые нас интересуют. Рассматривая изображения на иранских печатях IV—III тыс. до н.э., Э.Порада использовала для их интерпретации данные о религиозных

представлениях обитателей Гиндукуша. Не меньшее значение имеют сведения об их общественной жизни, служащие целям той же интерпретации. В их хозяйстве скотоводство играет значительную роль. Оно является почвой для неравенства. Если человек хотел повысить свой социальный ранг, он должен был устроить празднество с пиршеством, для чего резали разводившийся здесь мелкий рогатый скот. Симптоматично, что скотоводство почти повсеместно было мужским занятием, как и охота, и эти два дела в обрядах и представлениях были взаимосвязаны [Йеттмар, 1986, с. 154, 173, 231]. Козы и овцы были как объектами различных обрядов, так и их «участниками», а большинство обрядов было так или иначе связано с плодородием, всякого рода изобилием и благополучием. Духи и божества как мужского, так и женского пола могли являться в образе этих животных или использовать их в качестве «ездовых» [там же, с. 60, 70, 102 и др.]. Известны здесь и статуи рогатых богов.

Постоянным элементом обрядов были танцы, часто носившие экзотический характер. В связи с предполагаемыми изображениями танцующих на печатях представляет интерес зафиксированный в Гилгите танец, который исполняли во время праздника начала весны. Его участники облачены в шкуры каменного козла, а на их головах укреплены козлиные рога [там же, с. 217].

Одной из важнейших функций персонажей, связанных с животными, было регулирование форм общественной жизни, установление различных общественных норм и институтов.

Далее мы будем говорить о более поздних, чем убейдские, изображениях на печатях Нижней Месопотамии времени Урука и Джемдет-Насра. Здесь нет рогатого персонажа, на них «хозяин зверей» имеет, как писала Э.Порада, облик человека [Porada, 1965a, с. 32] или «царя-жреца», как именует его П.Амье, считая, что в изображениях этого лидера отражены его главные функции — жреческая и военная. Однако на сузских печатях этого времени лидер обладает сходством с «хозяином животных» более ранних печатей — у него есть рога, и его связь с животным миром демонстрируется гораздо более явно, чем на печатях Месопотамии. Чем же можно объяснить эти различия? Почему в Нижней Месопотамии нет изображений рогатого существа, а те, что обнаружены, скорее всего были привозными? Можно ли из этого заключить, что на юге не протекали те процессы, которые стояли за изображениями рогатого персонажа на печатях?

То, что уже известно об убейдской культуре юга, и в еще большей степени то, что можно предполагать об обществе ее носителей, учитывая уровень развития следующей эпохи, позволяет думать, что формирование верхнего слоя шло здесь не совсем так, как это было в обществах обитателей севера и Западного Ирана. Вероятно, особенности среды, хозяйства определяли специфические моменты. Предводители не обладали здесь в глазах рядовых членов общества такими свойствами, как северомесопотамские или иранские, их сакральные функции были иными. Дальше мы будем говорить об особенностях понимания власти в Нижней Месопотамии, о том, что лидер здесь был одним из

членов группы, он исполнял свои функции временно и был более чиновником, чем жрецом. Но эти общества обладали уже многими признаками цивилизованности, в то время как небольшие объединения горцев надолго сохранили относительно архаичный уклад, с которым связан и статус их предводителя — вождя и шамана, больше воина, чем «хозяйственника».

В то же время следует признать, что убейдская (собственно североубейдская) глиптика свидетельствует о том уровне становления власти, когда она мыслится уже как отделившаяся, обособившаяся сфера, как некое явление, нуждающееся в идеологическом обосновании. Лидер пока не имеет человеческого лица, он выступает как посредник между обществом и природой, и признаки животного существа в его облике — явное указание на то, что общество еще не достигло той степени дифференциации, чтобы в сознании его членов существа вполне человеческого облика могли претендовать на главенствующее положение. Однако лидеры в этих, по всей вероятности, в основном скотоводческо-«торговых» обществах обладали достаточными возможностями, чтобы стимулировать создание печатей, прокламирующих их социальный статус. Вероятно, для них работали опытные мастера-резчики печатей, труд которых они могли вознаграждать.

То, что на юге не найдено изображений антропоморфного персонажа на печатях в слоях убейдского времени, неудивительно, поскольку здесь вообще печатей обнаружено мало [Huot, 1987, с. 300]. Однако на поселениях и в погребениях были найдены статуэтки существ женского и мужского пола из глины. Лица их имеют сходство с мордами животных (в том числе рептилий), что давно отмечалось исследователями. Автор настоящей работы прежде была склонна трактовать лица этих существ иначе, считая их особенности результатом стилизации [Антонова, 1977, с. 63]. Но существование изображений антропоморфных существ с признаками животных в глиптике севера заставляет нас посмотреть на них по-новому. Их можно воспринимать как результат стилизации человеческого лица, но общий контекст допускает и другое толкование (лишнее доказательство того, что при интерпретации древних изображений нельзя опираться только на информацию, которую дают они сами).

Лица персонажей и мужского, и женского пола напоминают мордочки рептилий; с меньшей уверенностью можно говорить о сходстве с мордами овец. Возможно, обитатели мест, где водилось много разнообразных представителей этого класса животных (черепахи, змеи, ящерицы), своим мифологическим покровителям придавали их черты, полагая, что животные отличаются особыми свойствами. Среди них могли быть мифологически осмыслявшиеся реальные свойства — плодовитость, способность жить в воде, активность в определенные периоды года. Прежде предков-покровителей изображали совершенно подобными людям, сейчас положение меняется, они как бы отдаляются от тех, кому покровительствуют. В этом также можно видеть признак существования в обществе дифференциации. На особый, высокий статус персонажей, изображавшихся глиняными статуэтками, указывает и то, что

мужские иногда держат в руках нечто вроде жезла или булавы — знак этого статуса.

Мы не считаем возможным полагать, что образы глиптики и мелкой скульптуры носителей убейдской культуры принадлежали миру сформировавшихся богов. Причина этого — недостаточный уровень дифференцированности как мировосприятия, так и общественной жизни. В это время еще не божества, а духи воспринимались как неотделенные, сращенные с явлениями, олицетворением которых они позднее стали. Они еще не приобрели визуально антропоморфного облика и, вероятно, передавались в обрядах и на обрядовых вещах в виде различных знаков. Так, дух хлебного злака мог почитаться в виде снопа или пучка колосьев, покровителем животных могли быть реальный зверь или его изображение. К солнцу и вообще небесным светилам, ветру, воде обращались непосредственно или опосредованно — через их символы. Даже в ту эпоху, в III—II тыс. до н.э., когда в Месопотамии уже изготавливали антропоморфные изображения богов, их символы продолжали оставаться употребимыми.

Симптоматично, что антропо-зооморфный персонаж печатей, как и внешне полностью антропоморфные существа, изображается совершающим обряды. Вообще все изображения, будь то пары животных или людей, танцующий среди животных персонаж и даже изображения одних только животных («стада»), могут рассматриваться как соотносившиеся с обрядами. Большинство их, если не все, были связаны с образами плодородия, изобилия, всяческого благополучия. Этот обрядовый контекст не позволяет видеть в антропо-зооморфном персонаже только духа или демона. Изобразительное искусство черпало образы из обряда, стоявшего между мифом и воспринимающими его людьми. Изображали его реальных участников, в том числе вождя-жреца.

Тем не менее нельзя приписывать древним нашего восприятия, неправомерно считать, что они могли изображать или сверхъестественное существо, или смертного. Для них человек в обрядовом облачении, в частности в козлиной маске или с козлиными рогами, переставал на время совершения обряда быть человеком, он становился духом, демоном, сверхъестественным существом. Но потребность изображать его появилась не тогда, когда сформировались представления о духе или демоне, а когда в обществе была осознана необходимость существования роли носителя функции управления и потребность в наглядной пропаганде этой роли. Внешнее сходство персонажей с «хозяйном животных» не должно скрывать той социальной реальности, которая стояла за ним. Современники видели в таких персонажах, как в какой-то степени в своих лидерах, мифологические прототипы (напомним, что миф стоял за всяким значимым фактом их жизни). Их появление на престижных вещах, на знаках контроля, какими были печати, обусловлено существенными изменениями в общественной жизни, формированием властных институтов и всего, что с этим связано.

Фигура предводителя становится объектом общественной рефлексии лишь тогда, когда функция управления обособливается от других, а не растворяется в различных формах деятельности и разных ролях, су-

ществовавших в первобытных коллективах. Только тогда власть начинает восприниматься как некая субстанция, которой наделен определенный носитель, обладающий признаками этой власти, ее видимыми знаками. «В условиях, когда в обществе царит „регулируемая анархия“, по определению Э.Э.Эванс-Причарда, не возникает сколько-нибудь заметной потребности в осмыслении самого феномена власти» [Куббель, 1988, с. 87]. Изображения людей с определенными атрибутами и в определенных ситуациях, при этом людей, показанных поодиночке, — свидетельство осмысления фигуры носителя власти, общественного лидера. Они позволяют заключить, «что власть... уже отделилась от коллектива, обрела благодаря развитию общественного производства и разделению труда известную автономность, и такую независимость общественное сознание с большей или меньшей остротой зафиксировало» [там же, с. 100].

О том, что появление этой фигуры связано с развитием общественного производства, печати свидетельствуют самым непосредственным образом: ведь они предназначались для контроля над содержимым кладовых, сосудов и т.д. Изображение на них именно мужского персонажа позволяет догадываться, в чьих руках находился контроль. Примечательно, что в обществах, относительно отдаленных от территорий, где сложились первые цивилизации, более архаичные печати с геометрическими изображениями найдены в основном в погребениях женщин. Так было в систанском поселении Шахри-Сохте конца IV — начала III тыс. до н.э. [Piraggio, 1979]. Вероятно, общественная организация здесь была более архаичной.

Звероподобный облик персонажа как печатей, так и мелкой пластики убейдской культуры — следствие того, что в обществах, еще не порвавших с первобытной эгалитарностью, носитель власти выступал только как обладающий явными внешними признаками своих отношений с нечеловеческим, иным миром, как сакральный предводитель. Лишь в условиях достаточно далеко зашедшей общественной дифференциации он мог приобрести совершенно человеческий облик, что и произошло позднее в Месопотамии.

* * *

Некоторый свет на общественную организацию носителей убейдской культуры проливают исследования материалов Суз, в частности происходящих из практически загубленного раскопками Ж. де Моргана некрополя Суз I. Здесь среди изображений на сосудах встречается антропоморфный персонаж, стоящий между двух столбов или стержней, заканчивающихся обращенными вершиной вверх треугольниками (столбы расположены на прямоугольных основаниях). Другая разновидность представлена персонажем, голова которого увенчана двумя кольцеобразными предметами; он стоит между тройными вертикальными ломаными линиями. Эти изображения Ф.Хоул сравнил с более поздними на печатях, где рогатый персонаж показан между вертикально висящими

змеями, которых он иногда держит в руках. На груди его можно рассмотреть нечто вроде круглого медальона [Hole, 1983].

Атрибуты персонажа с керамических сосудов — стержни и кольца — могли изображаться и отдельно: первые — по одному или парами, вторые — по две пары одна над другой или по три на прямоугольном основании [там же, с. 318]. По предположению Ф.Хоула, копьеобразный предмет условно передает плоский топор-тесло. Таких топоров в некрополе Суз I было найдено около 60. Они не были в употреблении, поэтому высказывалось предположение, что это — слитки металла [Amiet, 19866, с. 36]. Согласно Ф.Хоулу, они могли служить церемониальными вариантами земледельческой мотыги, символами земледельческого труда, аналогичными тем, которые позднее в Месопотамии стали «лопатами Мардука».

Помимо топоров-тесел в вообще необычайно богатом медными изделиями некрополе Суз были найдены дисковидные предметы, которые в литературе обычно именуют зеркалами. Основываясь на упоминавшихся изображениях рогатых персонажей с дисками на груди, Ф.Хоул высказал предположение, что и эти вещи наряду с топорами могли быть знаками социально выдвинутых лиц. По его расчетам, количество погребенных с ними людей — около 50. Всего же было раскопано около 2000 погребений. Таким образом, группа социально выдвинутых лиц составляла приблизительно 3% всего населения Суз.

Еще в период, предшествовавший времени существования сузского некрополя, в Сузиане были крупные поселения, среди которых самое большое — Чога-Миш (его площадь — 11 га). Здесь обнаружены остатки разрушенного пожаром монументального здания, возможно с контрфорсами, стоявшего на платформе или террасе (прослежена одна ее сторона); общая площадь здания предположительно 10 × 15 м. В нем было много небольших помещений; некоторые безусловно предназначались для хранения [Hole, 1987, с. 40]. Чога-Миш рассматривают как административный и храмовый центр [Kantor, 1976, с. 28], для чего, по мнению Ф.Хоула, нет достаточных оснований.

В период, когда возник некрополь Суз, здесь была сооружена высокая платформа, частично разрушенная раскопками Ж. де Моргана. Ее высота — 10—11 м, длина стороны — около 70 м. Она была облицована кирпичом и декорирована гвоздеобразными цилиндрами. На ней располагались какие-то плохо сохранившиеся сооружения. Рядом с ней и находился некрополь [Stève, Gasche, 1971]. В это время два крупных центра — Сузы и Чога-Миш достигали площади 15 га.

Опираясь на данные Юго-Западного Ирана и Нижней Месопотамии, Г.Т.Райт считает, что около середины V тыс. до н.э. здесь существовала система поселений, центрами которых были относительно крупные, с населением около 1000—3000 человек. В них находились резиденции элиты, отличавшиеся качеством постройки, а также платформы с ритуальными сооружениями. По его мнению, система поселений к северу от Урука в Позднем Убейде (несколько кластеров одинакового размера) сопоставима с раннеурукскими кластерами Сузианы, более поздними, но лучше изученными [Wright H.T., 1986, с. 326, 331].

Согласно Г.Т.Райту, в конце V тыс. до н.э. контрольная иерархия имела в этих областях один или два уровня, а в некоторых местах, где можно предполагать объединение нескольких прежде соперничавших образований, даже три уровня [там же, с. 334]. Выводы основаны на разнице в размерах поселений и некоторых указаниях на различия функционального характера между ними.

Более осторожен в выводах Ф.Хоул. Он не считает возможным прямо связывать размеры поселений и социальные различия их обитателей. На многих поселениях Сузианы керамика хорошего качества — предполагаемая принадлежность элиты — редка. Из этого как будто следует, что элита была не на всех поселениях. В то же время высококачественная керамика есть и на самых маленьких поселениях. Поэтому приходится, по его мнению, заключить, что только крупные поселения были резиденциями элиты, а система в целом остается неясной [Hole, 1987, с. 42—43]. Не вполне ясны и функции самих Суз, поскольку существуют лишь сведения о том, что это был религиозный центр. Ф.Хоул сомневается в существовании здесь одного лидера, скорее, как он считает, можно предполагать, что лидеры представляли группу глав кланов или линиджей [Hole, 1983, с. 327].

На групповой характер лидерства как будто указывают собранные и проанализированные Ф.Хоулом данные из некрополя. В пользу такого предположения говорят также материалы Нижней Месопотамии этого времени и сведения об организации управления в Месопотамии более позднего периода — Урук—Джемдет-Наср. Однако заключение Ф.Хоула об исключительно религиозном характере лидерства в Сузах кажется не вполне правомерным. Он исходит из эмпирических данных, не считая возможным прилагать к ним существующие концепции вождества, поскольку не все их признаки прослеживаются археологически. В таком случае логично было бы не делать предположений о характере власти вообще, поскольку и жреческий ее характер может быть подвергнут сомнению. Он считает, что существование жрецов было вызвано необходимостью отправления ритуалов плодородия в условиях неустойчивого сельского хозяйства [Hole, 1987, с. 95—96]. Жрецы были единственными носителями специализированных функций в обществе, где вообще-то специализации не было. Их материальная поддержка, как и строительство монументальных сооружений, была делом сугубо добровольным; при этом люди действовали не как организованная сила, а из благочестивых побуждений, подобно современным посетителям религиозных учреждений.

Таким образом, автор, который стремится оставаться верным фактам и не опираться на абстрактные модели, все же реконструирует форму организации общества, но из-за отсутствия четкой теоретической установки его модель выглядит как бессистемная. В частности, в ней игнорируется базисное для архаичных институтов сочетание сакральных функций с профанными на уровне более высоком, чем община (здесь шаман мог и не быть общественным лидером). Организованные действия на этом этапе скорее всего были добровольными, т.е. у носителей властных функций не было возможностей принуждать людей си-

лой, но это не значит, что такие действия были спонтанными и никак не направляемыми. Необходимость участия в таких работах диктовалась коллективистской моралью, не позволявшей под угрозой общественных «санкций» избегать того, что считалось обязанностью. Не исключено, что люди не только участвовали трудом непосредственно в строительных работах, но и приносили в общий фонд продукты своего сельскохозяйственного и/или ремесленного труда.

Один из признаков существования развитого института лидерства, присущего вождествам, — сложение на достаточно значительных территориях комплекса особых, престижных вещей, которые распространяются благодаря поддержанию представителями этого обособившегося слоя разнообразных связей между собой. Комплекс таких вещей и культурных явлений безусловно существовал в урукское время, в Убейде же можно говорить об использовании в качестве таких социальных знаков некоторых форм керамических сосудов [Akkermans, 1988, с. 113]. Возможно, знаком высокого социального положения были постройки трехчастного плана, распространенные как на севере, так и на юге страны. Данные Сузианы, как и позднейшие сведения из Месопотамии, указывают на высокую материальную и престижную ценность металлических изделий, которые, по-видимому, были принадлежностью верхнего слоя и в убейдское время. Наконец, нельзя исключать возможность распространения одежды особого вида — принадлежности этого же слоя, как свидетельствуют более поздние материалы⁴.

Имеющиеся данные позволяют предполагать, что в убейдское время формируются некоторые элементы культуры элиты, ее очертания становятся более определенными в следующую, урукскую эпоху. Механизм сложения такой культуры — это механизм обмена между представителями верхнего слоя общества, пока еще, вероятно, слабо обособившегося. Такой обмен носил взаимный характер. Этнографические данные показывают, что при отсутствии специалистов-торговцев предметы, представлявшие престижные ценности, своего рода предметы роскоши, меняли хозяина не так, как это бывает в рыночной экономике, а по различным причинам личного характера — как брачные дары, погребальные приношения, как знак примирения, приглашения, договора, союза, заключенного лидерами. Личные связи между вождями могли создавать нечто вроде эксклюзивного «этнического» единства, границы которого затрудняли доступ к вещам, определявшим вождеский статус [Schortman, 1989]. Можно полагать, что эти процессы усиливались и отчасти модифицировались в тех случаях, когда потребность в обмене не только престижными вещами и материалами, но и сырьем была столь насущной, как в Нижней Месопотамии.

Характер хозяйства в экологически сложных условиях, создающих, однако, возможности для производства регулярного избытка, размеры которого при хорошей организации труда были значительны, особая роль обмена в этих условиях — вот скорее всего базисные причины, которые вызвали в обществе носителей убейдской культуры рост значения управленческой функции и определили специфику управленческого аппарата. Весьма вероятно, что в это время уже фактически обособи-

лась группа элиты, но формально она не стремилась и не могла демонстрировать свои преимущества. Этнология дает много примеров способов имитировать равенство в условиях фактически существующего неравенства.

Например, у папуасов капауку (Западный Ириан) уже было неравенство, существовала эксплуатация. Тем не менее внешне соблюдались нормы общества равных: «Согласно туземной этике было аморальным для богача потреблять больше пищи и лучшую пищу, чем остальные, носить украшения, которые выделяли бы его из общей массы, и т.п. От него ожидали не выделяющегося потребления, а выделяющейся щедрости». В этих условиях ценности не демонстрировали, а прятали или отдавали на хранение. Это — ситуация, характерная для обществ предклассового типа, как пишет Ю.И.Семенов [Семенов Ю.И., 1993, с. 236—237]. Как мы помним, вожди-бигмены индейцев побережья Северной Америки периодически раздавали или истребляли свои богатства, подерживая тем самым свой высокий статус.

Такое демонстративное равенство могло бытовать и в обществе носителей убейдской культуры. Заметим, что и позднее неравенство в Месопотамии объяснялось как вынужденное, как необходимость занимать разное место в хозяйстве богов-покровителей городов.

На позднем этапе первобытнообщинного строя возможны две структуры организации власти — имеющей демократическую основу и базирующейся на автократии. Конкретные особенности их целесообразно рассмотреть на примере подробного анализа С.А.Маретиной социальной структуры народов Северо-Восточной Индии [Маретина, 1980]. Хотя эти общества обладают специфическими особенностями, возникшими в результате воздействия экологии, хозяйственной деятельности, исторических судеб и т.д., ряд черт их организации имеет признаки общего свойства.

Известное сейчас о древних рудиментах организации управления в Месопотамии III тыс. до н.э. позволяет думать, что в более раннее время она строилась на основе, которую условно можно именовать демократической. Это значит, что мнение лидеров и их предводителя имеет силу, пока оно не противоречит мнению общинных институтов — собраний обитателей деревни (вероятно, мужчин) или совета старейшин [там же, с. 174]. Несмотря на выборность должностей, это не означает, что такое место мог занимать любой взрослый мужчина; напротив, «для традиционных институтов в целом характерны... обязательная принадлежность должностного лица к тому или иному роду или подроду или, во всяком случае, ограничение круга возможных для использования определенных обязанностей лиц». Само понятие выборности в этих условиях предполагает возможность смещения лица и его замены по желанию общинников. Право на власть основывается на принадлежности к старейшему роду, роду-первопоселенцу [там же, с. 175, 178, 188].

Власть лидеров упрочивается, если в жизни общества большую роль играет война. Так было и сейчас бывает у горских народов и кочевников в регионе, близком к интересующему нас. Следовательно, судить о степени концентрации власти в руках вождя можно на основании данных о

напряженности отношений между отдельными группами, а также сведений об интенсивных и продолжительных миграциях, требующих постоянного и выраженного руководства. Хотя возможности столкновений для эпохи Убейда исключить нельзя, все же нет оснований говорить о том, что они были систематическими. Напротив, постоянными войны в Месопотамии стали значительно позднее, в Раннединастический период, и тогда сильно возрастает роль военных предводителей.

Формирование храмов — центров территориальных образований, — которое, по всей вероятности, происходило в Нижней Месопотамии по крайней мере в первой половине IV тыс. до н.э., вызвало к жизни аппарат управления из группы лиц, игравших роль коллективного лидера. В повседневной деятельности, как это становится ясным из более поздних источников, и особенно во время религиозных акций их функция перераспределителей представляла как посредническая между богом-покровителем, хозяином храма, и смертными.

В вождествах, зафиксированных этнологами, тупиковых обществах, производственная база которых препятствовала возникновению более сложных и крупных образований, наверху иерархии находился вождь. Но существовало и несколько категорий лиц, которые осуществляли властные функции. Например, у макео Новой Гвинеи таковых было не менее шести — «ораторы», «посредники», организаторы пиров, «полицейские» и др. [Семенов Ю.И., 1993, с. 540]. Современные описания, особенно те, которые имеют целью восстановление экономической структуры, несколько односторонне освещают реальную ситуацию. Власть вождя предстает как насильственная, направленная на подавление лишь в собственных интересах. Однако наказание преступников, слишком выделяющихся авторитетных лиц (бигменов), которое рисуется как направленное на поддержание высокого положения вождей, служит одновременно и поддержанию традиционных норм внешне эгалитарного общества.

Носитель власти — только ее держатель, что обосновывается разными мифологическими представлениями. Он может быть обладателем сакральной силы типа маны, унаследованной от мифических предков. Но в обществах с демократическим типом правления, какое, как мы думаем, существовало в Месопотамии в убейдское время, предводитель должен был обладать функциями жреца, сакрального посредника между миром людей и внечеловеческим миром. Функции лидеров в мирных условиях заключаются в руководстве хозяйственной и общественной жизнью. При этом обязанности могут делиться между людьми таким образом, что один «ответствен» за сферу преимущественно сакральную, другой — за хозяйственную [Маретина, 1980, с. 179]. В связи с этим заслуживает внимания структура управления храмовым хозяйством в Месопотамии более позднего времени, когда административные и сакральные функции делились между разными людьми и группами функционеров (что не препятствовало восприятию и хозяйственной деятельности как сакральной).

Реконструкция элементов социальной организации поры Убейда возможна на основе экстраполяции более поздних данных, а также све-

дений о традиционных для Передней Азии общественных структурах. Вероятно, значительную роль на уровне выше элементарной семьи играло нечто вроде большесемейной общины, как это было и в III тыс. до н.э. [Дьяконов, 1990, с. 155]. В документах III тыс. до н.э. это объединение трех-четырех поколений родичей по отцовской линии с их женами выступало как владелец земли. Состав и численность этих групп (до 100 человек) позволяют видеть в них традиционную форму организации родственников, которую в зарубежной литературе именуют кланами (или коническими кланами) или линиджами, а в отечественной — патронимиями [Давыдов, 1979, с. 25, 30, 44]. Они состояли из семей, происходящих от общего предка. Разрастаясь, такие коллективы образуют несколько уровней, более или менее близких относительно общего предка. Эта форма сохраняется в глубинных районах Ближнего и Среднего Востока, поскольку соответствует характеру экономики и потребностям своих членов.

Патронимии обладали общим символом, которым в принципе был предок, но для исследователя материальной культуры важно, что он находил воплощение в различных знаках; при этом они передавали не только мифологизированного человека (и скорее всего не его), но и животное и даже с современной точки зрения неодушевленный объект. Так, у арабов обиталищем предка считали боевое знамя [там же, с. 15].

В традиционных арабских деревнях обитало несколько патронимий. Общественно значимых мест было три — мечеть (или церковь), помещение для приема гостей (вспомним такие дома у машарабов) и кладбище, где отдельные подразделения имели особые места. Дом для приема гостей был настоящим общественным помещением широкого назначения — здесь заседал совет селения и собирались представители семей для различных собраний и трапез. Такая форма организации общинной жизни в традиционных обществах Передней Азии известна у курдов, турок, а также у уже упоминавшихся арабов [там же, с. 23, 29, 34].

В связи с особыми постройками носителей убейдской культуры представляют интерес гостевые дома, отношение к ним членов разных групп. У курдов известны ситуации, когда такой дом содержал старейшина деревни. У турок во многих деревнях гостевой дом был собственностью зажиточной семьи. Тенденция здесь вполне определенная — постепенное сосредоточение в руках элиты возможности перераспределения излишков (в какой-то степени — в интересах всего коллектива), обмена с соседями.

Земельные отношения этого времени можно представить себе, также опираясь на традиционное землепользование в Передней Азии. Владельцем земли здесь была община, т.е. население одной деревни. Земля делилась на массивы разных категорий в зависимости от качества, удаленности от деревни, а в орошаемых местах — от возможностей полива. Семьи получали по участку в разных массивах таким образом, что в целом наделы по качеству не должны были различаться. Периодически, в зависимости от системы земледелия, производились переделы. Размеры участков были неравными у разных семей, поскольку опреде-

лялись числом лиц мужского пола, количеством тяглого скота. В некоторых районах долго сохранялась традиция, по которой сначала выделяли крупные участки для патронимий, а затем их делили между семьями [там же, с. 68—70, 72].

Примечательно тенденция трансформации земельных отношений, которая, вероятно, имела место и в Месопотамии конца IV — начала III тыс. до н.э.: постепенно отказываются от переделов, а участки закрепляются за семьями, в чем заинтересованы крупные и сильные образования. В перспективе земля становится если не формально, то фактически частной собственностью и может передаваться по наследству. Такая ситуация фиксируется документами начала III тыс. до н.э., а движение в этом направлении, вероятно, приходится на более раннее время. В коллективном пользовании при этом оставались пастбища, неудобья и тому подобные земли. Доходы с них делили между членами общины [там же, с. 76—77].

Такая община, в которой землепользование было достаточно сложным и требовало участия всех членов, нуждалась в строгом распорядке хозяйственной деятельности. Здесь произвол был невозможен, и люди, переставшие обрабатывать свой участок, через короткое время теряли на него право. Сроки работ определялись советом старейшин. Специальные должностные лица устанавливали порядок орошения и количество поступавшей для него воды.

Во время различных работ — от обработки земли до строительства и заготовки продуктов, — которые требовали кратковременного усилия многих людей, практиковались разные формы взаимопомощи. Сородичи и соседи сходились, чтобы в течение короткого времени выполнить ту или иную работу в расчете на взаимную помощь. Однако возможности семей были разные, и это создавало условия для эксплуатации одних семей другими.

На низовом, деревенском уровне отношения превосходства/подчинения не были стабильными. Высокое положение некоторых семей, основывалось на больших, чем у других, вложениях труда. Это не были в собственном смысле семьи лидеров, а лишь семьи наиболее крепкие, а потому сильные авторитетом. Стабильно превосходство возникает на более высоком уровне, у тех, кто обладает возможностью распределять (предварительно накопив в общественных фондах) произведенные продукты.

Уже сейчас, несмотря на недостаточную изученность Нижней Месопотамии, можно предполагать, что она заселялась носителями разных культурных традиций, группами, различными в этническом отношении. Дж.Оутс писала о возможности сосуществования в более северном районе, в долине Диялы, «убейдцев» и «халафцев», соседствовавших даже в пределах одного поселения. Она сравнивала эту ситуацию с современной, когда в одной деревне могут обитать арабы, курды, луры, туркмены [Oates, 1983, с. 254]. Аналогия может показаться не вполне правомерной, поскольку сейчас существует государственная власть.

Вместе с тем не следует недооценивать эффективность традиционных органов управления, которые способны регулировать отношения не

только в пределах одной общины, но и на уровне многих селений. Приведем в пример пригималайских апа-тани. Их сложное хозяйство и не менее сложная социальная организация могли существовать лишь в мирных условиях. Для поддержания мира между деревнями заключали договоры. В деревнях управление осуществляли советы родовых представителей трех типов — совет вождей, людей средних лет и молодежи; все они имели особые функции. Споры разрешались публично, виновных строго наказывали. Любопытно, что споры между людьми могли разрешаться путем своеобразных состязаний в щедрости, принесением друг другу продуктов питания и ценностей; часть их поступала в распоряжение всей общины. В этих церемониях видят признаки обмена дарами типа потлача [Маретина, 1980, с. 192—194].

Вероятно, именно в убейдскую эпоху начали складываться тесные отношения между разными по происхождению общностями, которые привели позднее к сложению государства «черноголовых». Интегрирующую роль сыграли носители шумерского языка, испытавшего, как установлено лингвистами, влияния со стороны других языков. В условиях по преимуществу мирных контактов на значительной территории складывается близкая культура, что прослеживается по материальным остаткам.

Необходимость координации жизнедеятельности общин, в том числе имеющих разное происхождение, должна была привести к возникновению управленческих структур тех образований, что складывались на территориальной основе⁵. Вероятно, лидерствующее положение принадлежало членам родов или линиджей — первопоселенцев. Селения, где они обитали, начинают выделяться размером и наличием особых построек.

В этих условиях должна была возникнуть потребность в символическом оформлении единства. Образы общих предков уже не объединяли людей, имевших разное происхождение; их общими мифологическими покровителями стали духи природы, которых считали обитателями мест, где находились поселения. Особенно тесные связи были у таких духов с общинами-первопоселенцами. Таким мог быть один из путей сложения будущего культа богов, отправлявшегося в месопотамских «номах», как удачно именует древнейшие государственные образования Шумера И.М.Дьяконов.

Многие признаки убейдской культуры позволяют предположить, что ее носители создали социальную организацию типа вождества, если понимать под этим структуры, в которых интеграция, степень контроля и мера обособленности элиты не были еще очень значительными. Известно, что вождества на низшем уровне напоминают локальные группы поселений во главе с «большим человеком», а на высшем они могут приближаться к государственным образованиям [Johnson, Earle, 1987, с. 211]. Вероятно, дальнейшие исследования в Нижней Месопотамии позволят с большей, чем сейчас, уверенностью судить о том, сколько уровней иерархии образовалось в сообществах поселений. В разных частях региона процесс консолидации шел разными темпами, что особенно ясно при изучении структуры поселений урукского периода. Мож-

но лишь предполагать, что в это время были условия для сложения сообществ из групп поселений. Лидерство здесь осуществлялось на локальном и региональном уровне, и предводители происходили из элитарных групп. Теоретически они могли наследовать власть [там же, с. 207].

Ранний этап существования дифференцированного общества в Месопотамии показывает, что вождество могло возглавляться не одним вождем с широкими контрольными функциями над ресурсами и трудом, а коллегиальным органом с выборным временным предводителем. Но суть организации от этого не меняется. В ней существует централизованная система перераспределения, часть излишка и труда отчуждается формально и отчасти фактически в интересах всего общества. Такая организация принимается большинством потому, что связана для него с некоторыми положительными моментами: создаются определенные гарантии существования. Преимущества лучшей организации труда, создание мелиоративных сооружений, регулярное получение сырья, обеспечивавшиеся элитой, должны были особенно ощущаться в столь непростых природных условиях, которые были в Нижней Месопотамии.

Феномен убейдской культуры заставляет исследователей вспомнить теорию А.Тойнби «вызова и ответа», согласно которой люди, обитающие в сложных природных условиях, должны активизироваться, в результате чего создаются прогрессивные формы социальной организации [Ламберг-Карловски, Саблов, 1992, с. 110]. В связи с этим многозначительным представляется столь, казалось бы, мелкий факт этой культуры, как появление глиняных фигурок покровителей в стоячей, а не сидячей, как в более ранних месопотамских культурах, позе. Поза обладает определенной знаковой нагрузкой, она неслучайна. Стоячая — в отличие от сидячей, предполагающей покой, пребывание в одном месте, — поза активности, она акцентирует возможность передвижения, действия [Антонова, 1978]. Движение, действие, а не стабильность, пребывание в покое приобретает актуальность в обществах «убейдцев». Людьями осознается необходимость невиданных прежде усилий — это был их «ответ» на «вызов», поставленный новыми условиями существования.

ПЕРИОД УРУК—ДЖЕМДЕТ-НАСР

ПРЕДВАРЯЮЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Мы вступаем в эпоху, наиболее сложную как для изучения и осмысления протекавших в ней процессов, так и для изложения многочисленных теорий, связанных с этим осмыслением. Автор стремился к логичному и стройному изложению, однако достичь этого оказалось трудно: описывая те или иные явления жизни населения Месопотамии периода Урук—Джемдет-Наср, мы были вынуждены забегать вперед, определять их место в процессе, контуры которого могут быть обозначены лишь в конце, в качестве вывода из всего изложенного. В свое оправдание автор может лишь сказать: изученность этого периода такова, что избежать досадной «очерковости» не представляется возможным, если не пытаться совершать принуждение над материалом.

Рассматривая материальные остатки культуры этой эпохи, мы пытаемся вслед за многими исследователями увидеть в них признаки радикальных изменений в общественной жизни во всех ее проявлениях, тех изменений, которые привели к возникновению первых государств.

До недавнего времени представления о происходивших в IV — начале III тыс. до н.э. в Месопотамии переменах основывались на данных раскопок, многие из которых по тем или иным причинам не давали достаточно полной картины. Чрезвычайно показательны в этом отношении материалы городища Варки, древнего Урука, давшего название целой эпохе. Положение стало меняться в связи с новыми раскопками 1970—1980 гг. в Сузиане, которая в урукское время была теснейшим образом связана с Месопотамией, а также в Сирии, где начались раскопки предполагаемых урукских колоний. Данные из соседних областей дополняют друг друга, при этом те, что происходят из соседних с Нижней Месопотамией областей, позволяют заполнить некоторые лакуны в картине истории этого региона.

В этом вступлении ограничимся констатацией того, что сейчас можно считать общепризнанной преемственность исторического развития от эпохи Убеяда через эпохи Урук и Джемдет-Наср к Раннединастическому периоду. Преемственность предполагает зарождение и развитие общественных институтов и многообразных явлений культуры здесь, на месте, позволяет не считать их привнесенными и дает возможность опираться при реконструкции ранних форм на то их состояние, которое они приобрели позднее. Например, реконструкция органов управления

возможна по нескольким направлениям. В частности, это анализ материальных остатков с точки зрения извлечения из них данных о характере хозяйства, о структуре поселений, составлявших некое единство, об отношениях обмена. Изобразительные памятники позволяют предполагать существование общественных лидеров и в какой-то степени обрисовывают их функции.

Все эти и подобные им материальные свидетельства остаются мертвыми, пока они не одушевлены, естественно более поздними сведениями о том, как выглядели предположительно близкие им явления в то время, когда на них проливают свет письменные источники. Преимущество развития общественных институтов позволяет реконструировать известные факты с помощью более поздних сведений, впрочем также нередко нуждающихся в интерпретации, но все же значительно более ясных, чем те, которые являются объектом нашего исследования. Примером такой реконструкции на основании сопоставления материальных, изобразительных данных и свидетельств позднейших письменных источников является описание института священного брака представителя/представительницы городской общины, «нома», и ее божества-покровителя — важнейшего в системе взаимоотношений человеческого общества и космоса.

Приверженность традиции не могла не привести к сохранению в шумерском обществе, если не по содержанию, то по форме архаичных структур организации управления, на что впервые обратил внимание Т.Якобсен. Широте его подхода к древности, не ограничивающегося довольно скудными письменными источниками, мы обязаны основам наших представлений о системе управления, о характере власти, о первом объединении городов-государств Шумера. Взаимодействие исследователей-филологов, историков и археологов было весьма плодотворно, оно привело к обмену мнениями между представителями разных дисциплин и в большой степени способствовало обогащению сведений о протоисторическом прошлом народов Месопотамии. Конечно, и это содружество не привело и не могло привести к решению не только всех, но даже многих вопросов. Ждать этого было бы нелепо. Важно, что в ходе таких работ были предложены реконструкции явлений и процессов в истории одного из древнейших государств мира, но не менее важно, что формулировались и продолжают формулироваться все новые и новые вопросы и намечаются пути их решения.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

Периодизация изменений материальной культуры, с которыми в конце концов стали связывать и перемены в жизни общества в широком смысле слова, имевшие место в Месопотамии второй половины IV — начала III тыс. до н.э., разрабатывается на протяжении большей части XX в. Начало этому было положено в конце 20-х годов, когда в центральной части городища Варки на священном участке Эанна, недалеко от позднейшего зиккурата Ану, под двором храма V слоя был заложен

шурф [UVB III, 1932, с. 5; UVB IV, 1933]. В этом месте благодаря существованию промоины создались благоприятные условия для достижения ранних слоев. Прежде здесь были раскопаны «архаические слои I—V» [UVB II, 1930, с. 13].

Глубина шурфа достигла 19 м. Основным материалом для периодизации при уменьшающейся площади раскопа послужила, естественно, керамика. Слои с XVIII по XIV (их мощность — около 10 м) были отнесены к убейдской культуре, XIV—XII сочтены переходными, а XI—V, в которых была найдена характерная гончарная серая и красная посуда, — относящимися к Урукскому периоду. Производившиеся приблизительно в это же время раскопки небольшого поселения Джемдет-Наср близ Киша [Маскау, 1931] дали расписную керамику и таблички с письменными знаками, которые были обнаружены в Варке в слое, перекрывавшем урукский; так был выделен период (или культура) Джемдет-Наср, в Варке — Урук III.

Материалы, полученные при раскопках шурфа, нелегко увязывались с остатками, обнаруженными в других частях городища Варки, в частности с остатками архитектурных сооружений. Было замечено, что слои V—IV имеют определенные отличия в архитектуре от тех сооружений, которые раскопаны в предшествующих и последующих слоях. Кроме того, было установлено, что как будто в это время появляются первые таблички с письменными знаками. Подтверждения обособленности комплекса вещей, обнаруженных в этих слоях, от более ранних были подтверждены и раскопками в Телль-Хафадже (древний Тутуб) в долине Диялы. Археологи, работавшие там, предложили объединить периоды Урук (Эанна) V—IV и Джемдет-Наср (Урук III) в один, назвав его Протописьменным [Delougaz, Lloyd, 1942]. Этот термин стал широко использоваться, однако неудобство заключается в том, что разные исследователи понимают под ним не совсем одно и то же. Так, Э.Перкинс относил к нему слои Урук (Эанна) VIII—III [Perkins, 1949, с. 97]. К предшествующему Урукскому периоду она отнесла слои Эанна XIV—IX и, предположительно, все слои участка зиккурата Ану, вплоть до слоя А.

Согласно Э.Пораде, слои Эанна XIV—IX относятся к Раннему Урку, или периоду Варки, и датируются 3500—3400 гг. до н.э. Слои Эанна VIII—VI — это период Протописьменный А, 3400—3300 гг. до н.э. Эанна V—IVa — Протописьменный В, 3300—3100 гг. до н.э. Эанна III — период Джемдет-Наср, или Протописьменный С—D, 3100—2900 гг. до н.э. [Porada, 19656].

И.М.Дьяконов относит к Протописьменному периоду, деля его на два подпериода, слои V—IVb Варки (Протописьменный I), отмечая, что это — не культура Варки, и слои III—II (Протописьменный II). Начало первого подпериода — около 3000 г. до н.э., второго — XXIX—XXVIII или XXVIII—XXVII вв. до н.э. [ИДВ, 1983].

Разное содержание, вкладываемое в понятие Протописьменный период, заставляет нас отказаться от его применения и употреблять термины Урук и Джемдет-Наср. Преемственность развития на протяжении этих периодов практически общепризнана, что не исключает резких из-

менений, в частности, в системе расселения. М.Мэллоуэн вообще объединял слои Урук XII—III под именем «Урук», называя поздний, III слой периодом Урук—Джемдет-Наср [САН, 1970, с. 329]. Х.Ниссен отмечает близость между периодами Поздний Урук, Джемдет-Наср и Раннединастический I, объединяя их под названием Протоисторический [Nissen, 1986б, с. 376].

Менее, чем Протописьменный, принято наименование Додинастический период. Оно применялось в основном французскими исследователями; Додинастический период соответствует Протописьменному A, B, C и D (см., в частности, [Amiet, 1961, с. 75]).

Изучение культурного слоя Варки/Урука сопряжено со многими трудностями. Границы строительных периодов здесь сложно определить из-за многочисленных перекопов, плохой сохранности или полного разрушения сооружений в процессе перестроек. Небольшие вещи сравнительно редко обнаруживаются в непереотложенном состоянии, их связь со строительными горизонтами часто неясна. Корреляцию слоев в разных частях поселения проследить трудно [Strommenger, 1981, с. 480]. Х.Ниссен замечает, что в отчетах о раскопках есть противоречия, а попыток систематизировать данные предпринималось очень мало. Эти дефекты, вызванные сложностью памятника, в последние десятилетия удалось в какой-то степени компенсировать благодаря работам в других местах, в частности в Сузах [Nissen, 1986а, с. 16]. Развитие Нижней Месопотамии и Сузианы в период Урук было тесно взаимосвязано. Коренная территория культуры — Нижняя Месопотамия, однако область, охваченная связями, чрезвычайно обширна. Керамику и другие характерные вещи обнаруживают вплоть до Египта, Сирии и Анатолии, Западного и Юго-Западного Ирана.

Недавно была предложена новая периодизация слоев Урука, основанная и на сопоставлении с материалами, обнаруженными при раскопках Суз [Johnson, 1973, с. 49—51; Wright, Johnson, 1975, с. 267—289; Amiet, 1986б, с. 47—48]. В общем виде она такова: слои XVIII—XII относятся к эпохе Убейд, XIV является переходным. К Раннему Уруку относится слой XIII, к Среднему — XII—VIII (его керамика — классически урукская). Поздний Урук — слои VII—IV; в слоях IVb—а создаются крупные ансамбли культовых зданий, появляются таблички со знаками.

В Сузах (раскоп Акрополь I) периоду XIV—IV синхронны слои 24—17, общая дата которых — 3850—3100 гг. до н.э. (Ранний Урук — Акрополь 24—23 — датируется 3800—3400 гг. до н.э., Средний — слои 22—19, Поздний (соответствующий Эанне IV) — 18—17 [Weiss, 1977].) Период Урук III датируется 3100—2850 гг. до н.э.

Таким образом, данные, полученные при старых раскопках Урука и считавшиеся долгое время эталонными, должны корректироваться в ходе новых исследований, что и происходит. В частности, цилиндрические печати появляются в Сузах, как полагают, в слое 20 раскопа Акрополь I, т.е. в одном из слоев периода Средний Урук, что соответствует слоям Эанна (Урук) XII—VIII [Amiet, 1986б, с. 53, примеч. 2]. В самом же Уруке первые цилиндрические печати зафиксированы в более поздних слоях, VI—IV, что может быть результатом случайности.

Сейчас уточняются характеристики периода Джемдет-Наср, отделяющего Урук от Раннединастического [Potts, 1986a]. Традиционно принято считать его признаками расписную керамику, некоторые особенности архитектурных сооружений, изображения на цилиндрических печатях, отличающиеся от более ранних условностью и орнаментальностью. Письменность этого периода выделяется в особую стадию. Однако чистота признаков, определяющих этот приблизительно двухсотлетний период, неоднократно подвергалась сомнению. Так, «типичные» печати Джемдет-Насра не имеют четких хронологических границ; не исключено, что в это время продолжали делать печати в позднеурукском стиле [там же, с. 28]. Неоднороден и керамический комплекс.

В Эанне слои IIIc—а относили к Джемдет-Насру на том основании, что здесь было найдено много табличек, сходных с обнаруженными в Джемдет-Насре, но в Эанне почти все они обнаружены не *in situ*, а в переотложенном состоянии, как и мелкие вещи. Таким образом, вещи не могут датировать слой, а слой не может указывать на дату вещей [Finkbeiner, 1986, с. 33].

Особенность слоя III, вскрытого на участке Эанны, заключается и в том, что его сооружения были воздвигнуты на снивелированных постройках предшествующего слоя IV (среди них — «Мозаичный двор», терраса из «ремешковых» кирпичей-«римхенов»). В слое III вообще нет зданий, которые можно было бы интерпретировать как храмы; здесь впервые сооружается высокая терраса. В то же время наблюдения над планировкой и строительной техникой на протяжении IV—I слоев показывают, что архитектурная традиция хотя и менялась, но не радикальным образом [там же, с. 46—48].

Раскопки в Ниппуре дали наконец более четкое представление о характере керамического комплекса периода Джемдет-Наср. В двух шурфах около храма Инанны получена последовательность от Позднего Урука до Раннединастического I, и впервые керамика Джемдет-Насра была выявлена на основании многочисленных форм, а не только по наличию росписи [Wilson, 1986]. В слоях Джемдет-Насра (XIV—XII) из 110 типов 18 существовали уже в предшествующую эпоху Поздний Урук (здесь — слои XVI—XV) и 13 продолжали бытовать в Раннединастический I (слои XI—X). Керамика периода Джемдет-Наср характеризуется 79 типами, в том числе с моно- и полихромной росписью, но и та и другая появляется в предшествующую эпоху и сохраняется в последующую (роспись — от коричневой или фиолетовой до черной; орнаменты в основном геометрические, редко — «натуралистические», изображающие птиц и растения).

Близкие аналогии керамическому комплексу, изученному в Ниппуре, обнаружены на юге и в Центральной Месопотамии (стратифицированный комплекс в Хафадже). Его устойчивость и широта распространения позволяют заключить, что термин Джемдет-Наср определяет целый период, а не региональный стиль [там же, с. 66].

Дж. Постгейт [Postgate, 1986] обратил внимание на изменения в числе и характере поселений между периодами Урук и Джемдет-Наср, указав, что они более значительны, чем различия в поселенческой модели

между периодами Джемдет-Наср и Раннединастический I. Это также предполагает целесообразность выделения этого периода. На его «промежуточный» характер указывает, в частности, его относительная непродолжительность по сравнению с длящимися долго «доисторическими» периодами и краткими «историческими» [там же, с. 92].

ХОЗЯЙСТВО, ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Возникновение в период Урук и подъем на новую ступень в Джемдет-Насре на юге, в Нижней Месопотамии, структурно сложного общества, очевидно, стало возможно благодаря систематическому получению излишков продуктов жизнеобеспечения, в первую очередь зерна. А это значит, что приемы ирригации, без которой здесь земледелие практически невозможно, были освоены в достаточной степени. Согласно предположениям, средний урожай в Шумере и в более поздних государствах Месопотамии был сам-10 [Salonen, 1968, с. 237], но допускают, что он мог быть и более высоким — сам-30, сам-40 и даже сам-50 [Семенов С.А., 1974, с. 169]. Цифры, приводимые Геродотом (сам-200 и сам-300) [Геродот I, 193], представляются преувеличенными.

Получение высоких урожаев стало возможным благодаря улучшению техники земледелия, в частности применению плуга, использование которого А.Салонен предполагает еще и в предшествующую, убедительную эпоху, поскольку в урукской письменности знак плуга передает это орудие в совершенно сложившемся виде [Salonen, 1968, с. 27—28]. Постепенно складывалась система, которая в конце IV — начале III тыс. до н.э. вполне сформировалась. Воды паводков регулярно, один раз в три-пять недель, могли использоваться для полива. Система представляла собой бассейны для накопления паводковых вод и длинные каналы с постоянными плотинами [там же, с. 212].

В науке долгое время было очень широко распространено мнение, что ирригация, строительство и поддержание каналов, дамб и других сооружений в крупных масштабах послужили главной причиной формирования государств в долинах великих рек, в том числе в Месопотамии. Законченное выражение оно получило в работе К.Виттфогеля, основанной преимущественно на материалах древнего Египта. Согласно его концепции, в «гидравлических обществах» необходимость осуществления ирригационных работ вела к возникновению бюрократии и в конечном счете деспотического государства [Wittfogel, 1957]. В исследованиях генезиса государства в Месопотамии идеи такого рода звучали в смягченной форме, но все же именно с ирригацией связывали многие стороны этого процесса. Приведем лишь некоторые примеры. Еще в 1957 г. И.М.Дьяконов писал, что тенденция к объединению страны, связанная с ирригационным характером ее хозяйства, проявляется очень рано [Дьяконов, 1957]. Потребности искусственного орошения вызвали выделение «в самые ранние периоды» храмов и культовых вождей, поскольку оно требовало объединения усилий многих общин [История древнего мира, 1982, с. 31]. В более поздних работах определяется

момент, когда все это происходило: «Быстрый расцвет Шумера в Протописьменный период и переход его обществом грани, за которой начинается цивилизация, классовое общество и государство, были... обусловлены созданием правильной эксплуатации больших магистральных каналов» [ИДВ, 1983, с. 132].

Широкие обследования, проводившиеся в Месопотамии в первую очередь Р.Мак Адамсом и его коллегами, позволили представить, хотя и не в полной мере, масштабы ирригационных работ в разные исторические эпохи. К ним мы обратимся несколько позднее, сейчас же остановимся на тех выводах, к которым пришел на основании этих исследований И.М.Дьяконов. Отметив, что в Протописьменный период произошло «окончательное сложение сети магистральных каналов, которая существовала без коренных изменений до середины II тысячелетия до н.э.», он переходит к характеристике системы естественных русел и искусственных каналов [там же, с. 138—139]. Однако речь идет в основном о естественных водотоках, среди искусственных называются и те, которые можно лишь весьма предположительно отнести к столь раннему времени. Среди каналов — два или три магистральных, отходивших от Евфрата в юго-западном направлении неподалеку от места его разделения на русла Буранун и Ирнина. И.М.Дьяконов отмечает, что они возникли после Протописьменного периода. Далее — канал, отходивший от протока Евфрата Итурунгаль к юго-востоку, позднейший канал И[д]-Нина-гена в районе Лагаша. Неясно, замечает автор, существовал ли он в Протописьменное время. Наконец, он упоминает систему плотин, управлявших стоком русел Евфратской дельты. На двух из этих протоков располагались Эреду и Ур.

Таким образом, сведений о магистральных, т.е. крупных, каналах Протописьменного периода настолько мало, что, как нам кажется, нет никаких оснований говорить о сложении их системы в это время, и в частности о том, что города были связаны «с сетью главных каналов», как это делает И.М.Дьяконов в цитируемой работе. Все свидетельствует о том, что города располагались на естественных руслах или близ них.

Система каналов, возникшая в это время, по И.М.Дьяконову, послужила основой создания крупных образований, объединяющих несколько «номов», в раннединастическое время: «Только объединение ирригационной системы делает возможным и необходимым самое существование такого централизованного единства» [Дьяконов, 1959, с. 136].

Иной точки зрения придерживаются исследователи ирригационной системы. Р.Мак Адамс неоднократно писал, что селения второй половины IV тыс. до н.э. располагались на небольших водотоках с извилистым руслом. Большой, разветвленной системы каналов в это время не прослежено, и обработанная земля, по всей вероятности, представляла собой узкие полосы вдоль естественных русел [Adams, 1981, с. 2; Adams, 1972, с. 740]. Несколько деревень и объединяющий их небольшой центр могли соединять усилия для сооружения и защиты от врагов дамб, с помощью которых создавали небольшие каналы. Расположение поселений не дает оснований для заключения о существовании централизованного контроля над системой орошения. Такая же система, пред-

полагает Р.Мак Адамс, могла существовать на юге и во многие периоды более поздних этапов развития, она преобладала в условиях относительно низкой плотности населения и децентрализации политической системы. Сведения о функционировании такой системы сохранились благодаря исследованиям путешественников и этнографов XIX—XX вв. Отмечалось, что исполнителями ирригационных работ были эндогамные группы во главе с шейхами; сегментарная политическая организация была способна решать проблемы маломасштабной ирригации [City Inpincible, 1960, с. 35—38, 42, 279 и др.; Adams, 1969, с. 115].

Р.Мак Адамс отметил специфическую особенность юга: хотя население здесь относительно количества воды как будто было небольшим, ее тем не менее не хватало [Adams, 1981, с. 3], поскольку получение ее для орошения сопровождалось разнообразными трудностями, вызванными особенностями рельефа и режима рек. В XIX — начале XX в. ирригационные работы, которые осуществлялись племенными группами разного размера, проводились без всякого плана и без всякой «гидравлической бюрократии». Поселения и даже их группы часто перемещались из-за изменения условий и военных действий. Нерегулярность ирригационных работ усиливала нестабильность. Частичному преодолению этих трудностей служила система, в которой наряду с оседлыми земледельцами существовали полуномады-скотоводы; они поддерживали постоянные контакты и обменивались продуктами своего труда. Эти две половины играли дополняющую роль, и в случае необходимости либо земледельцы присоединялись к полуномадам, либо те оседали и начинали заниматься земледелием. Такая система могла существовать и в древности, но до появления здесь более развитой, возникшей в результате городской революции [там же, с. 3].

Задав вопрос, была ли ирригационная система большой и сложной в период возникновения институтов управления [Adams, 1966, с. 67 и сл.], Р.Мак Адамс в конце концов ответил на него отрицательно: ирригация не была важнейшим стимулом формирования государства в Месопотамии и не играла роль «первичного, независимого толчка» в этом процессе. Ирригационное земледелие было основой цивилизации Месопотамии. Однако масштаб и характер ранней ирригационной системы, мера ее воздействия на социально-экономические институты не могут быть поняты без учета ее взаимосвязи с другими факторами [Adams, 1969, с. 111].

В более позднее время, в раннединастическую эпоху масштаб ирригационных работ возрастал, но примечательно, что в документах этого времени водотоки независимо от их естественного или искусственного происхождения оцениваются с точки зрения возможности плавания по ним, т.е. особо выделяется их роль как транспортных артерий [Adams, 1981, с. 5; Adams, 1966, с. 56]. И в раннединастическое время сооружение больших каналов было эпизодическим. Крупная, спланированная контролирующим государственным аппаратом система орошения сформировалась, по мнению Р.Мака Адамса, только в сасанидскую эпоху, хотя она и основывалась на более ранних локальных системах. До этого времени не искусственные сооружения, а естественные водотоки служили

главным источником орошения [Adams, 1981, с. 5—6; Huot, 1982, с. 99—100].

Итак, имеющиеся факты как будто позволяют думать, что ирригация не была определяющим моментом в генезисе всего комплекса явлений, связанных с городской революцией и возникновением государства. Масштабы ее были малы, вложения труда относительно невелики. Крупномасштабные ирригационные работы осуществляются уже в пределах сложившихся государств [Adams, 1960, с. 37]. Это значит, что развитие ирригации необходимо рассматривать как один из элементов целой системы взаимосвязанных явлений, приведших к кардинальным изменениям структуры общества.

Ирригация сама была вызвана нестабильностью природной среды в Нижней Месопотамии. Экологическая нестабильность влекла за собой нестабильность существования человеческих коллективов, создавала опасность столкновений общин и их объединений из-за обеспечения недостающими продуктами. В этих условиях естественно возникновение достаточно крупных сообществ, которые могли бы гарантировать безопасность своих членов и создавать большие резервные фонды [Adams, 1981, с. 4]. Различные условия пользования водой, в которых находились общины, располагавшиеся выше и ниже по течению водотоков, способны вызывать конфликты, так что отношения между ними должны были регулироваться на межобщинном уровне. Государство возникает как способ всеобщего регулирования в условиях, когда прежние способы оказываются негодными; это касалось, в частности, регулирования разнообразных проблем, связанных с ирригацией. Но не только с ней.

Вывод Р.Мак Адамса о том, что хотя сооружение каналов занимает столь значительное место в раннеисторических документах, роль, которую они стали играть в это время, — следствие, а не причина возникновения городов-государств и династийной власти, вызвал возражения Т.Якобсена. Он согласился, что ирригационные сооружения сначала представляли собой небольшие, изолированные и простые системы, но и их созданием должны были руководить люди, обладавшие определенным опытом и авторитетом. Он высказал предположение, что первоначально политическая власть энци основывалась на его технических знаниях. В древнейших текстах, отметил он, за состояние больших каналов несет ответственность правитель независимо от того, как его именовали [City Invincible, 1960, с. 37—39].

Соглашаясь в целом с отказом от «ирригационного детерминизма», Дж.Оутс акцентировала внимание на том, что в условиях Нижней Месопотамии избыток, послуживший основой общественной дифференциации, сложения бюрократии и т.д., мог быть устойчивым только в условиях ирригационного земледелия [Oates, 1972, с. 306].

Известно, что строительство ирригационных сооружений дестабилизирующе действует на коллективное землепользование. Семейные общины или их объединения, вложившие труд своих членов в эти работы, приобретают преимущественные права на доступ к основным производственным ресурсам — земле и воде. Возрастает возможность концентрации излишков у групп, вложивших больше усилий в создание таких

сооружений, по сравнению с другими [Adams, 1966, с. 54]. Неравенство определялось и тем, насколько плодородными были земли и насколько благоприятно было их положение по отношению к источникам орошения. Р.Мак Адамс отмечал, что в досаргоновское время колебания цены на землю в расчете на единицу поля были от 1 до 6. Имеющиеся данные, согласно заключению Р.Мак Адамса, не позволяют представить себе, как процесс социальной стратификации протекал в системе жизнеобеспечения, в том, что касалось земли и воды. Однако многие свидетельства демонстрируют тенденцию концентрации земли в первой половине — середине III тыс. до н.э. в руках отдельных собственников, скупавших ее [там же, с. 69]. Возможно, раньше земельные участки могли сосредотачиваться у более могущественных членов общин, оказывавших помощь и покровительство своим маломощным родственникам и соседям. Располагали они и другой возможностью увеличивать свои наделы, причем те, на которые юрисдикция общины не распространялась, — путем освоения новых, еще не занятых земель. Такие земли находились в частной собственности, а свободных земель было, как предполагают, много [там же].

* * *

Насколько можно судить по документальным данным, ремесленное производство большей частью было сосредоточено в храмовых хозяйствах, осуществлявших перераспределение готовых продуктов и сырья. Вероятно, однако, что гончарное производство было и независимым. В эту пору оно достигло высокого уровня. Применялся круг быстрого вращения, хотя использовали и более архаичные приемы изготовления, в частности широко распространенные сосуды усеченно-конической формы изготавливали путем тиснения.

Применение гончарного круга привело, как и в других областях Востока в древности, к появлению разнообразных специализированных форм посуды и одновременно к исчезновению орнамента. Изготовление орнаментированной посуды возобновляется в конце урукской эпохи и характерно для периода Джемдет-Наср; можно предполагать, что эта продукция профессиональных мастеров предназначалась для особых случаев; такая керамика могла быть парадной.

Выделение в качестве специализированного именно гончарного ремесла характерно для ранних цивилизаций как Старого, так и Нового Света и связано с тем, что его продукция была относительно дешевой и поэтому находила постоянных потребителей. Предполагают, что один мастер в течение года мог обеспечивать потребности 66 семей; таким образом, одна семья должна была снабжать его продуктами на пять-шесть дней в году — это небольшая цена.

Иным было положение в области производства тканей. Здесь один человек при круглогодичной работе мог обеспечить только пять-шесть семей. Каждая из них должна была снабжать его продовольствием в течение двух месяцев, что было слишком невыгодно. Поэтому ткани в отличие от посуды предпочитали изготавливать сами (исследования

У.Сэндерса и Д.Уэбстера [Березкин, 1991, с. 126])¹. В Месопотамии ткацкое производство сосредоточивалось при храмах и ткани были одной из главных статей обмена, а потом торговли. Изображения ткачей у станков известны на печатях урукского времени. По всей вероятности, одежда большинства людей была очень примитивной и, насколько можно судить по тому, что и тканая имитировала одежды из шкур животных или крупных листьев растений, изготавливалась не из тканей.

Высказывалось мнение, что ремесленное производство не играло большой роли в жизни общества урукской эпохи. С этим трудно согласиться, поскольку без достаточно развитого ремесла не мог, по всей вероятности, осуществляться обмен, который по крайней мере в Позднем Уруке, как показывают рассматриваемые ниже данные, был интенсивным. На социальные процессы безусловное воздействие оказывало ремесло, которое стоит на грани с искусством или может быть определено как искусство. Художественная деятельность теряет прежний примитивный, не дифференцированный от производственной практики характер. Появляются профессионалы, работа которых, насколько можно судить по археологическим данным и свидетельствам древнейших письменных источников, как и ремесло, была связана с храмами, хотя нельзя исключать возможность существования и других организаций профессионалов или полупрофессионалов, обслуживавших потребности элиты.

О существовании профессионалов — архитекторов и строителей — свидетельствует в первую очередь постоянно развивавшаяся архитектура храмов и других общественных зданий, разработка планов, строительных приемов и декора которых требовала специальных знаний.

Относительно небольшое число (если исключить из этого перечня печати) недостаточно определенно стратифицированных находок, главным образом из Урука, позволяет тем не менее судить о возникновении развитого изобразительного искусства и художественного ремесла. Особенно показательны для лишенной хорошего камня Нижней Месопотамии успехи в обработке разнообразных минералов, в том числе твердых. Конечно, среди каменных изделий преобладают печати (их производство могло быть централизованным) [Ashèr-Grève, Stern, 1983], которые в Позднем Уруке или несколько ранее приобрели вид цилиндров; их откатка на глине давала требуемое количество отпечатков. Печати вырезали не только из мягких пород — гипса, известняка, кальцита, но и из более твердых — мрамора, лазурита. Вероятно, бедность сырьем, использование в строительстве кирпича-сырца сделали глиптику «лабораторией» изобразительного искусства. В это время впервые появляются изображения, которые благодаря их внешнему сходству с реальными существами и вещами можно назвать «жизнеподобными» — это понятие кажется более приемлемым, чем «натуралистичные» или «реалистичные», поскольку оно лишено специфических аспектов значения, которые имеют в науке эти два понятия.

Наиболее распространенный сюжет изображений на печатях, сосудах и, насколько можно судить по единичной находке стенописи в Тель-Укайре, на стенах построек — шествие людей и/или животных к

сакральному сооружению, храму или помещению для скота, а также предстояние около такой постройки. Для этой эпохи характерны печати с изображением труда людей — так называемые «сцены повседневной жизни», о которых подробно мы будем говорить ниже.

Отличительная особенность изображений — почти полное отсутствие образов фантастических животных и одновременно отсутствие изображений божеств, которые, возможно, передавались символически. Искусство как бы ориентировано на реальность, но, без сомнения, эта реальность воспринималась через призму мифа, что было неизбежно для сознания людей той эпохи. Многочисленны изображения людей, среди которых выделяется лидер — «царь-жрец», или «вождь-жрец», как мы предпочитаем его именовать.

Цилиндрические печати иногда имели рукоятки в виде фигурок животных. Фигурки животных могли быть и печатями-штампами — на их основании в этом случае вырезали изображения. Такие фигурки играли, вероятно, роль амулетов и талисманов (такая же функция была и у печатей-штампов, и у цилиндров).

Крупные фигурки животных были элементом убранства храмов, служили подставками. Они изображали овец, быков и коров, реже — хищников; их вырезали из известняка, песчаника, мрамора, алебастра. Некоторые детали инкрустировали раковинной или цветными камнями, из меди и золота делали дополнения (уши). Как и изображения на печатях, эти фигуры отмечены замечательным жизнеподобием [Heinrich, 1936].

Одна из вещей, демонстрирующая связь глиптики, цилиндрических печатей, с другими видами искусства, — известная ваза из Урука. Подобно многим другим вещам, она происходит из слоя III, но, по всей вероятности, создана раньше. Этот сосуд высотой около 1 м обладает признаками монументального произведения. (Подробное описание см. на с. 145 и сл.) Все разнообразие изображений на вазе может быть сведено к ограниченному числу повторяющихся элементов: два растения, пара животных, человек, несущий корзину или сосуд. Центральная композиция — встреча жрицей у входа в храм высокопоставленного персонажа и сопровождающих его людей. Кроме того, изображены различные ритуальные предметы. Все это можно встретить и на цилиндрических печатях.

Общее между печатями и вазой то, что откатка печатей давала повторяющиеся изображения, создавая нечто вроде орнаментального раппорта. Таким же образом, повтором однообразных мотивов, строится и изображение, вырезанное на вазе. Способность цилиндров давать раппортообразные оттиски вызывает в памяти характернейшие создания древних земледельцев — орнаментированные сосуды. Урукская ваза — сосуд, и хотя изображения на ней в основном строятся по орнаментальному принципу, характер изображений в верхнем ярусе предполагает как обход, движение смотрящего человека, так и фиксацию внимания на центральной сцене.

Не исключено, что изобретение формы печати в виде цилиндра связано с привычкой наносить изображения на круглые в плане поверхности, в первую очередь, конечно, поверхности сосудов. Не все ци-

линдры несли изображения людей, животных или каких-либо вещей (в основном сосудов): среди цилиндров, особенно, как полагают, в период Джемдет-Наср, было много с орнаментальными, условными мотивами. Цилиндрическая печать — особая форма. Изображение на ней выполнено на круглой в плане поверхности, но оттиск помещался на плоскости. В ней, таким образом, учитываются особенности восприятия изображений на разных поверхностях; эти небольшие вещи и стали тем видом искусства, в котором отрабатывались приемы изображения, применимые и для монументальных форм — вплоть до настенных рельефов или стенописей.

Наряду с изображениями на ритуальных сосудах в низком рельефе (кроме упомянутой вазы к ним относится прямоугольный лоткообразный сосуд с изображением баранов и овец около сакрального хлева [Frankfort, 1977, с. 27]) изготавливали и сосуды, декорированные изображениями в высоком рельефе и даже скульптурными изображениями. Такой сосуд из песчаника, предназначавшийся, вероятно, для возлияний, был обнаружен в Уруке [там же, с. 29]. На его тулове — две группы, изображающие льва, нападающего на быка; две скульптурные фигуры львов «охраняют» носик. Сосуды, украшенные скульптурными изображениями «героя» с львами и быками, найдены в Телль-Аграбе [там же, с. 30].

Наконец, в это время появляются первые каменные скульптуры адо-рантов, столь распространенные в более позднее время. Две такие фигуры, передающие мужчину и женщину с поднятыми на уровень груди ладонями, изображены среди приношений в храм в верхнем ярусе вазы из Урука. В Уруке (в слое III, но предположительно изготовлена раньше) найдена маленькая фигурка мужчины [Strommenger, 1981, с. 481]. Еще две фигурки обнаружены под Белым храмом [UVB II, 1930, табл. 36а—с]. Из Хафаджи происходит небольшая, около 10 см высотой, фигурка стоящей женщины со сложенными на животе в адоративном положении руками. Г.Фрэнкфорт отмечает живость исполнения и отсутствие сухости, свойственной более поздним скульптурам [Frankfort, 1977, с. 33].

В Уруке, также в слое III, в яме, где были обнаружены разнообразные вышедшие из употребления культовые вещи, найдена голова статуи женщины. Точнее, это нечто вроде маски: задняя ее сторона срезана, сохранились отверстия, предполагающие, что она могла крепиться к какой-то основе, быть может деревянной скульптуре [там же, с. 31]. Невозможно судить о том, какое впечатление первоначально производило это лицо, так как огромные глазницы, теперь пустые, были инкрустированы, как и широкие сросшиеся брови. Плоские симметричные пряди волос, вероятно, служили основой для надевавшегося на них парика или головного украшения, быть может подобного тем, которые известны по находкам из «Царского некрополя» Ура. Остается неясным, изображала ли скульптура божество (что представляется маловероятным) или смертную женщину.

В Уруке в том же неоднократно упоминавшемся слое III найден первый из возможных меморативных рельефов. Это небольшая базальтовая

(или гранитная?) стела с изображением персонажа, имеющего облик вождя-жреца, охотящегося на львов (хранится в Багдадском музее). Вероятно, один персонаж, изображенный на ней, передан дважды. Наверху фигура меньшего размера колет копьем нападающего льва; внизу этот же (по крайней мере внешне) персонаж несколько большего размера стреляет из лука в двух львов, головы которых уже поражены его стрелами. Г.Фрэнкфорт не считал возможным отождествлять смысл этой сцены с формально близкими рельефами ассирийских царей, которые прославляли их мужество. Он полагал, что битва с могучими хищниками — один из моментов освоения болотистых пространств для расширения территории городов-государств. Именно поэтому охота на львов стала достойной запечатления [там же, с. 34].

В эту эпоху охота вождя-жреца на льва и лев как его добыча, принимаемая в храм, часто изображаются на печатях. Перспективы смысла этого занятия несомненно были широкими. Среди них — защита стад, в мифологическом понимании — стад божества. Охота на льва предстает как особое деяние, прерогатива вождя: самый могучий зверь вступает в битву с очевидно столь же могучим соперником. Подобные изображения должны были прославлять силу вождя, т.е. служили идеологическим целям.

О том, что изображения в это время могли играть меморативную роль, запечатляя реальное событие, свидетельствует табличка «Блау А», относящаяся к концу периода Джемдет-Наср [Дьяконов, 1957, с. 95]. В тексте на ней говорится о наделении землей человека, вернувшего храму угнанный кем-то скот. На оборотной стороне изображены несущий ягненка человек и человек, забивающий колышек в знак приобретения поля. В какой-то степени меморативное значение имели и скульптурные фигуры адорантов — они должны были напоминать божеству о делах людей и о необходимости соответствующего вознаграждения.

Изображения людей и в скульптуре, и тем более в глиптике лишены, конечно, индивидуальных черт, это типы, в которых передается особенность антропологического облика и какие-то признаки социальной принадлежности. В то же время из-за того, что еще не сформировались жесткие каноны, из-за новизны все отчетливее вырисовывающихся границ социальных групп образы людей отличаются живостью, они еще не приобрели канонической застылости. В передаче их облика чувствуется, что мастера были хорошими наблюдателями и скорее всего профессионалами.

Не исключено, что в эпоху Урук—Джемдет-Наср особой сферой деятельности становится изготовление каменных сосудов, следовавших за формами керамических; их нередко инкрустировали вставками из цветного камня. Неясно, насколько обособилась от каких-то других видов деятельности художественная работа по металлу. В это время изготавливают ритуальные вещи и ювелирные украшения, бывшие знаками высокого социального положения.

Число металлических изделий начала Урукского периода, найденных в Месопотамии, относительно невелико. Это простые украшения — булавки, кольца, бусы — и небольшие орудия — шилья, тесла, резцы. Из-

вестны и металлические печати-шампы [Moorey, 1982, с. 21]. Тем не менее металлических вещей становится явно больше, чем это было в предшествующую эпоху. К концу периода количество изделий увеличивается; есть признаки совершенствования техники металлообработки. Применялось литье в открытых и закрытых формах, отлитые вещи подвергали холодной и горячей обработке. Помимо меди использовали свинец, серебро и золото. Небольшие изделия отливали в технике потерянного воска.

Известные изделия из металла конца Урукского периода и периода Джемдет-Наср — в основном украшения и предметы роскоши. В Уруке в «Sammelfund» найден золотой лист для облицовки какого-то предмета и предполагаемый золотой носик сосуда [Heinrich, 1936, табл. 30d, 35d]. Обнаружены также серебряный кувшин с носиком и части фигурок животных [там же, с. 40, табл. 29]. Две медные фигурки лежащих телят — навершия булавок — были отлиты по восковой модели (булавки вставлены в цилиндрические печати из лазурита) [там же, с. 28—29, табл. 17a—b]. Еще большего умения потребовала отливка фигурки льва из меди с 9% свинца [там же, с. 25, табл. 13a]. Наличие свинца предполагает, что литейщики стремились сделать медь более плавкой. В слое Эанна III найдена фигурка козла из битума, облицованная листовым золотом. В этом же слое обнаружены фрагменты составных фигурок лежащих животных из меди, серебра и золота [Moorey, 1982, с. 21].

Примечательна находка предмета вооружения или охоты из драгоценного металла — серебряный гарпун, найденный в здании из кирпичей в западном углу Эанны, где обнаружены также рога из меди [UVB XIV, 1959, с. 9, табл. 17, 18a].

Находки обычных предметов из меди в Уруке относительно редки, хотя на месте зиккурата Ану между слоями С и D обнаружено много корродированных кусков меди, а фрагмент медного предмета найден в слое Эанна XI [UVB IX, 1938, с. 25; UVB III, 1932, с. 30]. Возможно, это результат того, что раскапывались особые, культовые сооружения. Найденные в окрестностях медные предметы вооружения и орудия [Adams, Nissen, 1972, с. 205—206] могут относиться и к раннединастическому времени [Moorey, 1982, с. 22].

Металлические изделия, обнаруженные в Тепе-Гавре, происходят в основном из погребений, а потому в значительной степени представлены украшениями — золотыми и свернутыми из золотого листа бусами, составными фигурками животных и насекомых. Самое замечательное изделие — головка волка из электра (найдена в гробнице 114), быть может, навершие посоха или скипетра [Tobler, 1950, с. 92]. Предметы из меди становятся многочисленными лишь в слое VIII (начало III тыс. до н.э.) — здесь их найдено 22 [Speiser, 1935, с. 103]. В слое XI, которым открываются слои, синхронные Урукскому периоду, найдено тесло из мышьяковистой меди, а в слое VIII — булавка из меди с 5,62% приплава олова, первый в Месопотамии предмет из оловянистой бронзы [там же, с. 102; Moorey, 1982, с. 22].

Не вполне ясно, к какому периоду — Джемдет-Насру или уже Раннединастическому — относятся многочисленные металлические предметы

из погребений в Уре [Moorey, 1982, с. 23]. Л.Вулли разделил их на три хронологические группы — раннюю (А), среднюю (В) и позднюю (С) [Woolley, 1955, с. 104]. К ранним отнесено 54 погребения, в 15 найдены свинцовые сосуды, а также сосуды из меди. К средним отнесено 130 погребений, в 26 обнаружены свинцовые и медные сосуды, медные гарпун, булавки, рыболовный крючок и бритва. Из 148 поздних погребений металлические вещи были в 22: это свинцовые сосуды, медные булавки и иглы, зеркало и сосуды; найдены также две пары серебряных серег.

Законное удивление (и сомнение в датировке) вызывает обилие металлических сосудов, в особенности сосудов из такого редкого для этого времени металла, как свинец [Moorey, 1982, с. 23].

Не вполне ясна дата относимых к Протописьменному периоду предметов из Телло — нескольких золотых бусин, медных булавок, зеркал и кованых сосудов. Одна из булавок отлита по восковой модели; ее навершие — фигурки двух обнаженных «танцорок» [там же, с. 23—24].

Об успехах этого времени в «прикладной химии» свидетельствует то, что фаянсовые глазурованные изделия стали делать не только на севере, но и на юге страны [там же, с. 20].

Близкую картину дают материалы Суз, культурно-исторически связанных с Месопотамией. Впервые в позднеурукское время здесь используют разнообразные металлы — медь, свинец, золото и серебро. Помимо найденных в недавних раскопках медных острий и булавок простых форм П.Амье считает возможным отнести к этому периоду недатированные находки из старых раскопок Р. де Мекенема — медную мотыжку и двойной втульчатый топор. Основанием для датировки служит сопоставление этих изделий с тем, что изготавливали литейщики Тепе-Габристана и в более раннее время [Amiet, 1986б, с. 58]. Медь этой эпохи содержит свинец иногда в значительном количестве (до 20%) и мышьяк (2—5%), а также следы серебра, висмута и сурьмы, что вместе со свинцом и мышьяком характерно для «серых медей» месторождения Талмесси близ Анарака. Высказывают мнение, что в это время свинец специально приплавляли к меди для того, чтобы сделать ее более плавкой и ковкой [там же].

П.Амье относит к этому же времени серию булавок с фигурными навершиями, отлитыми по восковой модели. Они увенчаны фигуркой обнаженной женщины, козы с козленком, барана, кошачьего хищника. Как и в Нижней Месопотамии, здесь делали из свинца большие чаши и ребристые сосуды с носиком, из серебра — подвески в виде креста и виноградной грозди, из серебра и золота — маленькие подвески в виде собак [там же, с. 59].

Общие признаки изобразительного искусства периода Урук—Джемдет-Наср — жизнеподобие и выраженная сюжетность, особенно ярко проявляющиеся в произведениях глиптики. Отличия от предшествующих изображений Убейдского периода очевидны — там условные фигуры показаны как не связанные каким-либо действием, они на него лишь намекают. Развитое искусство возникает как бы внезапно, без

ощутимого подготовительного, переходного периода. Так было, однако, не во всех областях: хорошо известно, что сложение архитектуры храмов длилось многие столетия, начало было положено еще в убейдскую эпоху. В изобразительном искусстве перемены производят впечатление более внезапных — различия между мелкими фигурками из глины периода Убейд и каменной скульптурой значительны, но и здесь можно проследить преемственность развития, хотя и не без неизвестных нам звеньев.

Резкость перемен в искусстве — характерный признак эпох, когда происходят существенные изменения в жизни общества. Искусство становится профессиональным только тогда, когда формируется элита, организующая и благодаря своим перераспределительным функциям обеспечивающая и направляющая деятельность квалифицированных мастеров.

Жизнеподобие и сюжетность изображений — следствие изменений, происшедших в информационном поле. Связи между людьми теряют непосредственность, появляется потребность в технических средствах фиксации информации: недаром в это время возникает письменность. Социум уже не представляет собой коллектив такого размера, чтобы определяющую роль в нем мог играть устный тип передачи информации с характерными для него условностью и неразвитостью плана выражения, поскольку содержание текста выявляется при непосредственном общении. В произведениях, предназначенных для визуального восприятия, должны теперь содержаться признаки, с большей полнотой раскрывающие их смысл. В то же время изображения, одиночные или объединенные в целые композиции, обладали разнообразной и сложной знаковой природой. В них могли сочетаться признаки иконических (изобразительных) и индексальных знаков. Та или иная сторона выходила на первый план в зависимости от того, в каком контексте изображения рассматривались.

Смысл нового искусства — вызывать ощущение значительности, величия, красоты особого рода, причем все это становится принадлежностью только части бытующих в обществе групп произведений, отнюдь не тех, которыми пользовались рядовые члены общества в своей повседневной жизни. Такое искусство служит пропагандистским целям, оно связано с потребностями культа и элиты и утверждает власть богов, роль верхнего общественного слоя. Все остальные пользуются упрощенными, дешевыми подражаниями высоким образцам — печатями с более условными и легкими в изготовлении изображениями, глиняными фигурками, подражающими монументальной скульптуре, простыми амулетами из недорогих материалов, посудой массового производства и т.д.

Ремесло и искусство периода Урук—Джемдет-Наср — несомненное свидетельство существования социальных слоев и профессиональной деятельности. Недаром в древнейших текстах периода Урук IV содержатся перечни профессий и должностей, которых насчитывается до 80 [Вайман, 1976, с. 583].

СТРУКТУРА ПОСЕЛЕНИЙ

Выше уже говорилось, что изучение структуры поселений стало одним из центральных направлений исследований, так как оно позволяет судить о множестве сторон жизни общества — от демографических процессов до системы хозяйства, об обмене, организации управления и т.д. Иерархия поселений, определяемая их размерами и функциями, которые могут быть выявлены не только путем раскопок, но и обследованиями поверхности, позволяет сделать предположения о характере социальной организации. Согласно одному из распространенных сейчас определений государства — это специализированная и дифференцированная организация принятия решений, имеющая по крайней мере три уровня, чему соответствует система поселений из центрального, поселений меньших по размерам и менее значимых по функциям и деревень. Таким образом, государственной организации соответствует трех- и более уровневая система, в то время как вождествам — двух-уровневая.

Структура поселений исследована в настоящее время неравномерно. К числу относительно хорошо изученных относится район Урука. Согласно исследованиям Р.Мак Адамса, значительные изменения произошли здесь в Урукском периоде. В Раннем Уруке вокруг города существовало 17 малых поселений. Они образовывали группы, внутри которых поселения располагались бессистемно, хотя в некоторых случаях прослеживалось линейное размещение [Adams, 1969, с. 115]. Между группами лежали незаселенные пространства пустынь и болот. Удалось установить, что одно из поселений этого времени (№ 118) состояло из четырех отдельных, но взаимосвязанных [Adams, Nissen, 1972, с. 11].

Переход к новой модели расселения связывают с резким ростом населения между Ранним и Поздним Уруком: если сначала их было 18, то в период Джемдет-Наср уже 108 [Adams, 1971, с. 295]. В конце IV тыс. до н.э. разрозненные, относительно бесформенные скопления сменяются вытянутыми кустообразными кластерами, в которых селения расположены линейно, что предполагает существование прямых, сооруженных людьми каналов [Adams, 1969, с. 115]. Один из таких анклавов появился к югу от более поздней (возникшей в период Джемдет-Наср) Уммы. Здесь, возможно, был канал длиной около 15 км, проложенный вне естественного русла [там же].

Р.Мак Адамс и Х.Ниссен полагают, что поселения района Урука позднеурукского времени образовывали лишь двухступенчатую иерархию. Площадь крупнейшего из них, самого Урука, неизвестна, но по крайней мере к концу периода он должен был приблизиться к размерам города; это — административный и религиозный центр [Adams, Nissen, 1972, с. 18], но незначительные размеры и неразвитость иерархии указывают на низкий уровень развития экономических и административных структур [там же].

Трехуровневая иерархия складывается в районе Урука лишь в периоды Джемдет-Наср и Раннединастическом I. В эту пору существовали маленькие деревни, площадью 0,1—6 га (их насчитывают 124), «город-

ки» площадью 6,1—25 га (их было 21) и «городские центры» площадью более 50 га (таких было два). В раннединастическое время Урук, быть может, образывал четвертый уровень (его площадь — более 44 га) [там же]. Население Урука в период Джемдет-Наср составляло приблизительно 10 000 человек, позднее — 40 000 [Adams, 1971, с. 295].

Аналогию системе расселения в районе Урука периода Джемдет-Наср Р.Мак Адамс видел в расселении современных машарабов [там же]. Арабы района Хаур-аль-Хаммар и низины у слияния Тигра и Евфрата селились двумя различными способами. В западной части этого района воды достаточно в течение всего года, однако ее не хватает для орошения в период вегетации. Поэтому здесь разводят буйволов. Постоянные поселения состоят из нескольких сотен тростниковых домов, образующих группы разного размера, разделенные протоками. Обитатели их — родственники во главе с неформальным лидером или «оратором» (*chief spokesman*). Такие селения не играют столь важной роли в системе, какая принадлежит крупным поселениям, обычно резиденциям локальных шейхов или вакилей, их представителей. Присутствие элиты ведет к дифференциации построек в таких селениях: они различаются материалом, размерами, сложностью конструкции, назначением; здесь есть постройки общественного и административного назначения. В крупных поселениях жили немногочисленные специалисты-ремесленники — строители, лодочники, а также торговцы. Общинники подчинялись владельцам земли, которые контролировали их деятельность; им они выплачивали подати.

Модель восточной части района была иной. Селения здесь состояли из 30—40 домов, главой был предводитель, мухтар. Поскольку мелкие водотоки часто меняют русло, общины должны перемещаться, собираясь у водоемов. В результате постоянное ядро является центром кластера из многочисленных стоянок, куда в разное время года приходят со стадами. Земледелием занимаются вокруг центрального поселения, но отдельные семьи в течение года следуют по собственным маршрутам. Члены нескольких общин могут заселять соседние стоянки, образуя сообщества.

В таких условиях создается ситуация, которая может объяснить причину заселенности необычайно большой территории в период урбанизации: она заключается в специфической реакции общин на колебания окружающей среды. Так, сейчас перемещения связаны с необходимостью обеспечивать кормом водяных буйволов, а в древности — других животных. Скопления малых поселений Урукского периода напоминают группы из нескольких дюжин домохозяйств во главе с мухтаром в восточной части болот, а поселения периода Джемдет-Наср с крупным населенным пунктом — западную модель. В ней селения располагались вдоль каналов, в центральном находился храм, который функционально близок современным кирпичным домам шейхов. Подвижность и широта расселения современных мааданов-машарабов — результат той же общей системы, которая могла существовать и в древности при невысоком уровне административного контроля, низкой плотности населения, в плохо дренированной местности [Adams, Nissen, 1972, с. 23—29].

Иным путем шла урбанизация к югу и юго-востоку от Урука, в районе вокруг Эреду и Ура. В урукское время небольшие поселения здесь располагались редко. Эреду был значительным городом с храмом. Население, которое концентрировалось вокруг Ура, позже уходит, и к началу Раннединастического I периода на небольшой территории (около 90 км²) находились город Ур (площадью около 20 га), три деревни и небольшой центр деревенской округи [Adams, 1969, с. 27]. По предположению Р.Мак Адамса, рост Урука происходил, в частности, за счет притока населения из окрестностей Ура; расстояние между этими городами — около 50 км. Урбанистический этап развития Ура приходится на поздний отрезок Раннединастического периода, когда Урук, напротив, сократился в размере. В это время площадь Ура — около 50 га, население — до 10 000 человек. Хотя некоторые зоны в его окрестностях запустились, создавались новые поселения и сельские центры [там же].

В районе Уммы быстрый процесс урбанизации имел место только в периоды Джемдет-Наср и Раннединастический I. В окрестностях, как полагают Р.Мак Адамс и Х.Ниссен, располагались не маленькие деревни, а городки, лежащие недалеко друг от друга в линейном порядке. Расположены они регулярнее, чем в более раннее время в окрестностях Урука; предполагается, что люди могли прийти в район Уммы оттуда [Adams, Nissen, 1972, с. 88].

В окрестностях Ниппура был обследован лишь небольшой район. В Раннем Уруке сельские поселения лежали здесь кустообразно, в Джемдет-Насре число их сильно сократилось, возможно, из-за концентрации населения в больших и малых городах, подобных самому Ниппуру и Абу-Салабиху. Здесь процесс запустения сельской округи начался раньше, чем на юге, в районе Урука [там же, с. 90].

Существуют некоторые данные о территории будущего Аккада. Быстрый рост числа поселений в округе Киша происходит в период Урук—Джемдет-Наср. Главным центром был сам Киш, на более низком уровне — городки и, наконец, деревни [там же, с. 89—90; Gibson, 1972].

В долине Диялы поселения начинают образовывать регулярные кластеры, кусты, по существующим предположениям, в периоды Урук и Джемдет-Наср. Количество поселений этого времени 43, число их возрастает в основном в Джемдет-Насре. Выделяются городки с храмами и общественными зданиями. Тенденция роста продолжается и в Раннединастический период [Adams, Nissen, 1972, с. 89].

Р.Мак Адамс считает, что преобладающей моделью расселения во второй половине IV тыс. до н.э., во время, предшествовавшее формированию системы «город—церемониальный центр, малые городки и деревни», сложившейся в первые века III тыс. до н.э., была следующая. Поселения, располагавшиеся на малых меандрирующих водотоках, образовывали группы из нескольких деревень и крупного центра, объединявшего их и обеспечивавшего защиту ирригационных сооружений. Селения располагались редко. Такая модель не свидетельствует о существовании централизованного контроля над системой орошения. Она на протяжении истории неоднократно возникала и позднее, когда центральная власть ослабевала. Способ существования в этих условиях —

создание сообществ, групп, состоящих из полукочевников и оседлых земледельцев [Adams, 1981, с. 2—3].

Г.А.Джонсон, один из последователей Р.Мак Адамса, сосредоточил внимание не только на проблемах урбанизации, но в большей степени, чем его предшественник, и на соотношениях функций взаимосвязанных поселений в более или менее обширных районах. Помимо площади поселений и их места в иерархии (указанием на функцию служили, в частности, глиняные конусы — элементы декора предположительно общественных зданий) его интересовали расстояния между поселениями в пределах определенной группы. Так, позднеурукские поселения округа Урука, по его мнению, образовывали пять уровней:

деревни площадью 0,01—2,74 га, их 56; находились на расстоянии 2,83 км друг от друга;

большие деревни, площадью 2,75—7,24 га, их 29; располагались на расстоянии 4,58 км одна от другой;

малые центры, площадью 7,25—16,99 га, таких 8; располагались на расстоянии 11,52 км друг от друга;

крупные центры, площадью 17 га и более, каких было 5, располагались на расстоянии 18,16 км один от другого;

сам Урук в это время, по его предположению, имел площадь около 30 га [Johnson, 1975, с. 311, 317].

Конусы найдены на 11 центрах, как он полагает, потому, что это были пункты обмена и располагались в узловых точках. Применение модели центрального пункта (см. Экскурс 1) позволило ему построить систему, достаточно близкую Кристаллеровой [там же, с. 332]. Большинство поселений, находившихся на водных путях или близ них, лежали на путях обмена между крупными центрами, каковых было пять. Локальные обменные связи, по его мнению, представляют собой сложную сеть взаимопересекающихся субсистем, и та, которая им определена, лишь одна из них. На существование иных систем указывает единственная выявленная мастерская по изготовлению каменных орудий, находившаяся на расстоянии 16,70—18,09 км от четырех крупных центров.

Большие, чем в Нижней Месопотамии, возможности для исследования системы поселений существуют в Сузиане, поскольку слой поселения этого времени здесь более доступны. Для Раннего Урука Г.А.Джонсон выявил три иерархических уровня: деревни, малые центры и один главный — Сузы. Площадь Суз этого времени — 12 га, что вместе с тремя малыми центрами и 45 деревнями давало общую площадь заселения 95 га (в предшествующее время она равнялась 30 га) [Johnson, 1972, с. 90]. Анализируя полученные данные, в 70-е годы Г.А.Джонсон пришел к выводу, что и административный контроль образовывал три уровня [Johnson, 1973]. Однако прямые указания на осуществление административной деятельности были обнаружены только в двух поселениях — Сузах и Абу-Фандувехе, уступавшем Сузам по размерам. Из этого позднее был сделан вывод, что административный контроль реализовался на двух уровнях [Johnson, 1987, с. 111—112]. На долю этих двух поселений приходилось в то время, по его расчетам, 34% заселенной территории Сузианы [там же, с. 116].

Поскольку в деревнях отсутствуют признаки административного контроля, можно думать, что власть центра над ними была невелика. Как подтверждение этого положения приводится количество венчиков сосудов усеченно-конической формы, предполагаемых (именно, подчеркнем, предполагаемых) мерок рациона. В деревнях Раннего Урука они составляют 6—9% количества, зафиксированного в слоях более поздних, Среднего и Позднего Урука. Особенно велика частотность этих сосудов в Сузах — 700 фрагментов венчиков на 1 м³ культурного слоя. Из этого Г.А.Джонсон делает вывод: труд в пределах города находился под более сильным административным контролем, чем в деревнях. Тем не менее и там получали продукты городского производства. Регулярность встречаемости таких предметов ремесленного специализированного производства на поселениях вокруг Суз и Абу-Фандувеха указывает на существование стабильных связей с этими центрами. Исходя из всех данных, Г.А.Джонсон полагал, что сельское население было относительно самостоятельно в принятии решений, касающихся отправления общественных работ в центре. Те, кто жил от него далеко, могли ходить туда для работы реже. Косвенным указанием на рост контроля в конце Раннеурукского периода может служить то обстоятельство, что его уровень был высоким в следующем, Среднеурукском периоде [там же, с. 115—116].

Согласно Г.А.Джонсону, интегрирующий механизм общества в Раннеурукском периоде был существенно иным, чем в предшествующем периоде Сузы А (Поздний Убейд), но он не достиг еще уровня государственной организации, сложившейся в Среднем Уруке. Этот период был переходным.

В Среднем Уруке (около 3500 г. до н.э.) на востоке равнины появился новый административный центр — Чога-Миш. В это время на смену трехуровневой иерархии поселений приходит четырехуровневая, возникающая с появлением крупных деревень. Размещение таких низовых центров на северной границе Сузианы позволило предположить, что они могли служить и пограничными пунктами. Таким образом, формируется административный контроль на третьем уровне, что свойственно государству. Население в это время вырастает на 33%. Появление третьего уровня контроля, по мнению Г.А.Джонсона, — результат расширения размеров системы, роста численности населения, требовавшего более дифференцированного регулирования. Поэтому усиливается контроль над нижними компонентами системы — деревнями площадью 0,01—1,74 га. Размер больших деревень — 1,75—3,44 га, малых центров — 3,45—8,24, больших центров — 8,25—25 га [Johnson, 1975, с. 296].

Расстояние между самыми крупными центрами — Сузами, Абу-Фандувехом и Чога-Мишем и границами их округа укладывается в пределы 20 км, что соответствует, по современным представлениям, размерам древнейших государственных образований. Площади этих центральных поселений такие: Сузы — 33,19 га, Абу-Фандувех — 32,56, Чога-Миш — 40,66 га [Johnson, 1987, с. 116, 117].

В Среднем Уруке возрастает централизация ремесленного производства, что Г.А.Джонсон считает ответом на потребности кочевников,

сезонно появлявшихся на равнине. По его мнению, эта централизация была проявлением стратегии административных центров, стремившихся теснее связать сельское население с экономической жизнью городов. Административная поддержка ремесленного производства вела к снижению цен на сельскохозяйственную продукцию, что влекло за собой, как он думает, сокращение производства и усиление связей сельского населения с ремесленными мастерскими центров, а также к снижению экономической автономии сельского населения. В то время как общая численность населения рассматривается как возросшая на 33%, та часть, которая находилась под административным контролем, могла возрасти на 118% [там же, с. 122].

Период Позднего Урука отмечен в Сузиане значительным сокращением заселенных площадей — до 53 га. Запустили в первую очередь небольшие поселения, площадь которых уменьшилась на 65%, в то время как площадь крупных — на 22%. Одна из предполагаемых территорий, куда могли мигрировать люди, — район Урука, где численность населения в это время резко возрастает. В это же время нарастает враждебность между отдельными поселениями и целыми районами, о чем свидетельствует появление незаселенной полосы шириной 14—15 км между западной и восточной частями равнины, а также изображение сцен сражений на печатях [там же, с. 124—125].

Некоторые данные о структуре поселений интересующего нас периода были получены при широкомасштабных и тщательно спланированных исследованиях на равнине Дех-Луран, лежащей на полпути между центральной частью аллювиальной долины Тигра и Евфрата и Юго-Западным Ираном, Сузианой. Предполагают, что в конце IV тыс. до н.э. здесь существовали малые поселения, вероятно, без лиц высокого ранга, большие поселения, иногда бывшие резиденциями таких лиц, и крупные центры — их резиденции наверняка [Wright H.T., 1981б]. Формы управления остаются неясными; при трехуровневой структуре поселений управление могло располагаться на двух уровнях [там же, с. 191].

Изложенные результаты исследований, предположения, основанные на изучении структуры поселений, не могут восприниматься как окончательные, в частности потому, что сами авторы в ходе работы меняли точку зрения. Р.Мак Адамс полагает, что государство формируется в Нижней Месопотамии в первые века III тыс. до н.э., более точно — в Раннединастическом периоде, другие исследователи придерживаются, как мы видели, иной точки зрения. Пожалуй, дальше других идет Г.Т.Райт, считающий, что во второй четверти IV тыс. до н.э., в раннеурукское время, в кластерах поселений появляются крупные центры и в это же время возникает государство, как правило, с тремя уровнями административного контроля. В середине IV тыс. до н.э. таких уровней могло быть уже четыре-пять [Wright H.T., 1986, с. 334]. Этот вывод основан на небольших материалах и не может быть безоговорочно принят. Более приемлемой пока представляется точка зрения, по которой в период Урук—Джемдет-Наср администрация располагалась на двух уровнях: в главном городе и мелких городах — центрах округа. Помимо них существовали деревни. Эти образования — «номы», или номовые

государства, как их определяет И.М.Дьяконов [ИДВ, 1983, с. 139], имея в виду более позднюю эпоху.

Какие же города — центры «номов» уже существовали? По мнению Т.Якобсена, в Урукский период это Эреду, Ур, Урук, Гирсу, возможно, Лагаш и Нина, а также Умма. В период Джемдет-Наср на севере возникли Шуруппак, Ниппур, Киш, Эшнунна; они могли существовать и до этого (как Эреду), но только теперь стали городами. В Протописьменный и отчасти Раннединастический период складывается система городов по Евфрату (Ниппур, Шуруппак, Урук, Ур) и по Итурунгалю (Адаб, Забалам, Умма, Бад-Тибира, Гирсу). Между ними лежала сухая степь — эден [Jacobson, 1970, с. 136—137].

Более полный перечень городов содержится в «Истории древнего Востока» [ИДВ, 1983, с. 141—142]. Согласно И.М.Дьяконову, в Протописьменный период существовали города, часть которых были центрами «номов»: это Эшнунна (Телль-Асмар) в долине Диялы; Сиппар (Абу-Хабба) неподалеку от разделения Евфрата на собственно Евфрат и Ирнину; «ном» с предполагаемыми центрами на месте современных Джемдет-Насра и Телль-Укайра; Киш; Абу-Салабих, Ниппур, Шуруппак и Урук на Евфрате; Ларса (Сенкере) у слияния Евфрата и Итурунгалия; Куталлу (Телль-Сыфр) и Бад-Тибира на Итурунгале; Ур и Эреду в дельте Евфрата; Адаб (Бисмайя) в верховьях Итурунгалия; Умма (Йоха) в его низовьях; Ларак (западнее русла Тигра); Лагаш и другие города этого впоследствии крупного «нома».

Динамика системы поселений, колебания их численности от эпохи к эпохе, ярко выражается в материалах, обобщенных Дж.Постгейтом [Postgate, 1986, с. 97 и сл.]; он пользовался данными Р.Мак Адамса, Х.Ниссена, Г.Т.Райта. В долине Диялы в период Урук было 22 поселения, в Джемдет-Наср — 58, в Раннединастический — уже 73. В Нижней Месопотамии в районе Ура в период Урук — всего 9 поселений, в Джемдет-Наср — 26, в Раннединастический — 33 поселения. Всего же в Нижней Месопотамии в период Урук было 91 поселение (и еще 25 — предположительно), в Джемдет-Наср — 71 (и 35 — предположительно), в Раннединастический — 69 (и 9 — предположительно).

ГОРОДА

Одно из важнейших явлений Урукского периода — возникновение городов. Исследование поселенческой структуры показывает, что наряду с небольшими деревнями существовали более крупные, которые называют городами и/или городками. Здесь явно сосредоточены монументальные храмы и административные здания и в основном работают ремесленники-специалисты. Целый комплекс перемен, охватывающий буквально все стороны жизни общества, имел такое значение, что по аналогии с другими важнейшими переворотами в истории человечества был назван В.Г.Чайлдом «городской революцией» (см. Экскурс 2). Какие же явления послужили основой формирования городов в условиях именно Месопотамии, точнее — Нижней Месопотамии?

Начало городской революции и всей системы изменений, с которой она связана, относят к эпохе Позднего Убейда; по мнению Р.Мак Адамса, условия для возникновения городов сложились около 4000 г. до н.э. Процесс был длительным и завершился в Раннединастический период. Среди факторов, вызвавших его, на разных этапах большую или меньшую роль играли: продуктивность земледелия и формирование стратифицированного общества, в частности из-за неравного доступа к лучшим землям; конфликты между общинами, вызвавшие сселение людей в защищенные места; комплексный, взаимодополняющий характер разных сфер жизнеобеспечения и необходимость создания посреднических институтов (город — место концентрации, обмена, перераспределения продуктов). Р.Мак Адамс не считал какой-либо фактор важнейшим и рассматривал как первый признак возникающих городов появление храмов [Adams, 1960, с. 7—8].

Очень мало известно сейчас о характере застройки крупных поселений, хотя существование храмов и их ансамблей указывает на то, что она не могла быть однородной. Различной, очевидно, была и жилая застройка, но данных на этот счет в Месопотамии для этой эпохи практически нет. Некоторые ориентирующие сведения были получены в Юго-Западном Иране, на равнине Дех-Луран, где изучался Фарухабад — небольшой центр времени Позднего Убейда, крупный в эпоху, синхронную периоду Джемдет-Наср. В Раннем и Среднем Уруке жилища здесь однообразны и не дают оснований для заключения об имущественной дифференциации, о различиях в занятиях обитателей. Не говорит об этом и состав бывших в использовании изделий и характер рациона (известно, что обитатели разводили скот на мясо; об этом свидетельствует стронциевый анализ костных останков людей — в них много животного протеина [Wright H.T., 1981b, с. 182]). Единственный признак различий — глиняные и известняковые бусы, хотя эти предметы, как справедливо отмечает Г.Т.Райт, не предполагают накопления значительных богатств [там же, с. 181—182].

В Позднем Уруке помимо небольших домов с кладовыми и очагами существовали, возможно, и постройки особого назначения. Вокруг раскопанного крупного сооружения найдено много фрагментов кувшинов и чаш; среди них, в частности, и чаши со скошенным венчиком. В более позднем горизонте на этом месте находилась круглая в плане кирпичная платформа, около которой обнаружено много сливов сосудов, фрагментов сосудов бутылеобразной формы и небольших чаш, что предполагает частое употребление здесь напитков, вероятно во время трапез с многочисленными участниками. Структура застройки отличается от раннеурукской: теперь в восточной части находились простые жилые дома с дворами, а в западной — более сложные сооружения, как предполагают, нежилые. В этом горизонте обнаружены следы административной деятельности — оттиски печатей на затычках сосудов и на чем-то вроде обвязок тюков. Г.Т.Райт полагает, что в это время административная власть была одноуровневой.

В период, синхронный Джемдет-Насру, выявлены также два вида построек, сооруженных более или менее основательно и имеющих пла-

ны разной сложности. Около первых найдено больше кубков на массивных ножках, что предполагает особую модель питания и, вероятно, угощение напитками участников коллективных трапез. Основные продукты были одинаковы, но в более крупных домах как будто чаще встречаются кости водоплавающих птиц и рыб. С этими домами связаны и находки лазурита и металлические изделия, в то время как в небольших находят изделия из раковин и сердолика. Из этого делается вывод, что обитатели больших домов контролировали некоторые ремесленные производства и имели доступ к особой пище и экзотическим материалам [там же, с. 190].

Эти пока небольшие по результатам исследования позволяют надеяться, что теоретические предположения о структурной сложности обществ обитателей крупных поселений, городов и городков со временем обретут плоть в ходе археологических раскопок. Но для получения такого рода сведений раскопки должны быть целенаправлены и хорошо оснащены техническими средствами, позволяющими проследить такие, в частности, трудноуловимые признаки, как отличия в питании обитателей разных домов.

Один из определяющих признаков города — специализация деятельности его жителей, хотя степень ее может быть различной. Месопотамский город представлял собой своеобразное явление: его обитатели продолжали заниматься сельским хозяйством. Эта особенность, впрочем, отличает и некоторые города, существовавшие в других регионах мира и гораздо позднее. В древности же город, по словам И.М.Дьяконова, «всегда был центром не только и даже не столько ремесла и торговли, сколько сельскохозяйственного производства» [ИДВ, 1983, с. 129]. Примечательно, что в шумерском и аккадском языках нет различий в определении поселений разного размера и характера: *uru* и *alu* называли все поселения без различия. В то же время Т.Якобсен обратил внимание на то, что названия городов и городков (*city, town*) могли писать с так называемым «детерминативом города», а деревни в окрестностях, в частности Ура, называли *uru bara*. Так что не исключено, что некоторые различия в обозначениях все-таки существовали, хотя этот вопрос остается неисследованным [City Invincible, 1960, с. 90—91]. И.Гельб полагал, что различие шло на другом уровне — между отдельным домохозяйством (шум. *é*; акк. *bitu*) и поселением независимо от размера [там же, с. 91].

А.Л.Оппенгейм отмечал, что на этот счет известно сейчас мало [там же, с. 80]; опираясь на письменные данные, он не обнаруживал в Месопотамии противопоставления «город» — «сельская местность». В то же время известно, что город воспринимался как особое явление, как источник цивилизации [Оппенгейм, 1980, с. 111].

Слабая отделенность ремесла от земледелия на ранних этапах урбанизации — широко распространенное, если не всеобщее явление. Эта основа формирования противоположности города и деревни развивается медленными темпами [Андреев, 1989, с. 94]. Тот тип урбанизации, который имел место в Месопотамии, не создавал, считает Р.Мак-Адамс, возможностей для сосредоточения усилий городских жителей

лишь на ремесле и исполнении услуг. По его мнению, с социально-экономической точки зрения города — это искусственные создания, амальгама, существовавшая для обеспечения растущего благополучия и безопасности численно незначительного суперстрата. С точки зрения масс, согласно более поздним, но обильным свидетельствам, городская жизнь обладала как достоинствами, так и недостатками: за относительную безопасность и концентрацию здесь жизненно необходимых припасов приходилось расплачиваться налогами и участием в общественных работах [Adams, 1972, с. 743]. Этот вывод кажется слишком категоричным и, вероятно, не применимым ко всем эпохам в равной степени. Скорее всего на начальных этапах городá (или протогородá) не воспринимались столь негативно. Более того, есть основания думать, что их обитатели гордились своим положением, а свою работу воспринимали как жертвоприношение божествам. Так или иначе, эти «искусственные» создания существовали много столетий, по всей вероятности отвечая потребностям и возможностям не только суперстрата, но и масс.

Города, безусловно, были центрами перераспределения, о чем мы будем говорить далее в связи с рассмотрением места храмов в жизни общества. Систематическая торговля на далекие расстояния, как замечает тот же Р.Мак Адамс, скорее способствовала урбанизации, чем была ее следствием; вероятно, точнее было бы сказать, что эти два явления развивались и оформлялись одновременно. Исследователи обращали внимание и на то, что хотя до начала процесса урбанизации в Средней и Нижней Месопотамии привозных материалов было немного, возникновение центральных пунктов перераспределения приходится уже на убейдское время; примечательно, что многие из них находились на удобных торговых путях. В этих условиях возникновение городов — классическая реализация формулы А.Тойнби «вызов и ответ» [Crawford, 1973, с. 761—762]. Есть мнение, что возникновение городов синхронно формированию межрегиональной контролируемой торговли [Huot, 1982, с. 101].

Ранние города Месопотамии, как и всякие города, независимо от характера экономики и структуры общества — центры взаимодействий и передачи информации [Renfrew, 1975, с. 11]. С их появлением происходит переход к новым формам коммуникации. Естественной, личностной коммуникации становится недостаточно, в результате отношения институционализируются и появляются специалисты, которые осуществляют контакты между группами людей, занимающими в обществе разное положение. Возникает техническое средство коммуникаций — письменность [Buccellati, 1977, с. 29—39].

Уменьшение количества небольших поселений и деревень вокруг крупных селений на протяжении периода Урук—Джемдет-Наср (см. Экскурс 3) указывает на источник роста населения городов: их жители стекались со всей округи «под стены центрального храма» [ИДВ, 1983, с. 110—111]. В формировании специфических для Месопотамии форм города и городской жизни роль храмов была очень велика. И.М.Дьяконов считает, что историки прежде напрасно пренебрегали шумеро-

вавилонской традицией, согласно которой создание храмов предшествовало созданию городов [там же].

Возникновение городов и формирование государств взаимосвязано теснейшим образом. Вряд ли можно сомневаться, что в Месопотамии — это две стороны одного процесса. В городе сосредоточены важнейшие центральные функции: здесь находится администрация, пока, по всей видимости, связанная с храмом главного бога «нома» — его религиозным центром. Через город идет перераспределение произведенного в «номе» продукта, здесь концентрируется ремесленное производство для внутреннего потребления и обмена. Город возник в ходе распада связей, основанных на родстве, и он же стимулировал этот процесс, как и процессы дальнейшей социальной дифференциации. Центральную роль в этих процессах в интересующую нас эпоху играли храмы.

ХРАМЫ И ХРАМОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Храмовые сооружения относятся к одним из наиболее выразительных свидетельств перемен в обществе обитателей Месопотамии периода Урук—Джемдет-Наср. Эти здания, безусловно наиболее величественные из всех построек городов, обнаружены как на юге, так и на севере. Наиболее полные данные получены при раскопках Варки—Урука, где, как уже говорилось, изучение культурных напластований связано со многими трудностями, поэтому первоначальные привязки остатков некоторых сооружений нередко пересматривались в ходе более поздних исследований.

Урукские храмы располагались в центральной части городища, где священный участок существовал, по-видимому, с убейдского времени до эллинистического. Раскопки были сосредоточены на двух участках, которые названы немецкими археологами храмом Ану и комплексом Эанны. Обнаруженные материалы и посвященная им литература огромны, и мы остановимся лишь на общей характеристике сооружений [Lenzen, 1949; 1951; 1955; 1960].

Архитектура храмов продолжает и развивает традиции убейдской архитектуры. Преемственность проявляется в сохранении трехчастной планировки, но планы приобретают бóльшую стройность. Примечательно, что сооружения строятся на одном месте — последовательность построек от Убеида к Урук—Джемдет-Насру особенно впечатляюща в Эреду и Уруке. В качестве строительного материала, а более для декора иногда использовали камень, в основном, конечно, привозной. К уже появившемуся в убейдское время приему нарушать однообразие поверхности стен нишами и выступами добавляются новые изобретения. Из глины изготавливали конусообразные предметы, основания которых окрашивали. Их вставляли в глиняную облицовку стен, создавая орнаментальные композиции. Таким же образом декорировали и нехрамовые постройки общественного назначения. Это был наиболее распространенный наряду с обмазкой прием украшения стен. Роспись, насколько можно судить по незначительным остаткам (см. ниже), применялась ре-

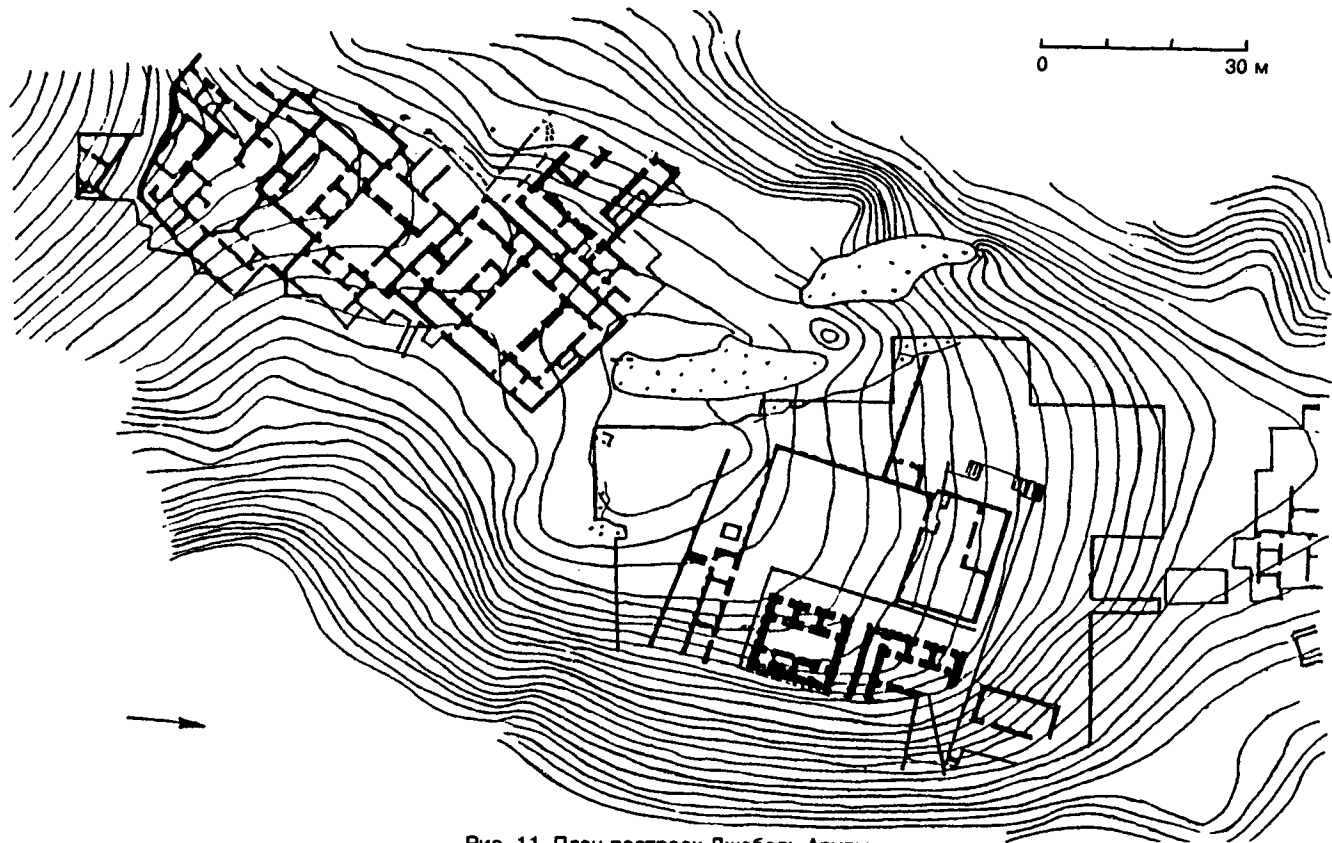

Рис. 11. План построек Джебель-Аруды

же. Не исключено, что постройки изнутри могли украшать войлоками, циновками и тканями.

Храмы и другие находящиеся рядом постройки начинают образовывать целые ансамбли, очевидно заранее спланированные. Новые данные, полученные при раскопках в Сирии поселений Джебель-Аруда и Хабуба-Кабира, свидетельствуют о развитости планировочных решений, осуществлявшихся в тех случаях, когда была возможность строить на широких площадях, чего обычно не было, поскольку города застраивались в основном стихийно [Strommenger, 1980; Van Driel, Van Driel-Murray, 1979; 1983].

В Уруке следы крупных построек обнаружены в слоях Эанна VII и VI, но здесь они сохранились плохо. Удалось представить планировку сооружений начиная со следующего, V слоя. В это время сооружаются так называемый Известняковый храм и две террасы, на одной из которых обнаружены остатки «зала» с колоннами. Назначение террас неясно, предполагают, что на них могли находиться храмы или другие сооружения. Храм традиционного трехчастного плана; самая примечательная его особенность — широкое использование камня [UVB II, 1930, с. 48—50]. Таким образом, сооружения этого слоя представляли целый комплекс построек, вероятно разного назначения, предварительно спланированных.

Известняковый храм продолжал существовать и в период IV. В это время была сооружена весьма интересная постройка, представляющая собой нечто вроде двора, обнесенного стеной с полуколоннами [UVB VI, 1934, с. 12—17]. Площадь двора — около 600 м². Перед ним находилось возвышение с портиком из двух рядов колонн, на которое вели три лестницы. Стены двора и колонны декорированы мозаикой из конусов трех цветов — черного, белого и красного, — имитирующей плетенку. Высказано предположение, что здесь происходили народные собрания и заседания совета старейшин: вождь-жрец совещался с советом на возвышении; решения поддерживал или отвергал народ, находившийся во дворе [ИДВ, 1983, с. 111]. Вероятно, в это же время существовали и другие храмы — храм А и храм В [UVB VI, 1934, с. 5—7].

При перестройках старые сооружения сносили, на руинах строили новые террасы, на которых снова воздвигали храмы и общественные сооружения типа упомянутого двора — остатки подобных строений обнаружены в нескольких слоях [UVB XIX, 1964, с. 12; XX, 1965, с. 8—10]. Близ храмов находились подсобные сооружения, некоторые предназначались для хранения вышедшей из употребления храмовой утвари (одно из них — постройка из ремешковых кирпичей-римхенов — примыкало к Храму с каменной мозаикой [UVB XIV, 1959, с. 24—28]).

Какие-то обстоятельства вызвали разрушение построек комплекса Эанна и неиспользование этого места в течение некоторого времени. Из этого, по-видимому, не следует делать выводы о каких-либо коренных переменах, переживаемых обществом обитателей «нома» Урука в момент перехода к периоду Джемдет-Наср [Strommenger, 1981, с. 486]. Затем здесь сооружается терраса, стены которой декорированы нишами и мозаикой из конусов [UVB VII, 1935, с. 9—13; UVB XX, 1965, с. 11—18].

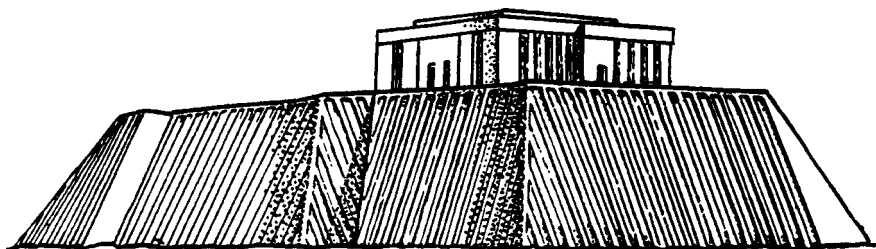

Рис. 12. «Белый храм» Урука
(реконструкция)

Характерный образец храма — так называемый Белый храм, который прежде относили к периоду Урук III, а теперь к предшествующему, IV, или даже более раннему времени [Stommenger, 1981, с. 486]. Он, как и другие храмы, стоял на возвышении, но в отличие от более ранних оно было высоким — около 13 м. Этот искусственный холм в форме неправильного прямоугольника имел размеры 70 × 66 м. Его склоны были облицованы и декорированы нишами. Наверх вела лестница. Сам храм, получивший название от цвета стен, был относительно небольшим (около 22 × 17 м) и имел традиционный трехчастный план — центральное помещение, обрамленное двумя рядами небольших комнат. Входы находились во всех стенах, кроме длинной, северо-восточной (здание, как и другие храмовые сооружения, ориентировано углами по сторонам света). Стены снаружи и внутри украшали уступчатые ниши и вбитые в штукатурку глиняные «бутылки». Сохранившаяся в одном из боковых помещений лестница, вероятно, вела на второй этаж, как это бывало и в крупных сооружениях убейдской эпохи. Вход в центральное помещение находился в длинной юго-западной стене; он вел в небольшую комнатку. В северном углу центрального помещения, в литературе обычно именуемого целлой, находилась небольшая платформа, на которую вела лесенка, а в средней части — кирпичное возвышение с очагом перед ним. Эти две конструкции, вероятно, предназначались для размещения ритуальных предметов и жертв.

Сооружение храмов на возвышениях, очевидно, имело целью выделить, поднять их над уровнем жилой застройки. Вместе с тем, возможно, уже существовало или складывалось представление о необходимости сооружать жилище бога на горе [Lenzen, 1941; Parrot, 1946]. Известно, что храмовые башни — зиккураты — воспринимались даже не как подобие горы, а как сама гора (один из зиккуратов, Энлиля, именовался Дом Горы, Гора Бури, Связь между Небом и Землей). Горы считались источником изобилия, местом проявления сверхъестественных сил [Frankfort, 1977, с. 22].

Если платформа, на которой стоял Белый храм, не была ступенчатой, то храм, раскопанный в Тель-Укайре, располагался на двуступенчатом основании. По планировке, размерам и декору похожий на Белый, внутри он был украшен росписью красной, оранжевой и черной красками по белому фону, изображавшей леопардов и быков (на боковых сте-

нах алтарной части) и людей в пестрых юбках (в вестибюле) [Lloyd, Safár, 1943, с. 137—145].

Храмы трехчастного плана обнаружены не только на юге, но и на севере Месопотамии. В частности, в Телль-Браке раскопан Храм Ока, или Священного Ока, названный так из-за многочисленных условных изображений глаз [Mallowan, 1947]. В качестве декоративных элементов здесь использованы глиняные конусы и каменные розетки, при помощи которых стены украшены сложным узором.

О том, каким образом использовались храмы, известно очень мало. Высказывались предположения, что существовали пары храмов, посвященных женским и мужским божествам [Parrot, 1953, с. 230—231], хотя и для позднейшего времени документальных подтверждений этого нет. Одновременное существование в пределах небольшой территории нескольких храмов как будто должно означать, что они посвящались нескольким божествам, быть может связанным узами родства. В более позднее, во всяком случае послеурукское, время наряду с храмами на вершинах зиккуратов, вероятно, существовали и «низкие» храмы, соорудившиеся почти на уровне земли, но тем не менее на цоколе или платформе [Goff, 1963, с. 73]. Различия их функций остаются неясными [Oppenheim, 1944, с. 54—55]. Безусловно, храмы считались местом встречи людей с божествами, которые должны были присутствовать в них в той или иной форме. Данных о создании в это время изображений божеств в антропоморфном облике нет, но скульптурные изображения адорантов известны; часто встречающееся утверждение, что маскообразная голова из Урука изображает Инанну, — не более чем предположение.

Целью культа было обслуживание всех потребностей божества, которые представляли подобными человеческим; одна из главных форм службы — сооружение его дома [Frankfort, 1958, с. 267]. На храмовом участке располагался не только сам храм, но и различные подсобные сооружения — хранилища, кухни, возможно, жилища жрецов и жриц. Судить о храмовом персонале не только этого, но и более позднего, шумерского времени трудно, потому что тексты содержат о нем мало сведений, за исключением тех, которые относятся к низшим членам, получавшим различные выдачи [Оппенгейм, 1980, с. 105—106]. Так же мало известно о механизме принесения жертв и распределении остатков жертвоприношений [Ewan, 1983, с. 187]. Вероятно, это результат глубокой традиционности ритуальных действий, уходящих в дописьменную древность, и устного способа передачи таких установлений.

Можно полагать, что, поскольку целью культа было всестороннее обслуживание божества, среди членов персонала помимо тех, кто обеспечивал его «материальные» потребности, были певцы и музыканты, участвовавшие в различных обрядах; изображения их известны на печатях и других вещах более позднего времени. По-видимому, в интересующее нас время в основном при храмах протекала деятельность «специалистов», удовлетворявших потребности всех членов сообщества, — предсказателей, игравших столь важную роль в более позднее время [Оппенгейм, 1980, с. 210 и сл.], заклинателей [там же, с. 105—

107], а также тех, кто наблюдал за небесными светилами, в частности для определения времени хозяйственных работ. Несомненно, храмы и храмовой персонал играли центральную роль в сезонных обрядах.

Очень важную роль играли обряды плодородия. Особенно велика в них была роль женщин. Можно думать, что в это время, как и позднее, «любая женщина, игравшая жреческую роль, была непременно связана с обрядами вызывания плодородия», а отношения между жрецами и жрицами и божествами были отношениями брака или конкубината [Дьяконов, 1990, с. 281].

* * *

Для понимания течения экономических и социальных процессов в Месопотамии второй половины IV, а может быть, и всего IV тысячелетия до н.э. ключевое значение имеет анализ генезиса храмовой организации. Отчетливо ее контуры начинают вырисовываться для исследователей в период Джемдет-Наср (период Протописьменный II, по И.М.Дьяконову), когда существование храмовых хозяйств удостоверяется не только изобразительными памятниками, содержание которых безусловно, но и становящимися более понятными письменными документами. И.М.Дьяконов пишет, что храмы владели обширными хозяйствами, выделенными общиной [ИДВ, 1983, с. 111], но многие стороны процесса их формирования, взаимоотношения храма и общины, место должностных лиц в храмовом хозяйстве этого периода остаются необъясненными: «Пока неясно, было ли хозяйство храма целиком обособлено от хозяйства общины, существовало ли оно за счет собственной рабочей силы или же обслуживалось всем населением вообще» [там же, с. 121]. В более ранних работах И.М.Дьяконов решительнее высказывался о соотношении храмовых земель и общины, вслед за А.И.Тюменевым считая, что храмовая земля первоначально — часть общинной и обрабатывалась общинниками [Дьяконов, 1957, с. 15].

Т.Якобсен полагал, что общинное и храмовое хозяйства были единым целым и что в последнем скапливались общие запасы, необходимые для существования всей общины [Jacobsen, 1963, с. 475].

Неясно, когда храмы заняли центральное положение [Дьяконов, 1959, с. 119] в организации экономической деятельности [City Invincible, 1960, с. 33]. Р.Мак Адамс предположил, что на появление у храмов такой центральной организующей функции может указывать формирование целых комплексов из собственно храмов и других сооружений, которое прослеживается в период Урук IV, по Х.Ленцену [Lenzen, 1941], но теперь известно, что они существовали и раньше. На центральное положение храмов указывает то, что до Раннединастического периода они были единственными монументальными сооружениями; сведения об оборонительных стенах и дворцах относятся к более позднему времени [City Invincible, 1960, с. 33].

В течение нескольких десятилетий в науке бытовало мнение, что храмовое хозяйство в Шумере было тождественно государственному, а государство было теократическим. Эта точка зрения основана на выво-

дах, сделанных А.Даймелем при изучении храмового архива времен Урукгаины и его предшественников [Deimel, 1931] (см. также [Falkenstein, 1954]). Однако широко принятыми в отечественной и зарубежной науке трудами И.М.Дьяконова было установлено, что соотношение храмовых хозяйств с хозяйствами общин на разных этапах истории было различным. Если в Раннединастический период храмовые земли были обособлены от общинных и частновладельческих (уже около 3000 г. до н.э. в документах из Джемдет-Насра упоминаются «поля жрецов» и «сады жрецов» в отличие от «сада общины» [Дьяконов, 1959, с. 93]), то в более раннее время (напомним, этот период длился несколько сотен лет, почти тысячелетие) положение было иным, хотя реконструировать это древнее состояние трудно. Даже при наличии письменных документов сложность заключается в том, что они представлены табличками из храмовых архивов, т.е. освещают лишь один из возможно существовавших «секторов» экономики.

К периоду Урук III—II, т.е. периоду Джемдет-Наср, или Протописьменному II, относятся документы о выдаче земельных наделов крупным должностным лицам: 1000 га — вождю-жрецу (звену) (ежегодный урожай — 12 000 ц), 500 га — верховной жрице, жрецу-прорицателю, торговому посреднику, главному судье, военачальнику (?) (урожай с их земель в совокупности — 980—1800 ц). И.М.Дьяконов допускает, что надел звена и был собственно храмовой территорией, но он не уверен, из каких — храмовых или общинных — земель выделялись остальные наделы [ИДВ, 1983, с. 127].

Вопрос об отношениях собственности на землю для понимания соотношения храмовых и общинных земель — один из ключевых. Документы этого периода не дают ясного ответа на него, а данные этнографии позволяют думать о принадлежности всей земли и воды «до конца первобытности» общине [там же, с. 130]. Трудность реконструкций в данном случае, как и во многих других, — следствие особого, переходного характера эпохи. Некоторые малопонятные тексты допускают возможность предположения о существовании земель больших семей, но не храмовых [там же], что весьма вероятно.

Основываясь на отсутствии упоминаний об особых храмовых землях в ранних документах, И.М.Дьяконов в работе 1959 г. предполагал, что часть земли, бывшей собственностью всей общины, обрабатывалась общими усилиями, а урожай с нее предназначался для общественных нужд и сосредоточивался в храмах [Дьяконов, 1959, с. 92]. Храмы обладали значительными запасами зерна. Поскольку документы о сельскохозяйственных работах и работниках практически отсутствуют, но упоминаются выдачи зерна и пива, И.М.Дьяконов делал вывод, что храмы в это время не имели своего персонала земледельцев.

Храмы, их администрация и хозяйство в этот период были центрами экономической и всякой другой жизни города и связанной с ним округи. Выборные члены храмовой администрации являлись одновременно и руководителями жизни всего общества.

С храмом, судя по упоминаниям в документах, связана деятельность многих ремесленников. Если в документах периода Урук они упомина-

ются относительно редко, то в период Джемдет-Наср встречаются упоминания пастухов, кузнецов, плотников, строителей, торговых агентов [ИДВ, 1983, с. 121, 126; Дьяконов, 1959, с. 92, 94]. Они были организованы в группы по профессиональному принципу, каждая имела старосту, а группа из трех человек — «голову» (санг) [ИДВ, 1983, с. 140].

Храм в это время играет роль организатора важнейших общественных работ, в первую очередь крупных — строительных, ирригационных. Он перераспределяет продукты труда. Необходимость перераспределения и обмена с соседями диктовалась неравномерностью размещения ресурсов и связанной с этим специализацией [City Invincible, 1960, с. 29]. Богатства храма — запасной фонд на случай войны и неурожая, фонд для жертвоприношений. Все общественные мероприятия сопровождались жертвенными трапезами, круг участников которых, по-видимому, был чрезвычайно широк. И.М.Дьяконов полагает даже, что мясную пищу общинники получали только во время таких жертвоприношений [ИДВ, 1983, с. 141].

То, что известно о храмовых хозяйствах Шумера III тыс. до н.э., определяет место храмов как центров обществ, построенных по территориальному принципу. В отличие от внехрамовых земель, «где характерной чертой общественного быта являются родственные отношения между членами первичных общинных землевладельческих ячеек — больших семей — и семейно-общинное владение землей» [Дьяконов, 1959, с. 68], на землях храма наделы отдельным людям раздавались за службу, а родственные связи во внимание не принимались. В архиве Шуруппака (XXVII—XXVI вв. до н.э.) упоминаются пришельцы, которым выделялось кормление, и они становились ремесленниками, рыбаками и членами храмовой администрации (lú-si) [там же, с. 99]. Хотя храм существует на землях общины или общин, он ведет себя как организация более высокого порядка, адаптирующая пришельцев. Впрочем, возможностями такой адаптации обладали и общины, и семьи.

С течением времени храмовое хозяйство, возможно, расширяет «сферу услуг», что отчасти связано с ростом его богатства. Однако некоторые из «услуг», известных по документам III тыс. до н.э., вероятно, следует относить к числу первичных, существовавших и на заре истории храмов. К ним скорее всего принадлежат выдачи работавшим на общину ремесленникам, продукты труда которых могли перераспределяться храмами; участникам народного собрания (эти акции сопровождались чем-то вроде совместных трапез или пиршеств); «гостям» общины — пришельцам. Вероятно, за счет храмов могли содержать ополчение, собиравшееся в случае необходимости, как позднее — дружины воинов [Дьяконов, 1959, с. 110]. По-видимому, общепользуемой, но наиболее выгодной для элиты была торговля избытками продуктов, накапливавшихся в храмах (от времени Урукагины дошли документы о выдаче наделов торговым агентам [там же, с. 105]). Храмы в значительной степени или полностью обеспечивали существование высококлассных ремесленников — строителей, скульпторов, корабельщиков; произведенное ими потреблялось в первую очередь элитой, но часть использовалась гораздо шире.

Храмы служили своего рода гарантами благополучия, они оказывали поддержку маломощным людям, младшим сыновьям, сиротам, пострадавшим от стихийных бедствий и т.д. [там же, с. 176]. По И.Гельбу, эти лица составляли часть храмового персонала [Gelb, 1972].

В храмовых документах (из Джемдет-Насра) упоминаются общинные старейшины (ab-me, ab-[b]a APIN), а также вожди-жрецы (en) [Дьяконов, 1959, с. 163]. Среди функционеров храма названы жрецы той или иной местности, храма, бога; старейшины, в ведении которых находились земледельческие работы и скот [там же, с. 92, 94]. Эти люди получали наделы земли. Получали их и люди, не принадлежащие к персоналу храма; так, надел полагался главе народного собрания ([un]kengal) [там же, с. 96].

Храмовое хозяйство являлось источником обеспечения общественных нужд. В частности, в одном из документов периода Джемдет-Наср говорится, что участком в 30 га был наделен человек, вероятно возвративший угнанных овец [там же, с. 95]. В документах более позднего времени из Шуруппака среди получателей храмовых наделов, ослов, зерна фигурируют различные ремесленники, пастухи, члены храмовой администрации, писцы, жрецы, правитель-энси [там же, с. 99]. «Хозяйство храмов в это время, — писал И.М.Дьяконов, — еще являлось органической частью хозяйства общины в целом» [там же, с. 163].

Таким образом, храмовая организация, храмовые хозяйства в своей генетической основе предстают как организм, обеспечивающий и гарантирующий существование территориальных объединений, сложившихся в специфических природных условиях и, насколько можно предполагать, на основе по крайней мере в прошлом (вспомним заключение Дж.Оутс о населении дубейдских поселений долины Диялы) этнически неоднородного населения. Природные условия при определенном вложении труда давали возможность получать излишки сельскохозяйственных продуктов, но не позволяли обеспечивать хозяйственную деятельность необходимым сырьем для изготовления орудий и т.д., а элиту — знаками ее особого положения.

Р.Мак Адамс предположил даже, что особенности экологии Нижней Месопотамии, вероятно, послужили причиной сосредоточения при храмах почти всего скота, этой удобной формы накопления богатства. В условиях Нижней Месопотамии, где возможности обеспечения скота пищей на естественных пастбищах были очень ограничены, содержание его могло обеспечиваться запасами зерна. Запасной зерновой фонд в храмах шел и на корм скоту (так, в храме Бау в Лагаше урожай ячменя с 80 га при Урукагине шел на корм 394 голов крупного рогатого скота и ослов [Adams, 1960, с. 29—30]).

Не исключено, что содержанием скота в основном при храмах и вызвана специфика потребления мяса в Месопотамии, которое, по предположению И.М.Дьяконова, шло в пищу главным образом во время религиозных празднеств. Источником животного белка могла быть и рыба, которая в условиях Месопотамии очень доступна.

Храмовые хозяйства, в особенности в их исходных формах, вероятно, содержали людей, необходимых для руководства общественными

работами, обороной, для отправления обрядов. В их числе были и осуществлявшие надзор за общим фондом для гарантированного существования даже самых слабых. Все делалось от имени богов, установивших именно такой порядок. Хозяйственная деятельность сочеталась и переплеталась с ритуальной, рациональное не отделялось от иррационального.

Рассматривая данные о деятельности храмов в IV—III тыс. до н.э., Р.Мак Адамс сделал вывод, что она очень напоминает модель перераспределения (редистрибуции), предложенную К.Поланьи. В частности, в текстах из лагашского храма Бау упоминаются столь большие поступления рыбы от рыболовов, что они могли служить пропитанием значительной части членов общины храма. Такие приношения можно рассматривать как форму ритуализованного обмена, нормы которого рассчитывали храмовые функционеры. Участники обмена вносили излишки своих продуктов, получали недостающее [Adams, 1966, с. 50]. И в значительно более позднее время, в период III династии Ура, по мнению И.М.Дьяконова, налоги имели форму жертвенных даров. Эти дары — *tu-túm* («взнос») — соответствовали *maš-da-rí-a* («постоянному козленку») и *gud-da-rí-a* («постоянному быку») раннединастического Лагаша, они были разнообразны, несмотря на название, и приносились как членами храмового персонала, так и другими жителями [Дьяконов, 1959, с. 264—265]. Сохранение столь архаичной формы налога весьма симптоматично и указывает на глубокую традиционность общества, в котором для новых явлений использовали старую оболочку.

Сказав все это, мы лишь в малой степени проясним конкретную ситуацию возникновения организма, занимавшего, по словам И.М.Дьяконова, ключевую экономическую, политическую и идеологическую позицию в «номе», — храма и храмового хозяйства [там же, с. 119]. Причины его возникновения в целом те же, которые определили возникновение номовых государств и городов. Храмовая организация, как специфическая форма регулирования деятельности общин, объединенных по территориальному признаку, обладает многочисленными чертами, свойственными архаичным, догосударственным формам. В ней завуалированы отношения неравенства, эксплуатации, которой подвергались производители материальных благ. Эта организация являет собой как будто результат соглашения разных социальных групп, поскольку она выгодна им всем или представляет, по крайней мере в тех условиях, наименьшее зло.

Исследования о самых первых этапах развития храмовых хозяйств на конкретных археологических материалах представляют большую редкость, что естественно, поскольку имеющиеся данные с этой точки зрения очень трудно интерпретировать. Одна из недавних работ — статья Дж.Маккаи [Makkaý, 1983].

По его мнению, главным в формировании храмового хозяйства был экономический фактор: община нуждалась в излишках, в том числе предназначенных для обмена. Таким излишкам была нужна сакральная защита, поэтому они концентрировались в храмах. Это положение не выдерживает критики, так как существование таких храмов автор

относит ко времени, когда они заведомо не существовали. — к неолиту (Умм-Дабагия) и энеолиту (хассуанская и самаррская культуры). Он полагает, что появившиеся святилища были не только сакральными постройками, но и центрами разнообразной общественной активности, поэтому около них или в них и концентрировались излишки. С этим трудно не согласиться. Однако маловероятно, что «сакральная организация» стала заниматься производством продуктов, в первую очередь зерна, для жертвоприношений. Вероятнее другое — излишки накапливались при святилищах наряду с прочим и для того, чтобы использоваться затем для коллективных жертвенных трапез. По-видимому, «сакральная организация» Дж.Маккаи не «достигла» контроля над избытками, хранившимися в общинных складах, а обладала этим контролем изначально, она и формировалась как организация, наряду с другими функциями контролирующая излишки.

Неубедительны попытки автора обнаружить хранилища при предполагаемых неолитических и энеолитических святилищах. Не говоря о том, что такое определение построек бездоказательно, помещения, которые обладают признаками хранилищ, находятся не около них и, как правило, могут считаться принадлежащими отдельным домохозяйствам.

В связи с рассмотрением генезиса храмовой организации в Месопотамии представляют интерес исследования деятельности традиционных грузинских святилищ [Бардавелидзе, 1949]. Святилища были центрами племенных подразделений, носивших имя святилища. Эти подразделения строились отчасти по родовому, отчасти по территориальному принципу. В святилище были пожизненные и временные служители — прорицатель, старейшина, старший священнослужитель, жрец, знаменосец, пивовар, хранитель казны, пастух, экономы трех степеней и их помощник, «стряпчий», много «учетчиков», «домохозяйка» («мать дома») и др. Функции их были не только религиозными: они действовали от имени божества-покровителя в интересах всего общества.

Имущество святилищ состояло из культовых и хозяйственных сооружений, реликвий, хозяйственного инвентаря, скота. Земельные владения представляли часть общинных, и в них входили священная площадь, лес, посевы хмеля, пашня, пастбища, покосы, виноградники. Земли эти были разного происхождения: наряду с коренными здесь были и захваченные, пожертвованные, выморочные и т.д. Часть земли раздавали тем, кто работал на святилище (пастуху, кузнецу), или членам племенного подразделения на определенных условиях. Некоторые участки обрабатывали коллективно (подворно), и зерно предназначалось святилищу. Наконец, часть земли давали людям из других родов, которые платили за это натурой. Припасы для празднеств получали с храмовых земель.

В.В.Бардавелидзе рассматривала хевсурскую общину как сходную с древневосточной, в частности с шумерской [Бардавелидзе, 1952а; 1952б]. Такое сравнение подчеркивает архаичность шумерского «нома», его связь с общинными институтами. Хевсурская община территориально меньше «нома» и структурно проще, но между ними и много общего. Это организации, в которых обособилась функция управления, но в

Нижней Месопотамии интересующего нас времени принуждение еще осуществляется через общиноподобные институты. Глава хевсурской общины был главным священнослужителем святилища и обладал большой властью, как хозяйственной, так и сакральной. Такое же сочетание функций, по всей вероятности, было и у вождя-жреца «нома».

ОРГАНИЗАЦИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ, ФОРМЫ УЧЕТА И КОНТРОЛЯ

Итак, храмовые хозяйства, какова бы ни была их форма в эпоху Урук—Джемдет-Наср, осуществляли ряд важнейших общественных функций. С этими хозяйствами были связаны ремесленники, работавшие как для удовлетворения потребностей своего «нома», так и для обмена. Храмовая администрация руководила общественными работами. В храмах накапливался резервный фонд. Однако формы организации перераспределения продуктов, способы учета и контроля остаются не вполне ясными, хотя в настоящее время исследования в этой области продвинулись вперед. Одна из групп вещей, позволяющая, по некоторым предположениям, судить о формах распределения, — так называемые сосуды со скошенным венчиком (*bevelled-rim bowls*). Это чаши усеченно-конической формы, размеры которых в среднем такие: высота — около 10 см, диаметр венчика — 18, диаметр дна — около 9 см. Они изготовлены из глины с большими примесями, слабо обожжены и имеют грубую наружную поверхность, в то время как внутренняя заглажена более тщательно, по-видимому мокрыми руками. Венчик их всегда срезан острым орудием. Есть предположения, что эти грубейшие во всем керамическом комплексе сосуды выдавливали в ямках, сделанных в земле, но согласно другим исследованиям, их лепили руками [Millard, 1988, с. 50].

Эти сосуды появляются в Уруке XII, но пик их распространения приходится на Поздний Урук, с окончанием которого они почти исчезают. На позднем этапе и в период Джемдет-Наср распространяются другие чаши, похожие на эти, но более высокие. Они получили наименование «цветочных горшков» (*flower pots, Blumentopf, pot de fleurs*). Предполагают, что они имели то же назначение, что и чаши со скошенным венчиком. Сосуды усеченно-конической формы распространены в течение всего III тысячелетия до н.э. [там же, с. 54].

По поводу назначения чаш высказывались разные предположения [Le Brun, 1980; Millard, 1988, и др.]; одно из наиболее распространенных: они служили для измерения рациона. Придерживающийся этой точки зрения Г.А.Джонсон выделил сосуды трех размеров (0,922, 0,647 и 0,465 л) и предположил, что ими отмерялась ежедневная норма ячменя, выдававшаяся соответственно мужчинам, женщинам и детям [Johnson, 1973, с. 129 и сл.]. По мнению П.Амье, чаши не были столь стандартны, а отмеряемые ими порции были бы слишком малы. Он считает, что жестко определенных нарядов на работы и рационов работникам в обществе того времени еще не существовало, а сосуды такой

формы широко распространены потому, что они крайне просты в изготовлении (по его мнению, их выдавливали из глиняной лепешки в земле и обжигали в простых печах) [Amiet, 19866, с. 53].

На значительные различия в размерах сосудов указывает и Т.Бил [Beale, 1978, с. 37], полагающий, что они предназначались для жертвоприношений и изготавливались в домашних условиях по мере необходимости. Есть мнение, что чаши использовали для больших пиршеств, устраивавшихся урукской знатю, затем их просто выбрасывали. Согласно другому предположению, в чашах готовили йогурт, что представляется другим исследователям сомнительным из-за пористости глины [Millard, 1988, с. 51].

Недавно было предложено новое истолкование назначения чаш со скошенным венчиком — это формы для выпечки квасного хлеба, в которых тесто сначала доходило, так как было полужидким. Во всяком случае, в Египте сосуды подобных форм использовались именно для этого. Размер хлеба — как две современные булочки — достаточен для трапезы одного человека [там же].

Таким образом, сосуды рассмотренной формы не могут безусловно считаться предназначавшимися для измерения рациона, централизованно выдаваемого за исполнение тех или иных работ, но существование этой известной и в более позднее время практики в интересующую нас эпоху фиксируется письменными свидетельствами.

Серединой или последней четвертью IV тыс. до н.э. датируют широкое распространение особого способа запечатывания дверей [Ferioli, Fiandra, 1979; Fiandra, 1981; Fiandra, Ferioli, 1984]. Дверь в части, противоположной оси, имела шнурок, петля которого накидывалась на торчащий в стене колышек рядом с местом примыкания двери. Колышек облепляли глиной и прикладывали к нему печать. Открыть такой «запор» мог любой, но возобновить — только владелец печати. В Хузистане эта система учета существовала в Раннем, Среднем и Позднем Уруке наряду с более сложной [Amiet, 1966]. К началу эпохи Джемдет-Наср она стала преобладающей в Месопотамии и Хузистане, сочетаясь с использованием табличек с письменными и цифровыми обозначениями. В слоях поселения Хафт-Тепе среднезламского времени было найдено несколько глиняных комков с отпечатками колышков и дверных ручек и оттисками печатей. Глиняные глазурованные дверные ручки найдены в среднезламском слое Тали-Мальяна, подобные им каменные — в Хафт-Тепе [Ferioli, Fiandra, 1979, с. 310—311].

Изъятие продуктов из запечатанного хранилища осуществлялось владельцем печати, который затем снова его опечатывал. Среднеассирийские источники из Ашшура повествуют о такой процедуре: владелец дает письменное указание для изъятия чего-либо из хранилища; это делает его агент, один из служащих хранилища, обладавший печатью [Alizadeh, 1988, с. 26—27].

В настоящее время развитие системы учета лучше, чем в Месопотамии, прослеживается в Сузиане, где уже в эпоху Среднего Урука есть признаки того, что можно назвать счетоводством [Amiet, 19866, с. 78]. В слое Акрополь 18 появляются шаровидные комки глины, так называемые

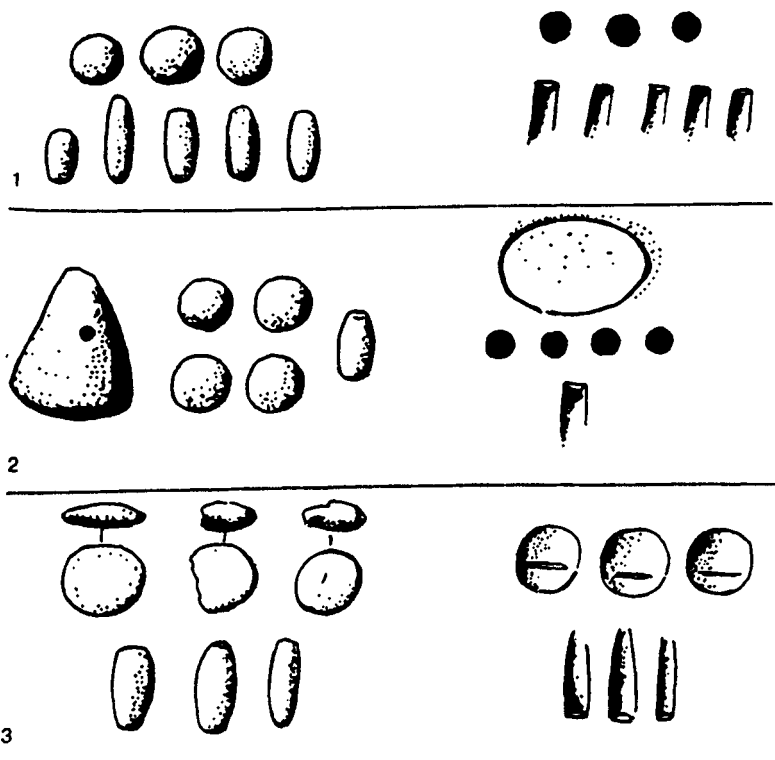

Рис. 13. «Калькули» и соответствующие им оттиски на поверхности «булл» из Суз

мые псевдобуллы, с оттисками печатей и цифровыми обозначениями; внутри находились маленькие предметы конической, округлой и других форм — счетные фишки, или калькули, назначение которых вызвало целую дискуссию (основные моменты дискуссии см. в Экскурсе 4). Помимо этого печати накладывали на комки глины, которыми запечатывали горловины сосудов, тюки и другие вместилища. Все это безусловно указывает на существование хранилищ, перераспределение продуктов, обмен.

Интересные сведения обо всем этом были получены при исследовании мусорной ямы на небольшом сельском центре Шарафабад, расположенном на полпути между Сузами и Чога-Мишем. На поверхности этого урукского поселения обнаружены глиняные конусы — свидетельство существования здесь административной постройки [Wright, Redding, Pollock, 1980]. Тщательное исследование отложений позволило определить даже сезон, когда они возникли, и таким образом выявить время совершения некоторых действий, в частности связанных с операциями в хранилищах. Счетные фишки и буллообразные комки находят в

отложениях поздней зимы и лета, т.е. времени сбора урожая: зерно, как полагают исследователи, увозили из селения. Запечатанные хранилища открывали в середине или конце зимы, когда происходило его распределение, потому что кончались домашние запасы. Тюки и кувшины распечатывали на протяжении всего года, но, кажется, особенно в конце зимы, в праздник первых плодов, и зависимые люди получали дары от своих «патронов».

Документы административной деятельности представлены счетными фишками (калькулями) сферической, конической, цилиндрической формы, печатями и их оттисками на чашевидных комках глины, на печатках ящиков и дверей, тюков и корзин из циновки и тканей, кувшинов. Найдена одна печать и оттиски 12 цилиндрических печатей и штампов. Прослежено, что в большинстве случаев двери и вместилища запечатывали один или несколько человек; в последнем случае печати были похожими. Некоторые вместилища запечатывались разными штампами, а одно вместилище и по крайней мере одна дверь — разными цилиндрическими печатями. Кувшины опечатаны только цилиндрическими печатями с изображениями, не зафиксированными на печатках тюков и запорах дверей. Пока не представляется возможным судить о том, принадлежали ли печати местным жителям и могли ли ими пользоваться люди, не бывшие их владельцами.

Цилиндрические печати в Месопотамии, как известно по раскопкам Урука, начинают делать в пору Позднего Урука (слои VI—IV); таким образом, они почти одновременны появлению письменности. В Уруке было обнаружено более 2000 оттисков, из которых опубликовано только около 250 [Nissen, 19866, с. 329]. Изображения на них крупные, тщательно вырезанные, «натуралистичные». Эти печати бытовали и в период Джемдет-Наср (Урук III), когда распространяются более схематичные изображения, а также геометрические мотивы [там же, с. 327]. Печати джемдет-насрского типа известны и в слоях более раннего времени (Ниппур, храм Инанны), что позволило Э.Пораде сделать вывод об их существовании и до периода Джемдет-Наср [Porada, 19656, с. 155]. И в Хабуба-Кабире они найдены в безусловном позднеурукском контексте. Поскольку здесь еще нет табличек с пиктографическими знаками, датированных Уруком IVa, появление печатей джемдет-насрского стиля предположительно относят ко времени Урук IVb или более раннему [Nissen, 19866, с. 328].

Весьма интересное исследование об использовании печатей и формах административного контроля принадлежит Р.Диттману, который обратился к многочисленным и хорошо документированным материалам из недавних раскопок на Акрополе Суз [Dittmann, 1986]. Цилиндрические печати появляются здесь в 20-м или даже 21-м слое, в период Среднего Урука. В более поздних слоях, 19—18, Позднего Урука А, помимо печатей встречаются и другие учетные документы: крупные таблички с цифровыми знаками и с оттисками печатей (по одному оттиску на каждой), сферические «буллы» со счетными фишками внутри и с цифровыми знаками или без них и с оттисками печатей (см. [Amiet, 19866, с. 77 и сл.]).

Эти документы — основание для того, чтобы предполагать существование административной власти и/или института, который оформлял и сохранял документы, гарантировавшие правильность отпуска и какие-либо другие операции с продуктами или вещами. До появления письменности использовали только цифровые обозначения, а характер учтенных вещей или продуктов определялся знаками рисуночного или мнемонического свойства. Р.Диттман усматривает в применении печатей три аспекта: выражение власти административного органа и/или его представителя; выражение операции, при которой осуществлялся контроль; свидетельство процесса контроля [Dittmann, 1986, с. 332].

Каким же образом сферические «буллы» передавали информацию? Они представляли собой конверты, на которые могли наносить цифровые знаки и один или более оттисков разных печатей. Как установлено, содержимым этих конвертов были счетные фишки-калькули, число и формы которых совпадали с цифровыми обозначениями на поверхности («буллы», не имеющие соответствующих калькулям обозначений на поверхности, являются редкостью). Таким образом, как полагает Р.Диттман, сферические «буллы» несут информацию двух видов, заключенную в оттиске печати, а также в счетных фишках и цифровых обозначениях. (Аналогично на табличках Позднего Урука имелись цифры и оттиск печати.) В то же время эти сведения не содержат информации об объектах и процессах, в которых фигурировали «буллы». Автор полагает, что такая информация была не нужна в том случае, если «буллы» сопровождали определенные «товары», а цифры были призваны гарантировать их сохранность. Но если эти «буллы» перемещались отдельно от вещей и если их сохраняли, то каким образом из них могла «вычитываться» информация о «контракте» теми, кто в ней был заинтересован? Р.Диттман предположил, что при использовании табличек эта третья информация вытекала из двух первых: оттиск печати указывал и на отправителя, и на характер отправляемых объектов, о количестве которых информировали цифровые обозначения. Однако на «буллах» бывало и более одного отпечатка разных печатей. Такие случаи он предложил рассматривать как свидетельства «контракта» между отправителем и получателем или как указание на участие в процедуре администраторов разных иерархических уровней, в чем он следует за А.Ле Брюном и Ф.Валла [Le Brun, Vallat, 1978]. О разной иерархической принадлежности владельцев печатей с разными изображениями писал и Х.Ниссен, предполагавший, что она была более высокой у тех, кто имел печати с «натуралистическими», и низкой у владельцев печатей со схематическими и геометрическими изображениями [Nissen, 1977]. Однако в Сузах этого времени (Позднего Урука А) схематических печатей нет. Кроме того, существует мнение, что один человек мог обладать несколькими печатями [Dittmann, 1986, с. 336].

Судя по имеющимся данным, оттиски печатей происходят из жилых комплексов на периферии Акрополя Суз, т.е. с окраины той части, где находились общественные здания и могли располагаться хранилища [там же, с. 343].

Р.Диттманом было учтено около 40 документов Позднего Урука А, несущих оттиски нескольких печатей. Он произвел анализ сюжетов изображений на них и их сочетаемости, исходя из того, что сюжеты изображений находились в соответствии с функциями администратора, владевшего печатью, и его местом в иерархии (при этом многие мотивы символического характера не позволяют пока судить ни о том ни о другом). В результате было выделено три группы изображений (А, В, С), первая из которых предположительно принадлежала функционерам высокого ранга, вторая — более низкого, а положение третьей осталось неясным. Перечисление мотивов даст представление и о репертуаре изображений на печатях Суз этого времени в целом.

В группу А объединены изображения, большая часть которых встречается в разных сочетаниях на сферических «буллах». На первом месте стоит оттиск с изображением царя-жреца; он встречен лишь однажды и не сопровождается другими. В различных сочетаниях обнаружены следующие изображения, отнесенные к этой группе: 2—2а) постройка, по-видимому складская, около которой могут изображаться работающие люди, но их может и не быть; 3) «хозяин животных»; 4) сражение двух животных и двух людей перед хранилищем; 5) фриз штандартов с дополнительными геометрическими мотивами; 6) процессия воинов; 7) процессия пленников.

В группу В объединены следующие изображения: 1) хозяйственно-ремесленные сцены; 2) скорпион (печать-штамп); 3) фриз из фигур диких животных; 4) пастьба скота; 5) фриз из фигур диких животных, стоящих на задних ногах; 6) перевитые змеи; 7) изображения животных, выполненные в высоком рельефе; 8) сидящие люди и фриз из фигур собак; 9) люди с какими-то предметами (высокий рельеф).

В группу С объединены оттиски, встречающиеся, в отличие от перечисленных выше, лишь по одному: 1) птицы в геральдической позе; 2) процессия людей; 3) животные, ведущие себя подобно людям; 4) музыканты (?); 5) лежащие предметы.

На основании анализа этих изображений выделено три (предполагается и четвертый) уровня административной иерархии (А.4 и А.2 — высокий, А.2 — средний и В.1 — низкий; возможно, существовал еще и самый низкий — В.4). Лица среднего и низкого рангов осуществляли деятельность в храмово-дворцовом комплексе, хранилищах, ремесленных подразделениях, подразделениях пастушеских, охотничьих, возможно, транспортных, армейских, сельскохозяйственных (деятельность в транспортных подразделениях осуществлялась только лицами низкого ранга). Обособленное положение занимало лицо самого высокого ранга.

Между различными подразделениями выявляются связи, о которых свидетельствует встречаемость оттисков печатей представителей администрации различных подразделений [там же, с. 342]. Храмово-дворцовое подразделение оказывается связанным с охотничьим и ремесленным, хранилища — с пастушеским и земледельческим (?), ремесленное — с транспортным, охотничьим и пастушеским, армейское — с пастушеским. Определить связи лица высокого статуса на основании этих сведений оказалось невозможным.

Разумеется, реконструируемая картина является схематичной, она опирается на одну группу памятников, которые сложно интерпретировать, а проверить на других материалах ее пока невозможно. Тем не менее эта работа представляется перспективной, так как открывает новые возможности анализа богатейшего материала — глиптики, — который будет увеличиваться в ходе новых раскопок. О неустойчивости системы контроля можно судить по тому, что в начале фазы Поздний Урук В «буллы» исчезают, облик табличек меняется, появляются цилиндры с геометрическими изображениями. Перемены в социальной жизни этого времени свидетельствуют о том, что вокруг Суз система поселений распадается.

В Позднем Уруке А информация о циркулировавших вещах передавалась посредством цифровых знаков и оттисков печатей с изображениями «натуралистического» характера, указывающими на участников операций. Позже, в период В (синхронный Уруку IV), появляются отдельные пиктографические знаки протоэламского письма (слой 16 раскопа Акрополь I); одновременно изображения на печатях становятся более абстрактными и менее повествовательными. В Сузах потребность в собственной письменности возникла только в период Протоэламский I, позднее, чем она появилась в Нижней Месопотамии, почему протошумерская письменность и не была, по предположению Р.Диттмана, заимствована. Одновременно с введением письменности в Хузистане меняется и облик печатей. В них уменьшается значение сюжета, изображения становятся более условными. Он полагает, что «реалистичность» изображений позднеурукской глиптики связана с необходимостью передавать информацию о продуктах и административных подразделениях, участвовавших в операциях; «реалистичность» перестала быть необходимой с развитием письма, посредством которого начала передаваться такая информация. Обозначения участников стали в этих условиях символическими.

Таким образом, изменения, происшедшие в глиптике, связаны не с переменами в идеологии, а с появлением нового информационного средства [там же, с. 348]. И эта гипотеза представляет интерес, поскольку печати развивались не изолированно от других явлений, а в связи с ними и изменения их облика должны были коррелировать с переменами в системе передачи информации в сфере административного контроля.

* * *

Наконец, возникает письменность. Значение ее изобретения в исторической перспективе невозможно переоценить; этот факт свидетельствует о глубоких переменах, происшедших в жизни общества.

Первые таблички [Falkenstein, 1936] появляются, как пока известно, в период Урук IVa; они зафиксированы в районе Красного храма в Уруке. Архажические таблички происходят из IV и III слоев. В настоящее время в Месопотамии их известно более 4500, большинство (около 3900) обнаружено в Уруке, 393 — в Уре, 4 — в Телль-Укайре, около 240 — в Джем-

дет-Насре, 3 — в поселениях долины Диялы. Исследование их изменений затруднено тем, что многие найдены в переотложенном состоянии, и только в Уруке они зафиксированы на протяжении почти всего интересующего нас периода, т.е. около 500 лет [Nissen, 1986б, с. 316—318]. Число опубликованных текстов значительно уступает числу найденных [Вайман, 1974, с. 138].

Дешифровка древнейших текстов, язык которых теперь безусловно рассматривается как шумерский, связана со множеством трудностей. Одна из них — следствие сложности отождествления знаков протошумерской письменности со знаками развитой клинописи. Согласно расчетам А.А.Ваймана, только около 30% знаков ранней эпохи (Урук IV) и около 50% знаков более поздней (Урук III) могут обнаруживать такие соответствия [Вайман, 1976, с. 585].

По мнению А.Фалькенштейна, письмо было не идеографическим, понятийным, к чему склоняется А.А.Вайман, а словесным (логографическим). А.А.Вайман полагает, что «протокинопись является идеографической системой письма, в которой каждый знак (почти всегда схематический рисунок) выражает понятие, которому в устной речи соответствует слово» [там же, с. 579]. Напротив, по мнению А.Фалькенштейна, слово передавалось одним знаком или группой знаков, а это вызывало ограничение возможности передачи содержания и недостаточную однозначность знаков. В то же время они содержали элементы понятийности — форма знака соответствовала изображаемому им предмету (слово «плуг» передавалось рисунком плуга), но одним знаком могли передаваться близкие по смыслу понятия (например, знак плуга мог передавать понятие «пахарь») [Фалькенштейн, 1976, с. 573].

Первоначально число знаков было значительным: по А.Фалькенштейну, около 2000, но А.А.Вайман считает, что их было вдвое меньше [Вайман, 1976, с. 580]. Затем число их на протяжении III тыс. до н.э. сокращается, в частности из-за нарастания расхождений между внешней формой знаков и передававшихся ими понятий; одинаково звучащие слова начинают записываться одним знаком. Письмо все более приобретает характер слогового, возникает возможность передавать грамматические форманты, что начали делать около середины III тыс. до н.э. [Фалькенштейн, 1976, с. 574]. Тем не менее и тогда шумерское письмо несло признаки архаизма, оно было приспособлено для передачи относительно простых и однотипных текстов: «Шумерское письмо было и осталось в основе письмом мнемоническим, опиравшимся на идеографические знаки, каждый из которых выражал любое слово в пределах целой ассоциативно связанной группы понятий, в любой грамматической форме. В ранний период выбор формы слова и самого слова происходил в зависимости от контекста и был ограничен однообразием содержания текстов (учетные хозяйственные документы, учебные перечни слов, сгруппированных по содержанию; лишь с Раннединастического периода появляются литературные тексты определенных жанров и надписи)» (примеч. И.М.Дьяконова к [Фалькенштейн, 1976, с. 575]). Для понимания содержания к знаку, как подчеркивает И.М.Дьяконов, скорее идеографическому, чем логографическому, спереди и сзади стали при-

писывать знаки, по принципу ребуса передававшие чистые звучания и указывавшие на подлежащие произношению грамматические форманты [там же].

Уже одному из первых исследователей древнейшего шумерского письма было ясно, что причина его возникновения — «создание мнемонических знаков для памяти, чтобы с их помощью все нарастающий объем хозяйственных дел стал обозримым и мог бы регулироваться» [там же, с. 567]. В документах упоминаются натуральные выдачи, учитывается скот, регистрируются земельные участки. В то же время примечательно, что в них почти нет упоминаний земледельческих работ и работников этой сферы [Дьяконов, 1959, с. 91].

Совершенствование системы письма в период Джемдет-Наср, как можно полагать, связано с возрастанием сложности административных процессов, на что указывает, в частности, изменение структуры поселений в районе Урука: их число уменьшается, а оставшиеся увеличиваются в размерах [Dittmann, 1986, с. 347]. Во всей ранней истории шумерской письменности роль храмов была весьма велика. Вероятно, она возникла в связи с потребностями столь важного в жизни общества храмового хозяйства и с усложнением его совершенствовалась. Обучение грамоте происходило в пределах храмов.

СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Одним из основных источников для реконструкции структуры низовых ячеек, построенных по принципу родства, являются документы несколько более позднего, чем Протописьменный, периода. Это записи о купле-продаже земли Раннединастического периода; древнейшие из них относятся к XXVIII в. до н.э. (из Лагаша) и к XXVII—XXVI вв. до н.э. (из Шуруппака) [Дьяконов, 1959, с. 46]. При совершении сделок лица, участвовавшие в них, получали «приплату» и подарки. Эти люди — представители общины, владелицы земли, называемой «дом» (é), в которой они занимали неравное положение: при продаже земли они получали подарки разной ценности. Число участников операций позволяет предполагать, что «дом» — это большесемейная община, т.е. коллектив, связанный по мужской линии общностью хозяйственной жизни и землевладения [там же, с. 66]. Такого же мнения придерживаются и другие исследователи, в частности И.Гельб, напоминающий, что к «домам» принадлежали и группы «специалистов» — прях, кузнецов, плотников, работавших при храмах и дворцах [Gelb, 1979, с. 8].

Из упомянутых документов как будто следует, что земля воспринималась как принадлежащая отдельным домохозяйствам. Однако известны документы, по которым права на землю принадлежат коллективам большего размера. Таков обелиск Маништусу (XXII в. до н.э.). (И.М.Дьяконов подчеркивает, что шумерские имена в этом относительно позднем тексте носят те, кого он называет основателями больших семей. Это замечание делается для того, чтобы отвести возможные возражения о нешумерском характере такой структуры [Дьяконов, 1959,

с. 70].) Текст сделки позволяет заключить, что в качестве продавцов поля выступают не только представители «домов», но и их объединений, возводимых к общему предку. При этом перечисляемые главы занимают неравное положение: «хозяева», среди которых выделяется первый (старший), получают подарки, а «братья хозяев» их не получают. Для иллюстрации приведем изложение только одного пассажи этого документа, в котором говорится о продаже поля площадью 825 га: «Подарки получают „26 мужей, хозяев поля, пользующихся серебром“. Старейший из них, являющийся потомком Икилума, правителя (ensi) города Марада, получает колесницу с соответствующими принадлежностями, четверку ослов, серебряное кольцо в 20 сиклей, одежду и бронзовый топор. Прочие получают обычные „подарки“ в виде тканей. Все 26 „хозяев“ принадлежат к девяти или более фамилиям, ведущим свое происхождение от Пузур-Ушгала, правителя Марада, отца... Икилума, — очевидно, представителя старшей линии» [там же, с. 73].

На эти группы обратил внимание Т.Якобсен, увидевший их в объединениях, именуемых *im-gu-a* и упоминаемых, в частности, в Цилиндре Гудеа (Cyl. A, XIV) ([Jacobsen, 1957, примеч. 63], см. также [Jacobsen, 1970, с. 383]). Считают, что эти группы, среди которых были и объединения «профессионалов», представляют собой кланы или линиджи. Их члены, вероятно, были неравны в социальном и материальном отношении, что определялось степенью близости к старшей линии: признак, характерный для известных этнографам конических кланов [Adams, 1966, с. 85, 88, 94]. Члены этих объединений, полагают, выступали во время общественных работ под своими эмблемами, а во время войны представляли отряды ополченцев. И.Гельб пишет, что в одном из текстов из Фары (Шуруппака; TSS 245) упоминаются 539 членов семи *im-gu*, в среднем — в одной группе 77 членов. Эти «кланы» обладали некими эмблемами (*šu-nig*), которые, как предполагают, могли иметь вид животных. На сакральный характер этих эмблем указывает то, что в надписях перед *šu-nig* иногда ставился детерминатив божества [Gelb, 1979, с. 94].

По мнению И.М.Дьяконова, эта древняя традиционная структура к концу III тыс. до н.э. оставалась в основном в верхнем слое общества, поскольку «именно сохранение... общинных порядков и родовых связей и было причиной могущества родовой знати, столь отличной от более поздней служилой, царской знати» [Дьяконов, 1959, с. 82].

По всей вероятности, в организации общин, в первую очередь городских, но, возможно, и сельских, сочетались принципы родства и соседства. Согласно Н.А.Бутинову, общины Двуречья были большесемейно-соседско-родовыми, или гетерогенными, т.е. их члены имели разное происхождение [Бутинов, 1967, с. 177 и сл.]. И позднее, в вавилонское время, представители профессиональных объединений, подобных, как считает А.Л.Оппенгейм, гильдиям, селились кучно в определенных кварталах [Оппенгейм, 1980, с. 78—80].

Из домохозяйств и их кланоподобных групп, обитавших как в городе, так и в окрестных более мелких поселениях и деревнях, складывалась «номовая» община [Дьяконов, 1957, с. 14]. Примечателен состав «му-

жей, едящих хлеб в месте собрания», согласно документам архива Шуруппака (напомним, это XXVII—XXVI вв. до н.э.). Таких «мужей» всего 1612; среди них собственно «мужи» (guruš) — их 1522, «сыновья мужей» (dumu-dumu-guruš) — их 49, 41 раб (erè) и 47 «людей, ожидающих (приказания)» (lú-ĝìr-gub) [Дьяконов, 1959, с. 111]. Вероятно, и в интересующее нас более раннее время в состав общин входили не только принадлежавшие к ним по родству, но и чужаки, патриархальные рабы и адаптированные пришельцы. Существование таких зависимых людей, «клиентов», зафиксировано в документах середины III тыс. до н.э. Они получали храмовые наделы через «начальников» и назывались «люди такого-то»; связи их с «начальниками» были наследственными. Среди «клиентов» фигурируют дети «начальников», рабыни, слуги, ремесленники. По происхождению они были из сирот, членов семей, оставшихся без кормильца, из усыновленных, чужаков, освобожденных из плена, разорившихся и лишившихся надела, маломощных младших родичей [там же, 1959, с. 112—116].

Данные III тыс. до н.э. лишь с известной осторожностью могут служить для реконструкции более раннего и, по-видимому, менее развитого общества. Однако не следует и преувеличивать степень оторванности общества Раннединастического периода, особенно на раннем этапе, от предшествующего ему. Оно оставалось, по всей видимости, достаточно консервативным, а новые явления в его жизни обряжались в старые одежды. Так, при купле-продаже земли участниками выступали люди, явно обладавшие неодинаковыми правами на нее. Такое облечение новых по сути явлений общественной жизни в старые формы и позволяет разглядеть в обществе шумерских, аккадских, вавилонских горожан и поселян общественную организацию их далеких предков.

Наиболее подвижной, готовой к нетрадиционным действиям была группа одиноких мужчин (nitaġ-saġ-aš), а не тех, кто имел дом (é-tuku) или имел мать (ama-tuku). Именно из них состояла дружина Гильгамеша, выступившего против Хувавы [там же, 1959, с. 176, примеч. 102]. Не исключено, что эти свободные от других обязанностей люди были участниками торговых экспедиций и переселенцами в отдаленные «колонии».

Существование рабов, использовавшихся, насколько можно судить по документам, в храмовых хозяйствах, но, очевидно, не только в них, свидетельствует о военных действиях. Рабы обозначались в письменности знаками «мужчина», «женщина» (NITAĠ, SAL) и знаком «гора», «чужеземная страна» (KUR). Согласно А.А.Вайману, в документах урукского времени (24 экземпляра) было учтено около 30 рабов и 27 рабынь, в более поздних (пять экземпляров) — 602 раба и 300 рабынь [Вайман, 1974].

Еще в 40—50-е годы нашего века Т.Якобсену удалось реконструировать формы власти и механизм ее реализации в период, предшествовавший Раннединастическому ([Jacobsen, 1943; 1957]; см. также [Jacobsen, 1970]). Он исходил из того, что сведения об архаических институтах сохранились в мифологических текстах. Организацию власти он назвал «примитивной демократией». Все вопросы решались на собраниях тех, чьи интересы они затрагивали, — членов домохозяйств, селений, горо-

дов. В случае особых обстоятельств собирали «генеральную ассамблею горожан» (upken). На ней избирали лидера мирного времени — en, а в случае военной опасности — военного лидера — lugal. Лидеры избирались на определенный срок или на срок, достаточный для разрешения возникших трудностей. Поводом для собрания могли служить наказания преступников смертью или изгнанием. Для избрания лидера «Лиги» городов их представители собирались в Ниппуре.

Говоря о собраниях, Т.Якобсен понимает под ними собрания двух видов: всех членов общины либо их представителей, старейшин. Можно думать, что в древности собрания членов общины города либо всего «нома» функционировали регулярно или часто. Сведения о собраниях сохранились, в частности, от времени Уракагины, который был избран, «взяв рукой бога из 36 000 человек»; в данном случае речь может идти об избрании собранием всех свободных мужчин государства или советом старейшин [Дьяконов, 1959, с. 136—137]. Кажется более вероятным, что такого рода акции осуществляли не все жители «нома», а их представители. Т.Якобсен, основывая свои выкладки на численности ассамблеи богов, какой она рисуется в тексте «Энума элиш», предполагает, что в собрании Лиги Кенгир для решения важных вопросов могли быть группы авторитетных лидеров из 7 и 50 человек.

Непрочность положения выборных лидеров заставляет думать, что в эпоху Урук—Джемдет-Наср большую роль в управлении играл «коллективный орган» — совет «старцев города», члены которого осуществляли различные и многочисленные функции. Наряду с жрецами храма они управляли храмовым хозяйством [Дьяконов, 1957, с. 19, 24], в это время еще теснейшим образом связанным с общиной «нома». По предположению И.М.Дьяконова, члены совета могли быть выборными или наследственными и происходили из определенных семей [Дьяконов, 1959, с. 132]. Вероятно, эти семьи и/или кланы были элитарными. Совет возглавляло выборное, по-видимому на один год, лицо; традиция избрания на такой срок в рудиментарной форме сохранилась и в позднейшее время: например, вавилонский царь должен был ежегодно во время новогоднего праздника «обновлять» свою власть.

Любопытно, что глава совета иногда назывался «главой колышка» (шум. ki-maḥ-ad-gi₄-gi₄, акк. gabi zikkatum). В связи с этим И.М.Дьяконов отмечает, что колышки предназначались для крепления цинковки к стене, но применялись они и для разметки полей [там же, с. 133]. По способу использования этого колышка можно отчасти судить о функциях председателя: он размечал участки земли. Не исключено, что он был ответствен за общественное хранилище, так как колышек служил и для запираения и опечатывания дверей.

В начале II тыс. до н.э. глава совета имел разнообразные функции: он управлял землями общины, поддерживал общественный порядок, осуществлял суд, распорядился различными выплатами лицам, работавшим на общину (пастухам и т.п.), как предполагается, руководил торговой деятельностью от имени общины [там же, с. 131]. В эту пору он действовал в рамках дифференцированного управленческого аппарата, который осуществлял лишь часть властных функций, поскольку су-

ществовала царская власть; определенные властные функции имели храмы. Но о времени, интересующем нас, можно высказать предположение, что именно глава совета был тем общественным лидером, который обладал и сакральными функциями, представлял общину перед городским божеством.

И.М.Дьяконов так определил функции совета старейшин и народного собрания: 1) избрание и низложение правителя (совет или народное собрание); 2) принятие в состав общины новых членов (народное собрание); 3) подача советов правителю; 4) суд и свидетельствование сделок (совет или специальные судьи); 5) установление штрафов, цен, сборов, производство торговых операций; 6) управление имуществом общины, а в раннее время — и храма; 7) поддержание порядка и внутреннее управление; 8) контроль над деятельностью правителя [там же, с. 144—145]. Выводы, сделанные на основании относительно поздних данных, позволяют думать, что не менее широкими были функции этих органов в пору Урука и Джемдет-Насра.

Существование коллегиальных органов управления, выборный, пусть из ограниченного числа претендентов, характер власти дают повод для сомнений в правильности предположения о том, что вожди непосредственно осуществляли перераспределение продуктов. Ситуация была, по-видимому, более сложной: не единоличный правитель, а совет, целый ряд функционеров держали в своих руках управление всей хозяйственной деятельностью, в том числе и перераспределение. В этом — особенность организации власти обществ плодородной низменности Месопотамии, власти, формально демократической, реализующейся через храмовое хозяйство.

Остановимся на процедуре избрания лидера, реконструированной на основе мифологических текстов [там же, с. 129; Jacobsen, 1970, с. 170]. Место заседания совета «богов, устанавливающих судьбы» именовалось *ub-šu-urkeš-(n)a(k)* «пространство (или огражденное место, платформа) для устройства собрания». Именно для таких собраний, по предположению И.М.Дьяконова, предназначалось раскопанное в Уруке сооружение — огражденный двор с платформой; подобное известно и в Кише. Члены собрания приветствуют друг друга, целуются, после чего начинается пиршество (в связи с последним И.М.Дьяконов отмечает, что слово *urkeš* — собрание — передавалось знаком сосуда [Дьяконов, 1959, с. 138, примеч. 83]). В эпосе «Энума элиш» говорится, что боги, чтобы избрать своим предводителем Мардука, пили вино, которое «рассеяло их страхи» и вызвало сердечное ликование. В таком состоянии они «судят судьбу» Мардуку. Вероятно, питье опьяняющего напитка рассматривалось как условие, при котором выявляется воля богов. Для избираемого ставится возвышение, на которое он садится; при этом отмечается, что он садится перед своими отцами, что указывает на состав совета. За этим следуют испытания его мудрости и силы. Убедившись в его достоинствах, совет наделяет Мардука жезлом, престолом и диадемой — знаками царской власти. Напомним, что Мардук был избран военным лидером (*lugal*), которые, по предположению Т.Якобсена, избирались из молодых людей — членов знатных семей,

еще не имеющих своего хозяйства и опирающихся на слуг и «клиентов» отца (Мардук — сын Эа, не имеющий своего дома) [Jacobsen, 1970, с. 138].

Есть много оснований для заключения о том, что социальное расслоение в периоды Урук и тем более Джемдет-Наср имело место. Сложнее говорить о расслоении в материальном отношении. По заключению И.М.Дьяконова, в Протописьменный период социальное расслоение не носило отчетливых форм. Знать образовывала тонкий слой владельцев крупных земельных наделов, которые обрабатывали члены патриархальной семьи и вспомогательная рабочая сила; рядовые общинники принадлежали к тем же родам. Внешние признаки социально-экономического расслоения (в одежде, прическе, украшениях, жилищах) выражены столь слабо, что есть возможность говорить об их отсутствии [ИДВ, 1983, с. 141, 128].

Этот вывод имеет право на существование, если не учитывать археологических данных, свидетельствующих о другом. Так, нет оснований говорить о том, что жилища знати не отличались от жилищ основной массы людей, поскольку жилые районы на поселениях этого времени изучены еще недостаточно. Кроме того, имеющиеся данные из Юго-Западного Ирана позволяют думать, что в это время различия в жилищах в зависимости от социального и имущественного положения их хозяев существовали. Далее — сведения, которые могут быть извлечены из изображений на печатях, также не оставляют никаких сомнений, что внешний облик вождя-жреца обладал явно выраженными отличиями.

Вождь-жрец облачен в длинную юбку с широким и круглым в сечении поясом, концы которого в некоторых обрядовых ситуациях должны были быть очень длинными. Юбка отличается от одежды других изображавшихся персонажей длиной (все остальные показаны в более коротких) и рисунком, который передавался штрихами. Эти особенности одежды говорят о многом, особенно если учесть, что для обозначения лиц высокого общественного положения на письме использовалась идеограмма «ткань» [там же, с. 121]. Таким образом, «одетость» — признак высокого ранга (в империи инков узорчатая ткань — в числе самых престижных вещей [Березкин, 1991, с. 64]).

Другой признак вождя-жреца — особая прическа или головной убор, который на печатях имеет вид валика вокруг головы и пучка на затылке. О том, как выглядела такая прическа (скорее парик), во всех подробностях позволяет судить электровый «шлем» из гробницы Мескаламдуга в «Царском некрополе» Ура. Сходство его с прической или головным убором лидеров, живших на несколько столетий раньше, дает основания предполагать, что этот знак высокого положения появился уже тогда².

Знак вождя-жреца — булава и посох, вероятно с каменным навершием; его оружие — лук и копье. Среди принадлежностей групп и лиц высокого статуса, безусловно, были изделия из металла. К сожалению, погребения этого времени выявляются не без труда. Р.Мак Адамс отмечал, что некоторые признаки дифференциации погребений на основании инвентаря обнаруживаются в периоды Урук (3700—3500 гг. до н.э.) и Протописьменный (3500—2900 гг. до н.э.) [Adams, 1966, с. 95—96].

И если пока имеющиеся данные немногочисленны, то тенденция вырисовывается достаточно отчетливо. В погребениях Киша (Раннединастический I) в нескольких могилах найдены медные кинжалы, зеркала, туалетные принадлежности. К числу предметов роскоши относятся медные подставки, которые встречаются только с особо ценными каменными сосудами. Меди для изготовления одной такой подставки могло хватить на покупку поля, которое обеспечивало скромное существование.

Еще более выразительны данные обширного некрополя Ура. К «нецарским» здесь отнесено 588 погребений; примерно восьмая часть их вообще не содержала металлических и каменных изделий. Р.Мак Адамс предполагает, что они могли принадлежать земледельцам. Значительный инвентарь был обнаружен приблизительно в 20 «нецарских» могилах (здесь найдены вещи из драгоценных металлов, камня, меди: сосуды, бусы, оружие). Относительно многочисленны погребения с металлическим оружием и утварью (топоры, подставки, сосуды, зеркала) — их 434. Золото обнаружено в 167 погребениях, что составляет значительный процент от общего количества.

Таков уровень благосостояния крупного города конца Раннединастического периода. Иное положение было в небольшом городке. В Убейде из 94 вскрытых погребений только в 18 найдены металлические изделия: в четырех — более одного предмета и ни в одном — более трех. Драгоценные металлы найдены лишь в одном погребении. Из этого делается правомерное заключение, что богатство уходило из небольших поселений, в том числе из Убейда, в города, в данном случае — Ур, где расходовалось на содержание администрации, воинов, специалистов-ремесленников [там же, с. 99—101].

Судить о том, что рассматривалось как ценности, как вещи, обладающие престижным значением, можно в какой-то мере и по более поздним свидетельствам. В документах Раннединастического и Аккадского периодов о продаже земли содержатся сведения о цене полей, выраженной в определенных количествах меди, серебра и ячменя. Кроме того, давались «подарки» — вещи, безусловно обладавшие материально-престижной ценностью, среди них — серебряный предмет и серебряные кольца определенного веса [Дьяконов, 1959, с. 71, 73, 78], а также бронзовое оружие [там же]. Упоминаются повозки — ослиные упряжки и колесницы [там же, с. 73—74, 78]. Нередки упоминания одежды, в том числе кожаной, и тканей [там же, с. 58, 71, 73—74, 78]. Есть сведения о «подарках» в виде шерсти и масла, изделий из кожи [там же, с. 57—58], о рабах [там же, с. 78].

Положение о том, что неотъемлемый признак ранних цивилизаций — ярко выраженная иерархия богатства отдельных лиц, нуждается в корректировке. На ранних этапах, в формирующихся государственных образованиях, могло быть иначе. Возможны и специфические особенности в выражении социально-имущественного расслоения обществ, в которых накопление богатств не сопровождается помещением их в индивидуальные захоронения. Например, в цивилизации долины Инда, где обнаружены городские центры с «цитаделями» и крупными хранилищами, где был очень развит обмен, нет признаков избытка личных богатств,

если судить по инвентарю погребений (на эту особенность обратил внимание К.Ренфрю [Renfrew, 1975, с. 25]).

Относительная бедность погребений, т.е. отсутствие в них большого количества ценных вещей в эпоху, когда сохраняются еще признаки эгалитарности, естественна. Особенно же это естественно для бедной полезными ископаемыми Нижней Месопотамии. Личное богатство лидеров еще не стало, как можно думать, совершенно обособленным от богатства тех родственных групп, к которым они принадлежали. Ценности в значительных количествах, насколько показывают данные раскопок, скапливаются при храмах — именно в этих местах находят изделия из металла и привозных минералов. Но, констатируя это, надо иметь в виду, что скапливавшиеся в храмах богатства находились в определенной степени в распоряжении храмовой администрации, т.е. в конечном счете той же элиты. Именно здесь происходило перераспределение излишков, здесь была сосредоточена функция управления. Благодаря тому что эта функция стала принадлежностью определенных семейных групп, они оказались в более выигрышном положении, так как создавалась возможность отчуждения части продукта в их пользу, в пользу верхушки общин и родов [ИПО, 1988, с. 144].

Нет оснований видеть в социально-материальном расслоении, которое, безусловно, происходило в это время, результат военных захватов, когда победившая сторона, пользуясь превосходством силы, получает возможность демонстрировать преимущества своего положения, ведя особый образ жизни и выделяясь внешними признаками из среды завоеванных. В Нижней Месопотамии поляризация общества происходила постепенно, по крайней мере в это время. Элита не могла резко обособиться от основной массы, этому противостояли традиционные институты. Для того чтобы получить право на особое положение, на особые знаки отличия, элита должна была пройти через общественную храмовую службу и через это служение на пользу всего общества приобрести право на обладание материальными богатствами, знаками высокого положения, воплощавшимися, в частности, в золотых шлемах, драгоценной утвари, украшениях-амулетах.

К числу знаков, избранных верхним слоем общества (многие из них восходят к традиционным), должны быть отнесены изобразительные мотивы различной природы — индексальные, символические, иконические знаки. Они наносятся на печати и некоторые другие предметы; круг последних, вероятно, был значительно шире, чем можно судить по обнаруживаемым остаткам. Выразительные образы передают новую картину мира, вероятно более упорядоченного, чем прежде, но отнюдь не лишённого конфликтов. Среди этих образов — фигура главного представителя элиты, вождя-жреца. Профессиональное искусство, обладавшее различными функциями и прокламировавшее иерархически организованное общество (часть аналогично построенного космоса), возникает как явление, присущее «верхней» культуре, служащее обоснованию особого положения ее носителей.

Обособленность лидирующих семей и родов от общества обосновывается их близостью к общему предку, правом первооселенства,

отправлением традиционно важных обрядов и т.д. Неравноправие в пределах собственной группы и за ее пределами снимается путем исполнения взаимных обязательств: не только нижестоящие способствуют своим трудом благосостоянию лидеров, но и они поддерживают их, заботясь о терпящих бедствие членах своей родственной группы так же, как храм заботился обо всей общине. Главы элитарных семейных групп, обладавшие возможностью держать при себе маломощных сородичей и даже рабов, вероятно, как это было во многих архаичных обществах, должны были сплачивать таких разных людей не столько «кнутом», сколько «пряником». Одна из форм поддержания сплоченности — устройство общих трапез и раздача или распределение необходимых для жизни продуктов и вещей.

По-видимому, в это время, если не раньше, элитарные семьи начинают разными способами накапливать землю — главное богатство Нижней Месопотамии, — как позднее делали их потомки, приобретая поля не только в своем «номе», но и за его пределами. Располагая большими человеческими ресурсами, они могли направлять людей на освоение еще не занятых земель. Таким образом, в их распоряжении оказывались земли, не находившиеся во владении общин. Высокое социальное положение влекло за собой обогащение, а обогащение способствовало росту социального престижа.

ОБМЕН

Прежде, говоря об убейдской культуре, мы уже коснулись специфики природных условий Нижней Месопотамии. С одной стороны, это крайняя бедность полезными ископаемыми, вызывавшая потребность в широкомасштабном обмене на далекие расстояния; с другой — разнообразие локальных условий, способствовавшее специализации хозяйства и обмену между соседями в пределах самой Нижней Месопотамии. Очевидно, две эти формы обмена — внешнего и внутреннего — были взаимосвязаны. Обитатели самостоятельных образований могли получать издалика различные продукты и сырье, обменивая это на «импорты», которыми располагали их близкие соседи. Следовательно, объектами обмена служили как производившиеся на месте продукты и изделия, строительный материал (тростник), так и то, что получали путем обмена на далекие расстояния. Известно, что в старовавилонское время объектами внутренней торговли, осуществлявшейся по воде, служили различные продукты питания, шерсть, лес, кирпич, металлы [Mendelsohn, 1949, с. 3].

Вероятно, в интересующую нас эпоху обитатели Месопотамии начинают широко использовать выгодность своего положения на важных торговых путях, что позволило Вавилонии в более позднее время стать торговой страной, сравнимой в этом отношении с Грецией классического периода [Leemans, 1950, с. 3].

В своей недавней статье Г.Альгазе приводит сводку мнений о возможных источниках сырья, поступавшего в Нижнюю Месопотамию в

урукское время. Дерево могло поступать по Евфрату из Восточного Тавра, медь — из месторождений в Дашти-Кевир через Тепе-Сиалк или из Эргани-Маден через Телль-Брак, находящийся в 100 км от этого месторождения. Источники битума были в Юго-Западном Иране, в предгорьях Загроса, на среднем Евфрате около Хита, близ Мосула. Этот материал широко применялся в строительстве, очевидно, в судостроении, а также при изготовлении бытовых вещей. Известняк могли получать из западной пустыни (между территориями современного Ирака и Саудовской Аравии), с окраин Сиро-Месопотамской равнины, кремень — из западной пустыни, Загроса, из северных месторождений или из Леванта; базальт, мрамор и другие породы камня — из Загроса и с Центрального плато Ирана; серебро, свинец и золото — из Ирана, а серебро и из района Кебана (Турция). Месторождения лазурита находились, по широко распространенному мнению, на территории современного Афганистана. Наконец, упоминаемые в текстах рабы были иноземного происхождения [Algaze, 1989, с. 580—581].

В своем отклике на статью Г.Альгазе Х.Вейс (H.Weiss) вносит некоторые уточнения в эту картину, замечая, что сейчас данных недостаточно для того, чтобы говорить о росте масштабов обмена в то время и, в частности, о росте «импорта» [Cur.Anthr., 1989, с. 597—598]. По его мнению, битум мог поступать не с севера, а из центрального района (месторождения близ Хита и Рамади); гипс, использовавшийся в Варке, Уре, Эреду, — из месторождения близ Эреду; базальт, мрамор, диорит, габбро и другие минералы — из Западного Загроса, Джебель-Синджара и Омана. С торговлей лазуритом и медью он связывает возникновение урукских колоний в Западном Загросе и считает, что имеющиеся данные позволяют говорить о том, что только эти материалы стали поступать в Нижнюю Месопотамию в урукское время в относительно большем, чем прежде, количестве. Однако и при таком подходе ясно, что обменные отношения в урукское время стали более интенсивными и не могли не стать элементом цепи перемен, происходивших в обществе этой эпохи.

Появляющиеся новые данные как будто позволяют предполагать, что уже в Позднем Уруке — Джемдет-Насре поддерживались регулярные отношения с Дильмуном, откуда в более позднее время поступала медь. Находки керамики и печатей джемдет-насрского типа на Бахрейне пока единичны, поэтому было высказано предположение, что упоминающийся в текстах Урука IV—III Дильмун находился не на этом острове, а на материке [Potts, 1986б, с. 124, 126]. В настоящее время начало разработки месторождений меди в Омани относят только ко второй половине — концу III тыс. до н.э. [там же, с. 169], но, исходя из свидетельств текстов, Д.Поттс считает возможным датировать его более ранним периодом, по крайней мере эпохой Джемдет-Наср [там же, с. 133]: в табличках, относящихся к периоду Урук III, содержатся упоминания дильмунской меди и зерна, а также шерсти или тканей, возможно предназначавшихся для обмена [Englunг, 1983, с. 35]. Таким образом, торговля, достигшая широких масштабов в Раннединастический период, существовала, вероятно в менее развитых формах, и в предшествующий.

Разумеется, археологические данные интересующего нас периода слишком скудны для того, чтобы в выводах о масштабах обмена можно было основываться только на них. Как и в других случаях при реконструкции, надеясь на рост сведений в связи с будущими раскопками, целесообразно обратиться к более поздним сообщениям письменных источников, поскольку возможно, что и прежде что-то из упоминавшегося в них уже поступало в Нижнюю Месопотамию. Особенно важны сведения о продуктах и изделиях, которые нельзя обнаружить из-за характера материала. Остановимся на данных о торговле государств Месопотамии в III тыс. до н.э. с восточными землями. Это направление представляет тем больший интерес, что, как говорилось выше, связи с соседними районами Ирана в урукское время были очень интенсивными. Сведения о предметах, получаемых путем торговли, а также захваченных в военных походах, мы приводим по статье Д.Поттса [Potts, 1982]. Они позволяют представить, какие материалы и готовые вещи интересовали обитателей Месопотамии в древности.

Итак, из Элама в Раннединастический период и позже поступали серебро и другие драгоценные металлы, дерево, лазурит, косметическая краска; готовые изделия — повозки, троны; из продуктов питания — инжир. Из страны Мархаша везли драгоценные металлы, лазурит и сердолик, из Гутиума — сердолик, скот, шерсть, инжир. Страна Арали давала топоры и ячмень, Аратта, известная по эпическому тексту «Энмеркар и верховный жрец Аратты», — золото и серебро, иные металлы, в том числе медь и олово; лазурит и другие минералы. Из Магана доставляли медь и, вероятно, бронзу, диорит, дерево, столы и троны, а также, возможно, кур.

Этот перечень отражает тенденцию, наметившуюся еще, по всей видимости, в урукскую эпоху. Путем торговли (а в III тыс. до н.э. и военных экспедиций, организация которых в более раннее время менее вероятно) получают в первую очередь не сырье для изготовления вещей, служащих повседневным нуждам, а материалы для создания предметов роскоши, украшения храмов и, по-видимому, жилищ знати. Конечно, медь и ее сплавы использовали для изготовления орудий труда и оружия, но часто и для создания ритуальных вещей и роскошной утвари. Примечательно, что, несмотря на богатство Месопотамии зерном, шерстью и скотом, среди ввозимого фигурируют и ячмень, и шерсть, и скот, в основном, вероятно, захваченные как военная добыча.

Какие же продукты могли вывозить из Месопотамии? Традиционные — ячмень, сезам и сезамовое масло, шерсть, ткани и готовая одежда, кожаные изделия. В частности, досаргоновские и аккадские торговые тексты из Лагаша упоминают о вывозе оттуда в Дильмун в обмен на медь ячменя, кедрового масла, муки, одежд и серебра. В Элам в обмен на серебро и дерево отправляли ячмень и масло [Leemans, 1960, с. 116—118]. По мнению Г.Альгазе, экспорт из Нижней Месопотамии в урукское время представляли продукты интенсифицированной деятельности — зерно, кожаные изделия, сушеная рыба, финики, ткани. Все это не оставляет следа и при раскопках не может быть обнаружено или идентифицировано (в случае сохранения зерна) как привозное.

Высказывались сомнения в том, что производимые в Нижней Месопотамии излишки — а они воплощались почти исключительно в сельскохозяйственных продуктах — находили широкий спрос где-либо, кроме побережья Персидского залива и островов, лежащих в нем, так как везде в окружающих землях такие продукты производили сами [там же, с. 114]. Однако не следует забывать, что орошаемое земледелие давало значительно большее количество гарантированных излишков. Те же, кто занимался богарным земледелием или использовал ирригацию в ограниченных масштабах, могли время от времени страдать от неурожая, вызванных засухой и другими причинами. Так что месопотамские зерно, финики, масло должны были пользоваться спросом. Кроме того, нельзя забывать, что выгодной была и посредническая торговля; например, в XIX в. до н.э. из Ашшура в Каниш в обмен на серебро шло столь редкое олово [там же, с. 118].

Из Месопотамии могли поступать и разнообразные произведения высокоразвитого ремесла, престижные вещи. Нет сомнения, что они находили большой спрос у элиты не только близких, но и отдаленных областей, стремившейся подражать носителям более высокой культуры. Постоянной статьёй экспорта были ткани. Изобразительные памятники III — первой половины II тыс. до н.э., найденные, в частности, на территории Ирана и Афганистана, показывают, что знать Месопотамии была «законодательницей мод» для социальной верхушки даже столь отдаленных районов, как глубинный Иран и север Афганистана [Amiet, 19866].

Но вернемся к внутреннему обмену. Он осуществлялся в основном по воде. Продолжительность экспедиций была, естественно, различной. Предполагают, что 85-мильный путь от Лагаша до Ниппура проходили вверх по течению за 16—17 дней, вниз — за 4—5 [Salonen, 1942, с. 44 и сл.]. О том, в каких формах обмен осуществлялся, судить трудно. Весьма вероятно, что он имел архаичную форму дарообмена. Р.Мак Адамс в связи с этим призвал обратить внимание на тексты, которые обычно воспринимаются как мифологические [Adams, 1974]. В них говорится о путешествиях богов и богинь по городам, лежащим на берегах Евфрата, с дарами. Он считает «условностью литературного жанра» то обстоятельство, что в текстах не упоминается о ритуальных плаваниях смертных, правителей городов, которые реально и осуществляли то, что в текстах делают боги, и допускает существование цикла религиозных празднеств, происходивших по городам главной артерии — Евфрата. В одном из таких текстов перечисляются дары, нагруженные в ладью бога [Ferrara, 1972]. Вероятно, правомерно предположение Р.Мак Адамса, что такой дар должен был компенсироваться ответным даром. Остаются неясными формы таких дарообменов, в частности, сопровождались ли они чем-то вроде периодических ярмарок [Adams, 1974]. Но, несомненно, что с ними были связаны разнообразные обряды и жертвоприношения, которые также были формой обмена, поскольку в них участвовали и представители знати, и так или иначе рядовые общинники.

Возможно, обмен осуществлялся не только через храмы, однако не приходится сомневаться в том, что их роль была очень важной. В лите-

ратурных текстах III тыс. до н.э., где речь идет о торговле, фигурируют именно они³. Более того, само производство сельскохозяйственных продуктов в тексте «Энмеркар и верховный жрец Аратты» рассматривается как имеющее целью обмен с отдаленной страной, располагающей необходимыми для украшения храма Инанны материалами. Торговля рисуется отнюдь не как средство получения прибыли, что невозможно для архаической экономики, а как многоступенчатый дарообмен — сначала между людьми, потом между ними и богами, которые позволяют им существовать и могут сделать это существование благополучным.

Таким образом, систематическое получение излишков и их накопление, особенно при нехватке многих ресурсов, должно было стимулировать обмен и превращать его в регулярный, что ускоряло накопление материальных ценностей [ИПО, 1988, с. 148]. В Месопотамии интересующего нас времени главным местом скопления излишков и одновременно сосредоточения предметов роскоши были храмы. Люди, причастные к деятельности этих важнейших социальных организмов, занимали престижное положение и в силу этого получали доступ к предметам роскоши, бывшим знаками их положения. Здесь эти предметы в большей степени, чем в других (богатых природными ресурсами) странах, ассоциировались не со своим, а с «чужим» миром, в архаичной мифологической системе мировосприятия — миром богов [Антонова, 1984, с. 64 и сл.].

Исследователи архаичного обмена на далекие расстояния неоднократно обращали внимание на то, что его объектом зачастую выступают не продукты питания и не предметы первой необходимости, а предметы роскоши и престижные вещи. Стремление получить их служит стимулом интенсификации производства, получения излишков. Некоторые исследователи сейчас склонны считать, что не обмен полезными в утилитарном отношении объектами, а обмен предметами роскоши или ритуальными ценностями мог играть решающую роль в превращении ранговых обществ в государства [Tourtelot, Sabloff, 1972]. Такая позиция представляется искажающей реальную картину, в которой обмен жизнеобеспечивающими продуктами на определенных уровнях отношений внутри обществ являлся основой для сложения обмена на далекие расстояния, служившего источником престижных и роскошных вещей. Более приемлемой представляется позиция, согласно которой доставлявшиеся из отдаленных мест предметы роскоши распределялись, чтобы воспроизводить систему рангов, статусов или систему административной организации в государствах [Kipp, Schortman, 1989, с. 371]. Предметы роскоши оказываются для существования системы «не менее важными, чем пища», поскольку они служат средством «мобилизации энергии» в докапиталистических обществах [Schneider, 1977, с. 23—27].

Таким образом, и обмен ценностями дает возможность понять тот качественный скачок, который происходит в сознании общества, когда ищут морального обоснования государственной власти [Kipp, Schortman, 1989, с. 372].

Рис. 14. Оттиски печатей с названиями городов из Джемдет-Насра

Все, что известно о Нижней Месопотамии второй половины IV — начала III тыс. до н.э., позволяет думать, что обмен в это время играл большую роль как в социальной трансформации отдельных образований, их консолидации, так и в сложении систематических отношений между этими образованиями, которые в конце концов были оформлены как своего рода «лига».

Возможно, широкие обменные связи между городами находили воплощение в каких-то регулярных обрядовых действиях, во время которых в места их проведения стекались приношения из разных мест. Предполагаемые свидетельства этого — оттиски печатей нескольких городов на одном документе. В позднеурукском здании с признаками административного назначения, исследовавшемся в Джемдет-Насре, был найден такой документ с оттисками печатей с названиями Ура, Ларсы, Урука, Забалама [Moorey, 1976; Oates, 1979, с. 90—91]. Подобные оттиски были обнаружены и при старых раскопках Урука [Legrain, 1936, табл. 21—24]. На одном из них — названия городов Кеша, Адаба, Ури[м]а, на другом — Ниппура, Адаба, Ури[м]а, Кеша(?), Зарар[им]а и города X. Упомянув эти факты, Т.Якобсен рассматривал их как свидетельства существования Лиги городов [Jacobsen, 1970, с. 376, примеч. 35].

С обменом связан и еще один феномен, который рассматривается рядом исследователей как свидетельство структурной сложности урукского общества. Этот феномен получил условное название «урукской экспансии». Обнаружение не единичных предметов, а многочисленных, относящихся к различным категориям, а также архитектурных сооружений нижнемесопотамского типа на поселениях Анатолии, Сирии, Ирана вызвало появление нескольких гипотез о причинах и характере «урукской экспансии». Дискуссии по поводу этих гипотез представляют особый интерес, так как затрагивают широкий круг вопросов об экономическом и социальном состоянии обществ Нижней Месопотамии — субъектов «экспансии» и тех, которые явились ее объектами на «периферии». Эти дискуссии весьма показательны с точки зрения специфических особенностей исследований современных археологов, в которых для интерпретации обнаруженных данных широко используются концепции экономистов, социологов, культурантропологов.

Такая дискуссия развернулась на страницах журнала «Current Anthropology» в 1989 г. вокруг статьи Г.Альгазе [Algaze, 1989], который на основании своих собственных исследований и обобщений уже из-

вестного попытался объяснить причины выхода носителей урукской цивилизации за пределы коренной территории. Наиболее распространенным показателем этого является керамика. Она встречена на поселениях, находящихся на возможных путях и близ рудников. Так, небольшое количество керамики урукского облика обнаружено на семи поселениях в долинах на пути по Нижнему Забу, Адхейму, в долинах Махидашта, Шахдада и Кангавара, которые пересекает Хорасанский путь. На юге Центрального Загроса и в Южном Загросе она встречается в долине Шахри-Корд, на пути из Сузианы на Центральное плато. Есть находки в бассейне Кура в начале пути из Хузистана через Рам-Хормуз. Чаши со скошенным венчиком найдены на поселениях по Тигру к югу от Сизре и по Бахман-Су и Бохтан-Су, в Арслан-Тепе на равнине Малатьи (здесь проходят круглогодично используемые пути с Тавра, с равнины Кайсери и из Центральной Анатолии).

Керамика урукского облика найдена на поселениях, обитатели которых занимались добычей руды и плавкой меди: она есть в Тепеджике на равнине Кебан, где, как и в Норшун-Тепе, найдены следы плавки меди (здесь могли использовать рудники Эргани-Маден). Многочисленные фрагменты чаш со скошенным венчиком и конических чаш найдены в Тепе-Габристане на равнине Казвина; отсюда, по предположению Г.Альгазе, медь могла переправляться по Хорасанскому пути или по менее важному, ведущему на север Месопотамии через долину Солдуза и Нижнего Заба. Важным пунктом был Тепе-Сиалк (слой IV), располагавшийся неподалеку от Анарака и месторождения Веснове близ Кашана [там же, с. 583—585].

Справедливые сомнения вызвала у участников дискуссии возможность выявления урукского присутствия на основании находок керамики, тем более что датировка слоев, в которых она встречается, не всегда соответствует предполагаемому периоду «экспансии». Высказывались предположения (Ф.Кол), что керамика, подобная урукской, могла быть местным подражанием, и не более того [Cur. Anthr., 1989, с. 594].

Другие элементы урукской цивилизации, встречающиеся за ее пределами и с большей убедительностью, чем керамические сосуды, свидетельствующие о тесных контактах с ее носителями, — разнообразные знаки учета: таблички, счетные значки (tokens), сферические «буллы» с оттисками печатей и цифровыми знаками, печати. Наряду с архитектурными сооружениями нижнемесопотамского плана и элементами их декора — характерными глиняными конусами, украшавшими стены общественных зданий, — они могут указывать на непосредственное присутствие переселенцев из Нижней Месопотамии. Эти признаки урукской культуры настолько широко представлены в Сузиане, что дают основания предполагать ее колонизацию обитателями Нижней Месопотамии в конце урукского периода (по хронологии Сузианы — это Средний и Поздний Урук). Использование печатей с изображениями вождя-жреца и разнообразных сцен, присущих урукской глиптике, позволяет считать, что и социальная организация здесь была подобна урукской [Aligaze, 1989, с. 574]. В это время увеличивается число поселений, и на всех — от небольших до административных центров — обнаружены урукские материалы.

О путях и причинах продвижения населения из Месопотамии в Хузистан было высказано несколько предположений. По одному из них, оно было вызвано передвижениями из северной части Нижней Месопотамии (района Ниппура) в южном и восточном направлении из-за изменения режима протоков Тигра или Евфрата [Adams, 1981, с. 60—63; Gibson, 1973].

К.Ламберг-Карловски, говоря о неясности причин колонизации, отмечает возможность связи ее с демографическими переменами, с резким ростом населения в раннеурукское время [Ламберг-Карловски, 1984, с. 65; Ламберг-Карловски, 1990]. В результате в Позднем Уруке мог возникнуть продовольственный кризис, и городские власти приняли «согласованную попытку» освоить отдаленные районы [Ламберг-Карловски, 1990, с. 20].

По мнению Г.Альгазе, распространение носителей урукской цивилизации в северном и северо-западном направлении в отличие от восточного не было связано с массовыми выселениями, колонизацией. Помимо естественного соображения о большей отдаленности и меньшей доступности этих территорий тому есть и материальные свидетельства. В одних поселениях они представлены отдельными предметами; по мнению Г.Альгазе, их обитатели находились в контактах с «урукцами». Поселения другого типа, где набор признаков урукской цивилизации разнообразен, считаются заселенными выходцами из Нижней Месопотамии.

Среди поселений с многочисленными и разнообразными урукскими признаками выделяется несколько крупных (по Альгазе, Самсат и Кархемьш в Юго-Восточной Турции и Хабуба-Кабира в Северо-Восточной Сирии). Благодаря охранным раскопкам относительно изученным памятником оказалась Хабуба-Кабира, расположенная на Евфрате в 17 км от современного города Мескена. Поселение производит впечатление города (площадь — 10 га), построенного по единому плану и окруженного стеной [Finet, 1979; Strommenger, 1980]. Наряду с жилым здесь существовали ремесленный и административный кварталы. Среди девяти небольших окружающих город поселений наилучшим образом изучена Джебель-Аруда, расположенная в 8 км к северу от Хабуба-Кабиры. Здесь были найдены два монументальных здания характерного трехчастного плана, декорированные нишами, и жилой район [Van Driel, Van Driel-Murray, 1979; 1983].

Хабуба-Кабиру и Джебель-Арудуду синхронизируют со слоем 17 Акрополя Суз или с ранней фазой архаических слоев, периодом Урук VI—III/II. Здесь обнаружены оттиски печатей с изображениями «натуралистического» облика, предшествовавшими орнаментальным изображениям, характерным для Джемдет-Насра. Оттиски на «булле» и опечатках веревочных узлов передают сцены ухода за скотом, изготовления молочных продуктов, охоты на кабанов и льва; изображают фантастических животных с переплетенными шеями, образующих геральдические композиции. Найдены также таблички с цифровыми знаками и оттисками цилиндрических печатей [Strommenger, 1981, с. 485—486]. Все эти материалы обнаруживают многочисленные аналогии на юге.

Сходство материальной культуры этих сирийских поселений с урукской связывают с прямым переселением из Нижней Месопотамии [Меллаарт, 1985, с. 22—24; Algaze, 1989, с. 587, и др.]. Иным образом исследователи не могут объяснить причины сходства планировки жилых и общественных зданий, употребление «ленточного» кирпича, использование системы учета и печатей нижнемесопотамского типа, керамики урукского облика, но не привозной, а изготовленной на месте.

Г.Альгазе выделяет еще несколько урукских анклавов (enclaves) на севере, основываясь на уже упоминавшихся признаках — от керамики до архитектуры: это Телль-Брак с его Храмом Ока или Священного Ока, Ниневия IV (здесь найден фрагмент таблички, счетный значок и оттиски цилиндрических печатей урукского стиля [Collon, Reade, 1983, с. 33]). Площадь этих двух поселений — 40 га. Два других — Самсат и Кархемыш. Все эти крупные поселения занимали господствующее положение на водных и сухопутных дорогах.

Дж.Оутс полагает, что Брак не был такой имплантированной с юга колонией, какой являлась Хабуба-Кабира: материальная культура этого поселения имеет местный, северный облик. И вообще, по ее мнению, север не был только воспринимающей стороной. В частности, Храм Ока в Браке имеет планировку, сходную не только с южными храмами, но и с храмами, обнаруженными в Северной (Тепе-Гавра) и Средней Месопотамии (район Хамрина), где они существовали еще в убейдское время. Один из признаков Храма Ока, имеющий продолжение в устройстве священных участков более позднего времени, — размещение поблизости от него укрепленного хранилища [Oates, 1986, с. 252].

О характере этих поселений высказывались и другие мнения. Недостаточный объем раскопок не позволяет однозначно признавать их колониями. Возможно, местная элита использовала стандарты урукской цивилизации для укрепления своей власти [Wattenmaker — Cur. Anthr., 1990, с. 68]. Кроме того, некоторые исследователи указывали, что «городские анклавы» располагались не только на старых торговых путях, но и на плодородных землях и были по происхождению не колониями, а локальными центрами [там же].

По мнению Г.Альгазе, урукская экспансия может быть уподоблена колониальной экспансии европейцев в районы, представлявшие для них интерес благодаря своим ресурсам⁴. Контроль над ведущими к ним путями и над самими источниками осуществляли местные общины. Отношения с ними строились, как и в случае колониальной экспансии европейцев, на «асимметричном обмене» и иерархически организованном интернациональном разделении труда; сущность этих отношений проанализирована в теории мировых систем И.Валлерстайна. Стимулом экспансии была потребность в отсутствующих в Нижней Месопотамии ресурсах [Algaze, 1989, с. 571].

В соответствии со своей концепцией Г.Альгазе намечает торговые пути и определяет роль на них тех небольших поселений, где обнаружено относительно немного урукских вещей. Это — стоянки (stations) и заставы (outposts). Площадь первых — 1—2 га, но на них могли быть и оборонительные сооружения и здания особого назначения известного

трехчастного плана — по широко принятому мнению, административные. Такие стоянки располагались на сиро-месопотамской равнине.

Заставы — поселения за пределами равнины — находились на путях глубоко в горах. Характерный их образец — Годин-Тепе в долине Кангавара, на главном пути, связывавшем Хузистан и район современного Тегерана, а через них — и Афганистан. Здесь в отличие от Хабуба-Кабиры специалисты-торговцы жили изолированно в крепости, вероятно, с согласия местного населения, подобно староассирийским купцам в Канише [там же, с. 590]. Обитатели нескольких тщательно построенных домов этой крепости с укрепленным входом пользовались в основном урукской керамикой и в небольшом количестве местной (за пределами цитадели соотношение было обратным). Только здесь найдены 43 целые и фрагментированные таблички с цифровыми знаками и оттисками печатей [Young, 1986, с. 212—218]. По мнению авторов раскопок, обитателями цитадели были сузианские купцы, доставлявшие в метрополию местные продукты [Weiss, Young, 1975], или «купцы» из Шумера [Young, 1986, с. 218].

В цитадели обнаружены следы, могущие пролить свет на взаимоотношения пришельцев (?), занимавшихся обменом, и автохтонов (следы пожара и вещи в состоянии, предполагающем внезапное бегство людей). Найдены также ядра для пращи, в частности лежавшие около выходящего во двор окна: вероятно, обитатели защищались от нападавших [там же].

Сосуды урукского типа встречены в Тепе-Сиалке III, где обнаружены и цилиндрические печати урукского стиля, и таблички подушкообразной формы, две из которых имеют оттиски печатей в урукском стиле (таблички относятся к эпохе, переходной от урукской к более поздней [Amiet, 1986, с. 68]). В погребениях Сиалка III найдены украшения из золота, серебра, сердолика и, что особенно примечательно, лазурита. Наличие здесь лазурита явно демонстрирует причины распространения урукской цивилизации за пределы Месопотамии: ее носители, как и их преемники, ощущали потребность в редких материалах, в сырье для изготовления предметов роскоши.

П.Амье предполагал, что экспансия Суз как части урукского сообщества на плато имела разные формы. В Сиалке III это были торговцы, жившие в тесной связи с местным населением, подобно ассирийцам в каппадокийском Канише. Позднее, в Сиалке IV, они могли образовать нечто вроде колонии, жители которой поддерживали связи с метрополией, способствовали ее обогащению и обогащались сами, одновременно передавая автохтонам свой более развитый образ жизни. Здесь создателями своеобразной цивилизации, протоэламской, стали иммигранты вместе с автохтонами [там же, с. 72].

Г.Альгазе полагает, что экспорт из Нижней Месопотамии в урукское время представляли продукты интенсифицированного хозяйства — традиционные для Месопотамии зерно, кожаные изделия, сушеная рыба, финики, ткани. Производство тканей на экспорт позже контролировалось государством, и косвенные данные на этот счет в архаических текстах (в том числе существование контроля над производством шер-

сти) позволили ему предположить существование чего-то подобного и в урукскую эпоху [Algaze, 1989, с. 690].

По его мнению, контроль над ресурсами периферии, осуществлявшийся «урукцами», был непрямым, но тем не менее эффективным. Интенсификация обмена вызвала в Нижней Месопотамии усиление давления на сельскохозяйственное население для получения все большего количества продукта для обмена. Из-за этого было нарушено хрупкое экологическое равновесие. Расширение обрабатываемых земель и увеличение масштабов ирригации вызвали и усиление засоленности почвы, а значит, снижение урожайности. Результатом был упадок обмена, происшедший с переходом к эпохе Джемдет-Наср. Анклавы и другие поселения на севере были оставлены, а в Хузистане число их сократилось [там же, с. 587].

Идея о том, что «урукская экспансия» была вызвана потребностями обмена (хотя Г.Альгазе подчеркивал, что он остановился лишь на экономическом аспекте многогранного процесса) вызвала немало возражений⁵. Так, по мнению К.Ламберг-Карловски, уход части населения из Нижней Месопотамии мог быть вызван демографическим фактором или бегством от растущего политического давления. Он считает, что нельзя объяснить исходя из экономической теории и недавно обнаруженные следы урукского присутствия в египетской Дельте⁶ [Cur. Anthr., 1989, с. 595—596].

По мнению П.Амье, высказанному не в связи с гипотезой Г.Альгазе, распространение урукской цивилизации было скорее результатом спонтанной экспансии, чем целенаправленных действий могущественных политических сил. Нельзя не согласиться с противопоставлением протекавших в это время процессов тем, которые имели место позднее, когда существовавшие в Месопотамии государства контролировали окружающие их территории путем военных походов и завоеваний [Amiet, 1986б, с. 65].

Высказывались предположения о том, что «урукская экспансия» подобна греческой колонизации VIII в. до н.э. [Cur. Anthr., 1989, с. 596], которая была результатом внутренних трудностей — гражданских столкновений, нехватки земли. Это напряжение могло возникнуть и в Нижней Месопотамии и сказаться на ситуации в Сузиане, а отголоски его отозвались на более отдаленных землях, вплоть до центральных областей Иранского плато [Amiet, 1986б, с. 65—66]. В самом деле, трудно представить, чтобы безусловно слабые в политическом отношении «номы» были способны осуществлять административный контроль над достаточно отдаленными «анклавами». Это стало возможным значительно позднее, с укреплением государства, во второй половине III тыс. до н.э. [Cur. Anthr., 1989, с. 600]. Г.Альгазе видит аналогию в отношениях между европейскими государствами Нового времени и их колониями. Но это менее приемлемо, чем уподобление греческой колонизации. Греческие города-государства планировали и организовывали создание колоний, которые, однако, редко оставались под их контролем. В то же время между ними поддерживались связи торгового и «сентиментального» характера [там же].

Участники дискуссии по поводу статьи Г.Альгазе признавали особый характер поселений типа Хабуба-Кабиры, безусловность связей их обитателей с Нижней Месопотамией. В то же время археологические данные допускают и иные толкования, чем те, которые были предложены инициатором дискуссии. Так, Ф.Кол не видит оснований полагать, что Хабуба-Кабира возникла в очень короткий промежуток времени (по К.Ламберг-Карловски, она существовала одно-два столетия [Ламберг-Карловски, 1990, с. 7]); он полагает, что «экспансия» могла развиваться постепенно [Cur. Anthr., 1989, с. 594]. Участники дискуссии указывали на уникальность феномена «урукской экспансии» и на несходство его не только с «неформальными империями» Нового времени, но и с тем, что происходило в Месопотамии во второй половине III тыс. до н.э. и позднее.

Механизм обмена остается неясным практически во всех отношениях. По мнению Г.Альгазе, возникновение городов, подобных Хабуба-Кабире, было результатом действий государства, а не «фирм, организованных по принципу родства» [Algaize, 1989, с. 590]. Инициаторами колонизации выступали храм и дворец. Неясно, что Г.Альгазе имел в виду, употребляя понятие «дворец»; тем не менее вероятно, что в это время, как и позднее, элита осуществляла обменные операции самостоятельно, помимо храма. Сохранившиеся в большом количестве документы именно храмовых хозяйств создают впечатление ведения обмена только через храмы. В то же время известно, что в III—II тыс. до н.э. торговля осуществлялась не только храмом и дворцом, но и отдельными общинами; по всей вероятности, обменом руководили общинные лидеры. Выше уже говорилось, что процветание Тепе-Гавры в убейдское время может объясняться обменом, осуществлявшимся не храмом, а общиной во главе с лидерами. Относительно небольшие размеры таких общин не требовали для поддержания существования столь мощных организаций, как храмовые хозяйства, но и масштабы их обмена были сравнительно невелики.

В разное время различные формы обмена в Месопотамии сочетались, какие-то в определенные периоды преобладали. Доминирование храма принадлежит ранним периодам, затем все большую роль приобретает «дворец», правители и цари, начинавшие контролировать и храмовые хозяйства. Быть может, наследниками традиций древних общин были «торговые дома» (*bīt maḡrim*), один из которых упоминается в документе времени Хаммурапи. И.М.Дьяконов считал его принадлежавшим общине [Дьяконов, 1949, с. 19]. В Ашшуре ростовщичеством и торговлей (в том числе монопольной торговлей медью) занимался «дом общинного совета» (*bīt ālim*) [Дьяконов, 1959, с. 145, примеч. 111]. В конечном счете предположения об организации обмена вытекают из представлений о структуре общества, о степени и сферах самостоятельности составляющих его организмов.

При всей нерешенности проблем, связанных с масштабом и характером обмена в Месопотамии периода Урук—Джемдет-Наср, ясно, что он не мог не играть важную роль в изменениях, происходивших в ту пору в общественной жизни. Необходимость получать излишки для обмена

стимулировала развитие управленческой сферы. Элита должна была стремиться к организации более совершенных способов производства продуктов, которые могли обмениваться на необходимые вещи, в том числе предметы роскоши и сырье для их изготовления. Обмен способствовал расслоению общества, накоплению богатств, которые, находясь в храмах, отчасти представляли собой страховой фонд. Но богатства должны были скапливаться и у социальной верхушки, что позволило ей в более позднее время проводить широкие операции по скупке земли. В специфических условиях бедной полезными ископаемыми Нижней Месопотамии обмен должен был играть чрезвычайно важную роль среди многих факторов, сплетение которых привело к возникновению государств.

В теориях формирования государства подчеркивается, что, развиваясь, обмен все более нуждается в административном контроле и силовой защите. Доходы от него элита имеет возможность использовать как для расширения производства, так и для оплаты воинов, которые, в свою очередь, могут быть использованы для контроля над торговлей, ведения войны, привлечения рабочей силы и извлечения прибавочного продукта у непосредственных производителей [Kipp, Schortman, 1989, с. 371]. Таким образом, обмен был мощным фактором разрушения старых, традиционных отношений и сложения новых институтов, присущих государству.

ОБРАЗ ВОЖДЯ НА ПЕЧАТЯХ И ВОЗМОЖНЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ С ПОЗДНЕЙШЕЙ ТРАДИЦИЕЙ

Изображения царя-жреца, или, как представляется более целесообразным его называть, вождя-жреца, появляются уже на цилиндрических печатях урукского времени [Amiet, 1961, с. 76, № 188]. На одной из них человек в юбке, головной повязке или шапке с околышем, с адоративно сложенными руками стоит перед чем-то вроде шеста. Рядом на фоне растений изображен кабан, затем коза и собака. Однако значительный комплекс изображений этого персонажа появляется в эпоху Джемдет-Наср (Занна III). На цилиндрах изображен мужчина в длинной, реже — короткой юбке (последнее — в схематичных изображениях или воинских сценах [там же, № 660—661]). Он бородат, волосы собраны в пучок на затылке, быть может, для его поддержания служила лента или обруч, которые передаются рельефом. Такая реконструкция представляется более вероятной, чем головной убор с околышем; одно из оснований ее — позднейшие головные уборы Раннединастического периода, в частности знаменитый «шлем» из гробницы Мескаламдуга в Уре.

Вождь-жрец в большинстве случаев безусловно, а в остальных — предположительно выступает как участник обрядовых действий. Наиболее частый мотив — поднесение различных вещей перед архитектурным сооружением [там же, № 642], столбами с лентами наверху [там же, № 643—646], а также перед женщиной в накидке, в головном уборе или

Рис. 15. Изображения деятельности вождя-жреца на цилиндрических печатях

с прической в виде рожек, иногда — с чем-то вроде уменьшенной копии столба с лентами в руках [там же, № 646, 648—649, 651]. Мужчина подносит колос [там же, № 645, 647—649], булаву [там же, № 651], сосуд в виде животного [там же, № 643], убитого льва [там же, № 642]. Он представлен один или в сопровождении явно более молодого, безбородого человека в юбке до колен, с длинными, спадающими на спину волосами. Он также несет подношения — бусы [там же, № 642] или сосуд [там же, № 643].

Вождь показан и предводителем битвы или участником ее следствия — убийства пленных [там же, № 660—661]. На аналогичном образце из Суз [там же, № 659] убийство происходит около безусловного храма, фасад которого обрамляют три пары рогов. Еще одно действие вождя — его плавание в лодке или передвижение в санях — «царском экипаже», сохранившемся, быть может, как ритуальное и в раннединастических «царских» погребениях [там же, с. 92, № 655].

Второй по частоте после мотива подношения сюжет условно именуется «кормлением животных». Вождь подносит ветви, ветви с цветами в виде восьмилепестковых розеток или колосья овцам и баранам. В этом ему снова помогает молодой человек с длинными волосами [там же, № 636—640]. Это событие происходило около столбов с лентами, уже встречавшихся в сценах подношения.

Две главные темы — поднесение даров и кормление животных — воплощаются с участием одних и тех же персонажей, живых существ, элементов пространства, вещей. Несколько особняком стоят изображения убийств связанных людей, но аналогия из Суз показывает, что и в этом случае предполагается, что они происходят около храма. Таким образом, культовая сторона деятельности вождя — главная, практически единственная считавшаяся достойной изображения на печатях. Все, что делает вождь-жрец, связано с божеством. Для современного исследователя печатей эта связь предстает как выраженная более или менее явственно, но, несомненно, для древних она была очевидной независимо от того, с какой степенью полноты это находило воплощение в конкретных изображениях. В дальнейшем на многих примерах мы попытаемся доказать это предположение.

Нет оснований видеть в вожде персонафикацию растительности, хотя растения — один из наиболее распространенных предметов, которые он держит в руках [там же, с. 83]. Обычно он изображается в профиль (плечи — анфас), обеими руками протягивающим ветви или колосья. Но есть и другие изображения, в которых интересующий нас персонаж показан так, как это присуще «хозяину животных» в месопотамской и вообще переднеазиатской традиции. На одной из печатей он стоит фронтально (голова показана в профиль), держа в обеих руках симметрично извивающиеся ветви с восьмилепестковыми розетками. По сторонам — также симметрично стоящие в одинаковых позах бараны, поднявшиеся на задние ноги, за ними — по одному столбу с лентами, а слева — еще пара сосудов и ягненок [там же, № 636]. Такое сближение образа вождя и персонажа сакральной сферы предполагает понимание его места в мире как подателя плодородия, носителя изобилия. Отож-

дествление позднейших царей с плодоносным деревом звучит в текстах обряда священного брака, о которых речь пойдет ниже.

Еще одно указание на понимание образа лидера — изображение на его месте и с присущими ему признаками (ветвями), в его позе, некоего существа, похожего на льва [там же, № 641], или льва [там же, № 419]. Такая замена предполагает символические ассоциации, сближение вождя мира людей и «царя» мира животных, который семантически близок миру богов [Антонова, 1984, с. 175—177]. Напомним, что лев служил одним из приношений лидера божеству [Amiet, 1961, № 642]⁷. Лев — объект охоты вождя-жреца на рельефе из Урука.

Плодоносное дерево и грозный хищник — образы, определяющие наряду с другими роль лидера, какой ее представляли обитатели Месопотамии конца IV тыс. до н.э. и более позднего времени.

Изображения на печатях периодов Поздний Урук и Джемдет-Наср передают (насколько позволяют заключить сами изображения) одного, по-видимому главного, представителя аппарата управления. Судя по его действиям и приношениям, он сочетает функции хозяйственного руководителя, жреца и военного предводителя. Не вполне ясен статус сопровождающего его молодого человека. В изображении на одной из печатей вождь что-то возливает на его голову [там же, № 664]. Е.Д. Ван Бурен рассматривала эту процедуру как инициацию, хотя, по справедливому замечанию П.Амье [там же, с. 95], это нуждается в доказательствах. На табличке Блау [там же, табл. 48 bis, D] вождь изображен протягивающим юноше пояс или скипетр (?), из чего делается вывод, что последний причастен к его власти и даже является сыном [там же, с. 95, 100]. Это предположение, однако, тоже нуждается в доказательстве. На функции юноши может указывать длина его юбки — такую же короткую носит вождь-жрец в военных и охотничьих сценах. О функции военного предводителя как будто говорит молодость этого персонажа и подчиненный вождю-жрецу статус: в это время война еще не заняла столь важного, как это было позднее, места в жизни общества.

Попробуем сопоставить эти, пока неполные, данные об общественном лидере, каким он начинает вырисовываться по изображениям на печатях, с интерпретациями функций лидеров по письменным свидетельствам. Первые письменные данные о лидере, именуемом ер, относятся к эпохе Джемдет-Наср. По существующим предположениям, он был выборным на определенный срок [Jacobsen, 1957, с. 180—182; Дьяконов, 1959, с. 121—122]. Согласно Т.Якобсену, он избирался народным собранием, и его культовая функция превосходила политическую [Jacobsen, 1970, с. 375, примеч. 32]. Эн — воплощение жизненных сил общины, он должен был магическим путем обеспечивать плодородие и изобилие. Одним из обрядов, имевшим такую цель, был обряд священного брака, в котором он вступал в союз с божеством-покровителем города. Там, где покровителем был бог, эном должна была быть женщина, если же покровителем была богиня — то мужчина (в большинстве городов покровителями были именно боги, поэтому функцию эна там должны были отправлять женщины). Т.Якобсен отметил, что эн-мужчина благодаря важности своих сакральных функций играл главную роль и в

политике, чего, по всей видимости, почти не случалось с знами-женщинами [там же]. Обряд священного брака позднейших правителей и царей других городов и государств в Месопотамии именно с Инанной Т.Якобсен рассматривал как заимствование урукской традиции.

По Т.Якобсену, задача эна — быть хорошим управляющим хозяйством, что осуществляется благодаря харизматичности его власти. Эн — создатель изобилия фигурирует в гимне, заключающем миф об Энлиле и Нинлиль: «Энлиль, ты — эн /Нунамнир, ты — эн, /Эн... эн хра-нилища, /Эн, который заставляет зерно (семя) расти, эн, который за-ставляет лен расти, ты есть, /Эн небес, эн щедрости, эн земли — ты, /Эн земли, эн щедрости (изобилия), эн небес — ты» [там же, с. 344].

По мнению Т.Якобсена, место жительства энов независимо от их пола было сакральное здание — *dirag*. Там, где эном был мужчина, обладавший значительной политической властью, это здание иногда могло иметь признаки административного центра, дворца, в случае же если эн — женщина, это только сакральное здание [там же, с. 375, примеч. 32].

В пользу древности фигуры эна свидетельствуют его упоминания в столь древних текстах, где нет других, принятых в Месопотамии в более позднее время определений правителей (энси и лугаль). Об этом же говорит относительная частота названного титула в мифологических и эпических текстах. Какими же были функции лиц, стоявших во главе городских общин и прилегающих к ним земель за пределами чисто сакральной сферы? Если судить по печатям периода Урук—Джемдет-Наср, функции вождя-жреца были многообразны. Не исключено и даже вероятно, что в образах энов мифологических и эпических текстов на первое место выдвинуто то, что присуще вообще персонажам таких произведений, — их мифологические по преимуществу, сакральные, а не земные, профанные стороны. Невозможно ожидать от таких текстов исчерпывающей характеристики сфер деятельности участвующих в них лиц, поскольку они обладают определенной исторической и «жанровой» спецификой.

Более поздним, но значительно более распространенным титулом является энси (или, по Т.Якобсену, *ensik*). Т.Якобсен отмечает, что этот титул редко встречается в мифологических и эпических, но становится широко употребляемым уже в древнейших исторических текстах. Он предполагает, что так обозначали правителя одного города или города с окрестными деревнями, в то время как эном и лугалем называли правителей более крупного объединения с несколькими значительными городами [там же, с. 384 и сл.]. По происхождению энси — предводитель сельскохозяйственных работ (поэтому месяц подготовки полей, айар, посвящен богу Нингирсу, «энси Энлиля»). Энси, по Т.Якобсену, значит «управляющий пахотной землей».

Согласно мнению И.М.Дьяконова, термин *ensi* (PA.TE.SI) расшифровывается как «возглавляющий народ (или род) жрец, закладывающий (храмы и другие здания)» [Дьяконов, 1959, с. 121]. И.М.Дьяконов подчеркивает важность строительной деятельности энси, обращая внимание на то, что именно о ней упоминается в надписях энси до середины III тыс. до н.э., а позже появляются и сообщения о военных действиях с их участием. В то же время в раннединастических текстах энси, как и

эны, были предстателями общины перед богом и культовыми предводителями; между энси и божеством заключался «завет», «договор» [там же, с. 122—123]. Примечательно, что энси, судя по документам, были вождями только храмовых отрядов.

Таким образом, энси обладали различными функциями, как сакральными, так и разнообразными светскими (это разграничение, разумеется, условно), что соответствует характеру деятельности архаических предводителей. Собственно, энси осуществляет весь спектр видов управленческой деятельности: он хозяйственный, военный и культовый руководитель.

Последний титул предводителя в Месопотамии — lugal («большой человек»), употреблявшийся в значении «хозяин» чего- или кого-либо, «господин». Впервые он зафиксирован в форме GAL.LU. в Уруке IIIb [RLA, т. 4, с. 335]. Именно так, но не «энси» именовали богов («лугаль всех земель»), городских богов; некоторые боги именовались просто «хозяевами» таких-то городов (Лугаль Уру, Лугаль Марата) [Дьяконов, 1959, с. 122, 143]. Согласно Т.Якобсену, по происхождению лугаль — военный предводитель, который избирался из молодых людей, принадлежавших к знатным семьям и опиравшихся на могущество этих семей [Jacobsen, 1970, с. 138]. По его мнению, лугаль с самого начала был чисто светской фигурой, не связанной с храмом. Его дом — просто «большой дом», приобретший характер дворца вследствие публичного характера власти этого лидера [там же, с. 375, примеч. 32].

Итак, можно полагать, что при всем сходстве функций энси и лугалей, прослеживаемом по текстам III тыс. до н.э., они по происхождению были различны. Не исключено, что власть лугаля в основе исходила не от храма, как власть эна-энси, а от общинной знати, той, чья сила основывалась на независимом от храма землевладении, существование которого было выявлено трудами И.М.Дьяконова. Неясно, в какой мере эта потенциальная двойственность власти реализовалась в интересующую нас эпоху. Но никакая власть в то время не могла быть свободна от сакральных ассоциаций, и это должно было создавать возможность совмещения функций энси и лугаля. В раннединастическое время известны случаи избрания энси лугалем в случае военной опасности, а лугаля — энси в каких-то конкретных условиях. В разных городах традиции были разными: например, лугалей не было в Ниппуре, Шуруппаке, Кисуре, а в Уре, Уруке не было энси [Дьяконов, 1959, с. 124, примеч. 21—22]. В то же время в некоторых городах были и энси, и лугали, что указывает как будто на первоначальную разделенность их функций. Следует вспомнить предположение Т.Якобсена о том, что в городах, где покровителями были боги, функции сакральных предводителей могли исполнять женщины. Прослежена такая тенденция: энси стремились к власти лугаля, поскольку это усиливало их позиции [там же, с. 143].

Печати, о которых мы говорили выше, — небольшие предметы. Нельзя ожидать, что на них можно было передать какой-то сюжет развернуто. Вместе с тем известны памятники, сложные изобразительные «тексты», дополняющие и расширяющие информацию глиптики, разъяс-

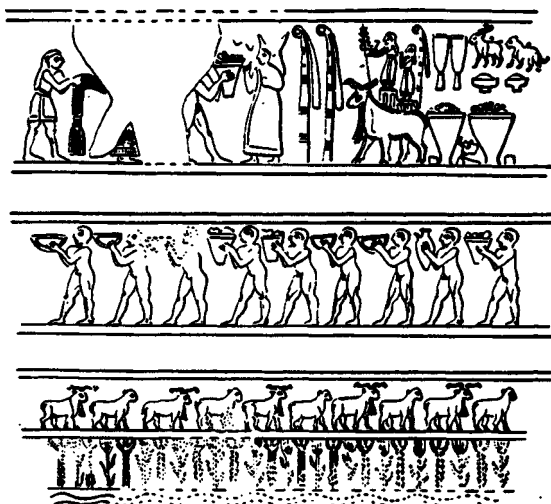

Рис. 16. Развертка изображения на каменной вазе из Урука

няющие значение и смысл многих сцен, встречающихся на печатях. Среди них — знаменитая «ваза» из Урука, замечательный образец искусства позднеурукского периода [Buren van, 1939, с. 36; Moortgat, 1954; Parrot, 1953, с. 256—257; Amiet, 1961, с. 87—98; Афанасьева, 1978; Антонова, 1991б]. Именно изображения на ней позволяют определить содержание многих сцен с участием вождя-жреца на печатях. Эта вещь заслуживает подробной характеристики.

Урукская ваза — сосуд высотой 1,2 м, цилиндрической формы, слегка расширяющийся сверху, на усеченно-коническом основании [Heinrich, 1936]. Она найдена при раскопках на участке храма Эанна и по ряду признаков относится к периоду Урук, хотя ее датируют и периодом Джемдет-Наср. Сосуд найден разбитым, но есть признаки его чинок уже в древности. Очевидно, этот сосуд использовался в обрядах не один, а в паре с подобным ему: обнаружены фрагменты вазы, парной этой [Heinrich, 1936, с. 15—17; Goff, 1963, с. 70]. Вся поверхность резервуара покрыта изображениями; к сожалению, утрачена именно та часть сверху сосуда, где был изображен главный персонаж, — сохранился лишь нижний край его длинной узорчатой юбки и конец его длинного пояса, который держит человек, известный по печатям, — длинно-волосый, безбородый, в короткой юбке. Несмотря на фрагментарность, весь облик изображения не позволяет сомневаться в том, что должен был быть изображен вождь-жрец.

Вся поверхность резервуара покрыта крупными рельефными изображениями, сгруппированными в три пояса. Они находят прямые аналогии в печатях этого времени. В нижнем ярусе над волнистыми линиями, передающими, без сомнения, воду, показаны чередующиеся побеги

пальм и цветущего тростника [Афанасьева, 1978, с. 21]. Над ними, также чередуясь, шествуют бараны и овцы. В среднем ряду — нагие мужчины, несущие корзины и сосуды с дарами.

Главную семантическую нагрузку несут изображения верхнего яруса, где представлена сцена поднесения даров: перед женщиной в длинной одежде стоит нагой мужчина с корзиной, видимо, плодов, за ним — персонаж высокого ранга, от фигуры которого, как уже говорилось, сохранилась лишь нижняя часть. Голову женщины венчает убор с короткими «рожками»⁸ — подобный тому, что встречается у аналогичного персонажа на печатях [Amiet, 1961, № 646, 648, 651]. За женщиной возвышаются два столба с лентами, хорошо известные по печатям. За ними — дары, принесенные в сакральное сооружение, по всей вероятности, храм: статуи мужчины и женщины, четыре пары сосудов, в том числе в виде льва и барана, а также ритон в виде бычьей головы. При изображении даров, растений, шествующих животных соблюдается принцип парности; среди сосудов обращают на себя внимание две вазы на поддонах, форма которых идентична описываемой.

Не приходится сомневаться в том, что растения⁹, вода¹⁰ и животные не являются случайными изображениями, элементами пейзажа: противное противоречило бы всей логике архаической изобразительности [Антонова, 1984, с. 63 и сл.]. Растения, вода, животные призваны передать цветущее состояние природы, моменты, когда существа разного пола вступают в союз для продолжения жизни.

Авторы, на работы которых мы ссылались выше, связывали изображения на вазе с обрядом священного брака. Ряд соображений делают это предположение обоснованным. Одно из них — большое значение этого обряда в религиозно-мифологическом обосновании власти правителей в Месопотамии, а также в традиционной обрядности носителей производящего хозяйства.

Сейчас известно довольно большое количество текстов, связанных со священным браком, потому что начиная с правления царя III династии Ура Шульги (2093—2046 гг. до н.э.) их стали записывать как часть царского (коронационного?) обряда [Kramer, 1963; 1979; Afanasjeva, 1982; Alster, 1985]. Насколько можно судить по текстам, ритуал включал в себя торжественную процессию к храму во главе с царем, очищение храма и воздвижение алтаря богине, пиршество и собственно брак царя со жрицей богини. Все сопровождалось пением гимнов, музыкой и танцами. Сами тексты — не сценарии ритуальных действий и не инструкции жрецам; это диалоги Инанны и Думузи при участии других персонажей, происходящие во время встречи будущих жениха и невесты на улице или на пороге ее дома, выяснение их родственных связей; в них описываются принесенные Думузи дары, прославляется красота жениха и невесты, затем восхваляется их брачное соединение и блага, которые за всем этим последуют. Содержание текстов близко библейской «Песни песней», генезис которой С.Крамер прямо связывает с шумерской традицией.

И.М.Дьяконов так реконструирует главные моменты мифа и обряда Инанны и Думузи, одного из самых известных нам в месопотамской

традиции. За их любовным соединением следовало назначение судеб, затем — праздник по поводу брака, во время которого допускалась свобода общения представителей мужского и женского пола. В празднике участвовали ряженные персонажи, происходили соревнования и шуточные бои. Далее инсценировались преследование Думузи, его убийство и поминовение. Все завершалось ликованием по поводу возвращения Думузи из Преисподней; его должна была сменить там самоотверженная сестра [Дьяконов, 1990, с. 305].

Реконструируемый таким образом обряд подобен праздникам в честь умирающих и воскресающих богов природы, которые в «историческое» время осуществлялись в ходе календарных празднеств в разных государствах Передней Азии.

О цели брачного союза Инанны и земного правителя можно судить по тексту из Ниппура [Kramer, 1963]. Характерно его начало — жалобы Инанны ее «брату» на отсутствие растений. «Брат» приглашает ее в свои поля, которые именно она, как полагает С.Крамер, должна была сделать плодородными. Затем она приказывает земледельцу вспахать поле для ее избранника Шульги, который в ответ на это (примечательное «разделение труда»!) дарит полку семена. Далее в сохранившейся части Шульги обращается к богине с предложением сопроводить ее в свои сады, вероятно, с той же целью, что и в поля. Возможно, в прошлом и/или в низовой, собственно народной традиции, в местах с пышной растительностью осуществлялись обрядовые соединения мужчин и женщин, цель которых — стимулирование плодородия. В более «цивилизованных» условиях это могло превратиться в посещение полей, садов и т.д. царем и ритуальным заместителем богини.

Цель брачного соединения царя и богини [там же, с. 50] — благополучие всего космоса, как его представляли себе обитатели Месопотамии. Богиня в результате этого наделяет царя долгим и славным правлением над всеми землями от восхода до заката, она дает ему благословение сделать плодородными поля, умножить стада; под его властью станут полноводными реки, а в тростниковых зарослях по их берегам будут водиться птицы и рыбы. Степи будут изобиловать растениями, леса — оленями, дикими козами и другими животными. Брачный союз предстает как условие благополучия мира, более того, как его источник. Можно сказать, что брачащиеся порождают мир, а это соответствует шумерским представлениям, согласно которым именно благодаря браку богов и богинь рождены многие элементы мира, и сам он, и его основы — земля и небо.

Брачный союз с богиней сопровождался магическими действиями, должны были вызвать изобилие в разных проявлениях. Мифологический прототип царя — Думузи — подносит богине в качестве брачного дара молоко, масло, пиво, сливки, финики [там же, с. 495—497, 503—505]. В текстах подчеркивается, что богиня любит все это и сама (что естественно) способствует наполнению кладовых и изобилию стад. Так правитель — предстатель за свой народ — и божество реализуют принцип дарообмена и — уже — жертвоприношения: «даю, чтобы ты дал».

Обряд священного брака — один из путей легитимизации власти правителя, которая могла выступать только как связанная с сакральной сферой. Осуществлявшийся вождем-жрецом, а потом царем, обряд основан на действиях и представлениях земледельцев и скотоводов о том, что жизнь человеческих коллективов является неотъемлемой частью жизни природы в ее мифологических воплощениях. Благополучное течение событий в природе отзывается благополучием общества, и наоборот, люди способны вызвать плодородие полей, обилие плодов, осуществляя определенные действия. Фертильная сила людей воспринималась как действенная в космическом, с их точки зрения, отношении.

Обряды типа священного брака не были изобретением интересующей нас эпохи. Такие действия представляют собой элемент хозяйственных и других обрядов носителей не только производящего, но и присваивающего хозяйства. Сельскохозяйственные мифы и обряды — основа мироощущения, поэтому, по мнению И.М.Дьяконова, «обряды священных браков в широком смысле — вместе с сопутствующими им оргиями, процессиями, мистерией убиения бога и его оплакиванием, а затем ликованием по поводу его победы в той или иной форме — занимали, по-видимому, центральное место в религиях Нижней Месопотамии III и большей части II тыс. до н.э.» [Дьяконов, 1990, с. 287—288]. С не меньшей уверенностью можно говорить об этом же для более раннего времени. По всей вероятности, обрядовое сочетание мужчин и женщин происходило в хозяйственных ячейках в разные моменты хозяйственного года, как это известно из традиций земледельцев всего мира. Такие обряды были направлены на обеспечение благополучия своего коллектива, семьи, общины, но и в этих случаях в них вовлекались космические силы. Лидеры же больших сообществ принимали на себя ответственность за всех людей.

Роль жреца-вождя — участника обрядов, а позднее царя предстает как исключительно важная. Он может играть эту роль потому, что благодаря своим особым качествам избран людьми, но люди в этом избрании руководствовались указаниями божества. Благодаря союзу с божеством он получает свою власть. От Инанны ее избранник получает и инсигнии — трон, посох и скипетр, диадему [Kramer, 1963, СТ LXIII, № 4].

Приобщение к богине вызывает в вожде-жреце проявление качеств, более свойственных ей, а не ему. Поэтому, в частности, он и держит ветви¹¹ с восьмилепестковыми розетками — знаком богини (подобие выражения такой связи с возлюбленной или возлюбленным — ношение людьми европейской культуры Нового времени их портрета, пряди волос, в конечном счете — даже кольца).

Обряд священного брака как по месопотамским, так и по гораздо более общим свидетельствам о религиях и мифах Передней Азии исследователи считают частью сезонных празднеств. Г.Фрэнкфорт полагал, что брак и освобождение бога Думузи — два нераздельных события весеннего празднества [Frankfort, 1958, с. 295]. Много занимался изучением этого обряда Т.Якобсен, проявлявший особый интерес к его истокам, к шумерской древности. В своей интерпретации Т.Якобсен исходит из разделяемых им представлений о соотношении явления

(вещи) и его персонификации в сознании древних и их религиозной практике.

Он полагал, что обряд совершался в резиденции энов — гипаре, представлявшем собой хранилище. В его дверях Инанна встречает своего жениха: «У лазуритовой двери гипара она встретила эна, в узкой (?) двери хранилища, стоящего в Эанне, она встретила Думузи» [Jacobsen, 1970, с. 375]. Е.Якобсен считал, опираясь на тексты, что обряд священного брака совершали во время праздника урожая. Инанна, украшенная свежесобранными финиками, встречает жениха в дверях (открытие дверей невестой для жениха — главный символический акт свадьбы) [Greengus, 1966] гипара, где установлено ложе.

Думузи, или Амаушумгальанна, как он именуется в текстах, — первоначально олицетворение урожая фиников. Ама-ушумгал-ан-ак — «великое начало (букв. „мать“) финиковых гроздьев». Таким образом могли, как полагал Т.Якобсен, обозначать только «финиковую почку» или «сердце» финиковой пальмы, источник ее роста и плодоносности. Это понимание находит подтверждение в тексте, где «сердце финиковой пальмы» определяется как Думузи (*giš šà-gišimmar* ^dDumu-zi).

Т.Якобсен считал, что сначала Инанна отождествлялась с хранилищем фиников, с чем он связывал одно из ее имен — «Госпожа грозди фиников». Эта гроздь в его понимании — содержимое хранилища. Подтверждение Т.Якобсен видит в сценах на печатях, где встречающая вождя женщина изображена в воротах, по его мнению, хранилища; вместо нее могли помещать лишь символ ворот (столбы), что указывает на тождественность женщины-жрицы Инанны (т.е. самой Инанны) и ворот-хранилища.

Поэтому местопребывание эна в гипаре по крайней мере в Уруке Т.Якобсен объясняет тем, что это — хранилище, склад урожая первоначально фиников, а эн — человеческое воплощение порождающей силы, Думузи или Амаушумгальанны [Jacobsen, 1970, с. 376]. Исходя из этого время отправления обряда священного брака, по крайней мере первоначально, должно было приходиться на сезон сбора урожая фиников.

Широта значения образов и ритуальных действий этого обряда позволяет думать, что он мог совершаться в разных городах в разные моменты года. На каком-то этапе он стал одним из новогодних обрядов, момента, когда власть правителя, царя, как бы начиналась сначала, обновлялась. Указание на это — сведения о том, что в раннединастическое время Лугальанда считался лишь заместителем своего умершего в восьмом месяце года отца Энентарзи и только с нового года стал эном [Lambert, 1956, с. 85].

Столь важное место обряда священного брака в социальной жизни и в обосновании власти общественного лидера заставляет обратить пристальное внимание на первые свидетельства его актуальности. Самые ранние изображения, которые можно связывать с ним, известны на печатях-штампах из слоя урукского времени в Тепе-Гавре, слоя XI. На одном из штампов показаны два человека, сочетающиеся стоя, имитируя положение четвероногих животных [Tobler, 1950, табл. CLXIII, 86]. Их поза напоминает об ассоциациях участников позднейших обрядов свя-

щенного брака с быком и коровой [Kramer, 1963, ТМН, NF III, № 25]. Подобные изображения известны и на печатях раннединастического времени. Они указывают на один из аспектов значения обряда — магическое вызывание плодовитости животных.

На втором штампе два участника обряда переданы в сидячей позе, а по краю изображена змея — существо, связанное с символикой сексуальных отношений и плодородием [Tobler, 1950, табл. CLXIII, 87]. Весьма вероятно, что эта тема не была чужда гаврским печатям и предшествующей, убейдской эпохи и они неизвестны только из-за случайности. Предполагать это можно потому, что все прочие сюжеты печатей XI слоя имеют ранних, убейдских предшественников [там же, с. 175]¹².

* * *

Вождь-жрец на печатях и других, менее многочисленных изобразительных памятниках периода Урук—Джемдет-Наср постоянно выступает рядом с животными, находясь с ними в отношениях покровительства или агрессивного господства, как охотник. Образы животных занимают столь значительное место среди изображений на печатях, что их важность не может вызывать сомнений. Проблема их интерпретации непосредственно связана с изучением места и роли вождя-жреца и вообще носителей властных функций с точки зрения людей этого периода. Но предварительно необходимо сделать несколько замечаний о подходе к анализу значения изображений на печатях вообще. Дело в том, что, несмотря на многочисленность посвященных им исследований, принципы содержательного анализа остаются недостаточно разработанными. Среди существующих проблем — такая принципиальная для понимания их тематики, как соотношение образов глиптики и словесных текстов.

Долгое время доминировало представление, что изображения на печатях были более или менее точными иллюстрациями различных произведений, в том числе литературных. Так, Г. Фрэнкфорт, внесший много нового в формальный и содержательный анализ глиптики, исходил из того, что интерпретация изображения связана с поисками текста, который оно иллюстрирует, мифологического или обрядового [Frankfort, 1934; 1939]. Широко распространено представление об образах на печатях как символически изображающих богов или — но уже непосредственно в антропоморфном виде — известных эпических персонажей вроде Гильгамеша и Энкиду. В.К.Афанасьева, считающая, что, хотя «не может быть и речи о поисках прямых сопоставлений иллюстративно-го характера, можно говорить о каких-то единых, общих источниках как для памятников изобразительного искусства, так и для устных (позднее оформленных письменно) преданий» [Афанасьева, 1979, с. 70], сравнивает поиск «мифологического смысла изобразительной композиции» с расшифровкой билингвы. Первая часть — изображение, вторая — «мифологический или литературный рассказ, если мы сумеем его правильно подобрать» [там же, с. 7]. Недаром свою книгу она назвала «Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве». Действительно, невозможно отрицать существование связей между изобразительными и словесными

текстами, но вопрос в том, какого они времени. Тесные связи присущи искусству Нового времени, средневековья и отчасти античного мира. Но чем дальше в глубь времен мы удаляемся, тем все более непрямой, опосредованной становится эта связь. Словесные тексты имели особое назначение, изображения же наносили на вещи, обладавшие своим назначением, определенным местом в обряде или быту. Общее между ними лежало на глубинном уровне.

Более обоснованной представляется позиция П.Амье, неоднократно писавшего о глубокой независимости изображений на печатях от письменных текстов. Печати появились задолго до изобретения письменности, у них были свои объекты изображений и сюжеты, преемственно развивавшиеся в Месопотамии на протяжении не сотен, а тысяч лет. На независимость изобразительного репертуара глиптики указывает, в частности, то обстоятельство, что на печатях III тыс. до н.э. нет изображений такого множества богов, которое засвидетельствовано письменными памятниками [Amiet, 1977, с. 109—110].

Таким образом, можно предполагать соотнесение интересующих нас изобразительных текстов не с какой-то определенной группой словесных текстов, а с неким достаточно широким значением, инвариантом отношений, которые лежат в основе текстов разной знаковой природы — словесных, изобразительных, действенных. Известно, что способы передачи некоторого содержания, информации в изобразительных и словесных текстах различаются. Словесное описание изображения не исчерпывает его значения. Изображение способно возбудить в воспринимающем и нечто знакомое ему не на уровне ясного осознания; это происходит при самом активном участии эмоциональной сферы и образных ассоциаций.

При сопоставлении образов глиптики с мотивами, реализовавшимися в других текстах, мы обращаемся к лежавшей в их основе системе мировосприятия, к тем явлениям и отношениям, которые конструировали образ мира. О том, что именно к этой системе мы должны обращаться, свидетельствуют закономерности бытия текстов древней культуры, особенности мифологического восприятия мира. Рассматривая таким образом изобразительные тексты, мы можем обнаружить новые, неизвестные или плохо известные из письменных свидетельств стороны картины мира, в том числе связанные с определением места в ней человеческого общества вообще и разных социальных групп.

Как бы ни были жизнеподобны, «реалистичны» изображения на печатях, это внешнее подобие не должно нас обманывать. За ними стоит реальность, воспринимаемая через призму мифа. Мифологическая космология не только пронизывала сакральную сферу, выявляясь в обрядовых предметах и ритуалах, но и ощущалась в обычных вещах и действиях. А печати не были лишь простыми знаками собственности, они наделялись свойствами амулетов и талисманов, т.е. вещей сакральных. Поэтому изображения на них не могут рассматриваться как не имеющие отношения к мифологическому образу мира. Лишь осмыслявшееся с этой точки зрения, события и явления считались достойными изображения: «Разумеется, есть жизнь, исполненная „низких“ забот, злоба дня,

но она не входит в систему высших ценностей, она нерелевантна. Существовало, реально лишь то, что сакрализовано, а сакрализовано лишь то, что составляет часть космоса, выводимо из него, причастно к нему» [Топоров, 1973, с. 114].

Своеобразие изображений на печатях, их отличие от словесных текстов особенно ясно, когда обращаешься к фигурирующим на них персонажам. В глиптике конца IV тыс. до н.э. преобладают изображения животных; они остаются многочисленными и позднее. Хотя им принадлежит немалое место в мифах и обрядово-религиозной символике III тыс. до н.э., все же здесь действуют по преимуществу антропоморфные существа, боги, герои. Независимо от того, какими представляли их облик визуально, их действия — это действия антропоморфных существ, наделенных, конечно, особыми свойствами.

Говоря об исключительной важности роли животных в мифологии, В.Н.Топоров отмечает, что она определяется тем значением, которое имели животные для людей на ранней стадии развития, когда человеческое начало не стало еще осознаваться как своеобразное: «Животные в течение длительного времени служили наглядной парадигмой, отношения между элементами которой могли использоваться как определенная модель жизни человеческого общества и природы в целом (прежде всего в аспекте плодородия и цикличности)». И позднее они сохраняют значение, продолжая использоваться вплоть до средневековья в эпосе, аллегориях, баснях, притчах и т.д., следуя, разумеется, модифицированной архаической традиции [Топоров, 1980, с. 440]. Образы животных служили наглядным выражением различных явлений как в природе, так и в обществе. Они моделировали отношения, реализовавшиеся в обыденной и обрядовой практике, отношения между социальными группами, между «своими» и «чужими», наконец, между космическими силами.

Реальное поведение, внешний облик в какой-то степени объясняют причины того, почему люди останавливали свое внимание на тех или иных видах животных, птиц, насекомых. Но их восприятие всегда избирательно конструирующее, а не холодно фиксирующее. В образах животных и их поведении выявляется то, что важно для людей как членов определенного общества. Поэтому реальные свойства могут комбинироваться таким образом, что создававшаяся картина значительно отличается от той, которая существует в природе. (Ср. «расшифровки» изображений животных разных, а не одного вида в палеолитической живописи как знаков мужского и женского начала [Leroi-Gourhan, 1964].) Образы животных начинают играть роль символов, т.е. знаков, план выражения которых условен, не связан с планом содержания так, как знак-индекс или знак-указатель.

Было высказано предположение, что предпочтение образов диких животных в изобразительных традициях древних цивилизаций можно в общем виде истолковывать как следствие мифологизма, космизма их мировосприятия, стремление через эти образы передать мифологическую картину мира, в котором они моделировали природу в разных ее проявлениях [Антонова, 1987].

Говоря об убедских печатях Верхней Месопотамии, мы уже характеризовали изображавшихся на них существ, среди которых абсолютно преобладали животные. Отношения между участниками таких сцен почти не выявлены, хотя поза антропоморфного существа предполагает, что оно выступает в качестве защитника животных. Вероятно, прав П.Амье, считая, что они были связаны с магическим призыванием изобилия [Amiet, 1961, с. 188]. В то же время нельзя забывать, что печати были и знаками социального положения, поэтому изображения на них не могли быть безразличны к отношениям разных общественных статусов.

Уже на этих печатях с фигурами травоядных животных соседствуют крупные собаки и хищники, хотя отношения между ними пока не выявлены. В урукское время наряду с распространенными «шестивиями» животных (преобладают козы или овцы), чередующимися с изображениями сосудов [там же, № 171—175], появляются и сцены нападения хищников на травоядных [там же, № 176—178, 182, 194]. Если прежде изредка изображали травоядное животное около растения, которое, очевидно, служило ему пищей, то теперь появляется новый мотив: травоядные являются добычей хищников. Хищники в основном представлены львами, травоядные — козами или овцами, реже — быками и коровами.

Сочетание изображений травоядных животных около растения или сосуда и постройки, очевидно сакральной [там же, табл. 23—24], связано с идеей жертвоприношения, принесения животных в дар богам [Антонова, 1984, с. 168—170]. Образы размножения (на одной из печатей можно видеть несколько животных разного пола, стоящих около растений рядом с постройкой) также призваны выразить эту идею, поскольку кормление богов возможно лишь при условии изобилия животных, а оно зависит от благотворного вмешательства богов. Примеры этого мы видели в обрядах и текстах священного брака. Мотив смерти одних существ, населяющих мир, соседствует здесь с мотивом рождения других, растения гибнут, чтобы жили животные, а те служат пищей хищникам и божествам.

Для представлений о мире существенно семантическое сближение процесса поедания и оплодотворения. Весьма вероятно, что и это передается полисемантическим образом травоядного животного мужского пола, вставшего на дыбы около растения. Особенно часто изображается козел [Amiet, 1961, № 427]; более поздние изображения такого рода — известные фигурки «козлов-вожаков», как их назвал Л.Вулли, из «Царского некрополя» Ура. В календарных обрядах различных народов энергия плодородия, содержащаяся в растениях и животных, проявляется как способная оказывать воздействие на существо, с нашей точки зрения совершенно иной и особой природы [Антонова, 1984, с. 109 и сл.]. Мотив плодоносного сочетания — поедания животным растения звучит в мифах об Энки (интерпретацию см.: [там же, с. 114—115]), а в одном из хеттских текстов прямо говорится о сексуальных отношениях животных и растений [Ардзинба, 1977, с. 123]. На это же значение мотива травоядного около растения указывают и изображения, в которых

на месте последнего помещены вертикально поднявшиеся перевитые змеи — образ coitus'a. Дерево и змея семантически близки (достаточно вспомнить облик бога Нингишзиды).

Тема поедания одних существ другими, по всей вероятности связанная с представлениями о миропорядке, об отношениях, лежащих в основе мира, в изобразительных памятниках Месопотамии появилась гораздо раньше урукского периода. Уже на блюдах самаррской культуры (см. рис. 5), в конце VI тыс. до н.э., изображали оленей с растениями во рту и птиц с рыбами в клювах [Herzfeld, 1930]. Здесь встречаются и скорпионы — существа, в позднейшей традиции связанные с сексуальной энергией, а значит, с изобилием. Многозначительна композиция самаррских изображений: они образуют свастику, динамичную фигуру, весь облик которой выражает движение, изменение (хотя и повторение одного и того же). Но на этих блюдах не изображали хищных животных. Относительно редко хищники встречаются на сосудах халафской культуры — это пятнистые кошачьи. Но ни здесь, ни в других раннеземледельческих поселениях, где изображения хищников могли быть довольно многочисленными (особенно примечателен в этом отношении Чатал-Хююк), они не показаны терзающими другое существо. На сосуде из Телль-Арпачии и на стенах чатал-хююкских обрядовых построек хищные звери предстают как противники людей, как участники охоты, но не как находящиеся в отношениях с существами своего, природного мира. Они противостоят людям, моделируя отношения человеческого общества и природы, мира человеческого и нечеловеческого. Конфликты же в мире природы рисуются как относительно мягкие, некровавые. Тема терзания одних зверей другими, несомненно известная людям, по какой-то причине не воспринималась ими как достойная изображения.

В текстах целостного общества, каков бы ни был их язык, реализуется образ мира, т.е. природы и общества. Характер изобразительных текстов позволяет заключить, что мотив агрессии, хищного присвоения одними существами плоти и жизни других, не был для их создателей актуален. Эта мысль может быть выражена более осторожно: такой мотив бытовал, но не считался одним из определяющих существование мира (включая, естественно, и общество). Поскольку люди смотрят на мир глазами породившего их общества, приходится делать вывод, что его строй не давал оснований воспринимать мотив терзания как пригодный для моделирования.

Это положение должно было измениться, когда общество потеряло целостность, когда процессы дифференциации достигли такого уровня, что стали объектом осмысления, воплощения в разных текстах, в том числе изобразительных. Одним из выражений потребности воплотить усложнившийся образ мира стали изображения гораздо более разнообразных животных, появление существ смешанной природы и демонстрация отношений между ними. Появление сцен нападения хищников на травоядных можно, таким образом, объяснить тем же, чем объясняют, например, формирование скифского звериного стиля: «Прямым следствием... социальных процессов должно было неизбежно явиться и воз-

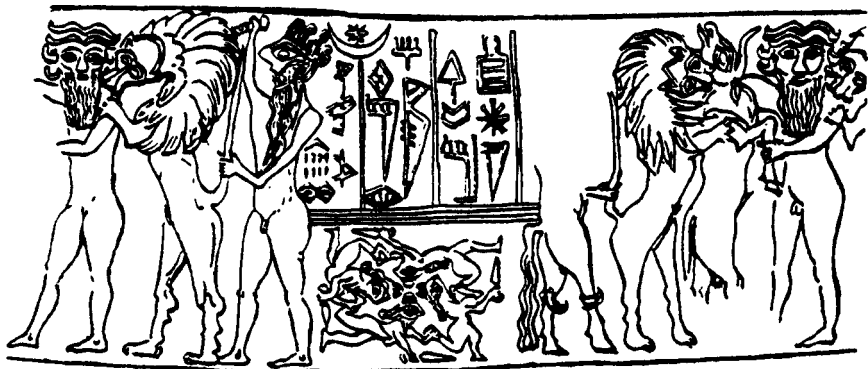

Рис. 17. Изображение на раннединастической печати из серии «фриз сражающихся»

никновение острой потребности в создании визуальной знаковой системы, способной достаточно наглядно выражать представления о строении иерархически организованного социального космоса и о месте каждого индивида или определенной группы в этом космосе» [Раевский, 1985, с. 92].

Хотя мотив борьбы, схватки различных животных при участии мифологических существ в образе людей или смешанных персонажей появляется в период Урук—Джемдет-Наср, особенно популярным он становится в Раннединастический. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть его значение сначала на примере этих относительно «многословных» текстов.

Такие композиции получили условное название «фризы сражающихся». В них нагой персонаж со стилизованными кудрями или без них показан в позе «хозяина» (защитника) быков или козлов, на которых нападает лев. Его союзник — существо с чертами человека и быка [Amiet, 1961, табл. 64—72]. Этот последний может наделяться и признаками скорпиона [там же, № 941] или держать змей [там же, табл. 72 bis, H], что указывает на его связь с хтоническими силами, областью плодородия, размножения через отношения разных полов. Примечательно, что и мотив нападения хищников на травоядных может включать изображения существ разного пола и живых существ-символов сексуальных отношений. Так, на печати эпохи «Царских гробниц» Ура сцена нападения льва и львицы на разнополых копытных сопровождается фигурами змеи и скорпиона [там же, № 995]. На печатях с двухъярусным изображением мотив нападения хищников на травоядных и их защиты мифологическими персонажами сочетается с изображением спаривающихся животных, рядом с которыми помещен персонаж, простирающий руку жестом защиты к коровам [там же, № 1002].

В.К.Афанасьева видит в этих сценах передачу «охотничье-скотоводческих» мотивов, популярных в литературных произведениях шумеров [Афанасьева, 1979, с. 64 и др.]. Нам кажется, что и в этом случае внеш-

няя форма изображений не должна отождествляться с их содержанием, которое скорее всего было разносторонним. Нет сомнений, что этот мотив связывался с мифами и обрядами, но его можно и должно поставить и в определенный социальный и идеологический контекст. Общество же Раннединастического периода нуждалось в передаче формально «охотничье-скотоводческих» мотивов не потому, что состояло из охотников и скотоводов.

Правомерным представляется мнение П.Амье, рассматривавшего эти сцены как выражение конфликта, который не только шумеры, но и преемники их культуры считали лежащим в основе мира. Животные персонализировали его элементы; при этом основанием для таких знаковых отношений отчасти служили места обитания тех или иных животных, птиц, насекомых, их внешний вид, «голос» и т.д.: бык символизировал гору, орел — грозовую тучу, змея — нижний, хтонический мир. Человекоподобный герой, известный на раннединастических печатях, олицетворял в глиптике более позднего, Аккадского периода воды бездны [Amiet, 1977, с. 112].

Изображения на печатях и аккадского времени, среди которых систематически встречаются антропоморфные божества, П.Амье не считал возможным связывать с мифами непосредственно: он видел в них сцены, символизирующие годовые изменения в природе. Так, поражение человекоптицы (часто с растением в руке) в борьбе с другими мифическими существами он не связывал с мифом о птице Зу, а считал его передающим гибель растительности под воздействием палящего летнего солнца. Этой теме летней гибели противостоит тема великого весеннего возрождения природы: на широко известном цилиндре Адды рядом с живым растением на горе изображены божества солнца, воды, грозовой тучи и др. [там же, с. 113].

Кажется справедливым мнение П.Амье, что образы животных были полисемантическими: например, бык-гора был связан и с представлением о плодородии животных. Мир предстает как организация его персонализированных элементов, борющихся, возрождающихся и гибнущих в ходе сезонных изменений [Amiet, 1961, с. 188]. Весьма вероятно, что изображения отдельных животных и сцены разного рода столкновений с ними могли соотноситься и с такими важными определителями смены периодов, как движения светил, в том числе созвездий. К сожалению, в настоящее время образы животных с этой точки зрения практически не изучены.

В отличие от древнейшей глиптики, где изображения человекоподобных существ играли небольшую роль, на печатях конца IV—III тыс. до н.э. эти персонажи встречаются постоянно. Их место становится со временем все более значительным, они возвышаются над событиями, смотря на них сверху, как бы играя роль гармонизирующего центра. Такого рода изображения известны и на обрядовых сосудах.

Особый интерес представляет рельефное изображение на сосуде из долины Диялы середины III тыс. до н.э. [Frankfort, 1977, с. 41, рис. 32—33]. На нем помещено несколько явно семантически связанных композиций. В центре одной — сидящий на пятках персонаж в короткой юбке,

Рис. 18. Развертка изображения на стеатитовом сосуде из долины Диялы

с длинными волосами. Он держит в руке водный поток (или два потока?), к которому обращены головы стоящих хвостами друг к другу быков зебу. Перед лицом персонажа изображена шестилепестковая цветочная розетка. В центре другой композиции этот же персонаж (перед его лицом снова находится розетка) уже не сидит, а стоит, держа двух извивающихся змей с раскрытыми пастьми. Под ними хвостами друг к другу, как и быки, располагаются безгривые львы, вероятно львицы. Если в первой композиции центральный персонаж выступает как кормилец, податель пищи травоядным животным, то во второй он — «хозяин» зверей, как будто подавляющий их. В обоих случаях вода и змеи, вероятно, близки по значению — они принадлежат хтонической сфере, являются знаками плодородия.

Далее, справа от львицы изображены хищная птица и явный лев с пышной гривой, терзающие поваленного зебу. Между этой композицией и предшествующей ей находится скорпион. Это существо, символизирующее сексуальную энергию, вероятно, помещено здесь не случайно. Еще дальше, между последней и первой композицией, т.е. под фигурой льва и перед мордой зебу, изображено растение с раскидистой кроной, по сторонам которого стоят животные плотного сложения, более всего похожие на медведей.

Изображения на этом сосуде можно рассматривать как передающие динамичную картину мира, в основе которой лежат образы изобилия, пищи, смерти и жизни. Живые существа моделируют его зоны: верх (птица), середину (травоядные и, возможно, львы) и нижнюю, хтоническую зону (змеи). Птица и змея, предположительно и лев, могли выступать как посредники, медиаторы между мирами, которым они по преимуществу принадлежат, а средним миром; землей.

Над всем доминирует фигура мифического персонажа, контролирующего отношения между элементами мира. Если этот персонаж — бог, то он уже не имманентен явлению природы, а отделен от него, почему и передается антропоморфически. Но какое бы мифическое существо ни передавал этот персонаж, он, как и рассматривавшиеся нами прежде образы печатей, связан с вождем-жрецом, участником обрядов, в которых также реализовался образ мира.

Такая интерпретация образов животных и мотива схватки, борьбы, поедания одних другими находит подтверждение в текстах на других, с семиотической точки зрения, языках. Ритуальные и/или шуточные поединки людей и животных — момент сезонных праздников многих народов [Антонова, 1984, с. 186]. Драматически представленная битва богов

была, в частности, одним из элементов новогодних обрядов в Вавилоне [Jacobsen, 1961, с. 273]. В словесных текстах аналогом борьбы являются диспуты или споры¹³. Именно такую форму имели многие шумерские этиологические мифы. В них божества, персонифицирующие времена года («Эмеш и Эnten»), разные занятия (божества земледелия и скотоводства, Ашнан и Лахар, пастух Думузи и земледelec Энки-имду), орудия (мотыга и плуг) и т.д., выясняют, кто из них важнее [Афанасьева, 1973]. Особенность этих споров — признание в большинстве их равноправия, равной значимости сторон, одинаково важных для общества и богов, т.е. космоса в целом. В связи с этим представляет интерес изображение на печати из Суз, где львы, попирающие быков, чередуются с быками, попирающими львов [Amiet, 1961, № 585]: олицетворения предполагаемых космических сил предстают как равноправные.

* * *

Тема схватки, борьбы, как и мотив священного брака, разумеется, не была изобретением людей Протописьменного периода. Она — наследие далекого прошлого, обрядов и представлений, присущих людям, вероятно, с древнейших времен существования культуры вообще. В этой теме видится проявление базисного для культуры человечества игрового начала, столь полно и разносторонне проанализированного Й.Хейзингой [Хейзинга, 1992]. В контексте нашего исследования нам важно выяснить, какие обертоны приобрела эта тема в конкретных условиях, в пору сложения государства в Месопотамии.

Итак, возможно, сцены борьбы, схватки, нападения одних животных на других связаны с космологическими представлениями. Знаменательно, что они появляются в ту же эпоху, что и изображения вождя-жреца, в позднеурукское время. Это не случайное совпадение, а результат потребности выразить новые, более сложные общественные отношения. Образы животных соотносились не только с явлениями природы, но и с социальными группами и отдельными их представителями. Мы уже говорили, что вождь-жрец ассоциировался со львом, который, однако, редко выступает как его противник и жертва. Излюбленным знаком героев, правителей и богов был не хищный лев, а более мирный, хотя и мощный бык. В эпитетах царей фигурируют и бык, и хищник. Так, в гимнах времени III династии Ура царь Шульги называется «отпрыском, рожденным быком», «теленком белой коровы», «царем, рожденным дикой коровой, вскормленным сливками и молоком». В то же время он — «яростная пантера, вскормленная жирным молоком», «толсторогий бык, рожденный огромным львом», «могучий герой, рожденный львом» [Kramer, 1974, с. 167]. Царей часто именовали и драконами (ušumgal); Шульги, в частности, называли «драконом с львиным лицом» [там же, с. 171—172].

На печатях мир, в котором действует вождь-жрец, и мир, в котором существуют животные, — это один и тот же мир. В его основе — борьба разных начал, пожирание одних существ другими и новое рождение. Деятельность вождя-жреца вплетена в жизнь космоса; более того, он

выступает как его центр, на что прямо указывают такие изображения, как уже упоминавшееся, где он отождествляется с растением [Amiet, 1961, № 636—В]. Подобно всем архаическим царям, он был, с точки зрения общества, «участником космологического действия, а не исторического процесса; его роль в обществе определялась его космологическими функциями, сходными с функциями других сакральных представителей „центра мира“ (мировое дерево, мировая гора, божество, трон и т.п.)» [Топоров, 1973, с. 115].

Деятельность вождя-жреца космична. Так, вступая в священный брак с богиней во время сезонного праздника, он участвует в обновлении мира. Вождь-жрец, как и позднейшие цари [Frankfort, 1958, с. 3], предстал перед людьми как участник космических событий, он был гарантом существования, защитником, «добрым пастырем». Характерно прозвание одного из лугалей — правителей III тыс. до н.э.: lugal-ḫegal — «вождь, [приносящий] процветание» [Kramer, 1979, с. 57—58].

Весь репертуар изображений на печатях соответствует представлениям о таком мировом порядке, где неизбежны борьба и существование одних за счет других, но эти отношения находятся в равновесии, благодаря чему мир и может существовать. Боги определили всем и всему то место, которое они занимают: один ест траву, а его мясо употребляют в пищу, другой обрабатывает землю, а кому-то выпадает судьба управлять городом — поместьем бога. В иерархически организованном мире люди, человеческое общество занимали определенное место. О том, каким оно было, пойдет речь дальше.

НАЗНАЧЕНИЕ ЛЮДЕЙ

Одна из интригующих проблем истории формирования первых государств — реконструкция в складывающихся здесь идеологических системах концепций, которые помогали убедить людей не только работать для удовлетворения своих потребностей, потребностей своих семей, но и участвовать в работах, результаты которых были неочевидны, должны были сказаться на их благополучии лишь в отдаленном будущем, а то и не сказаться вообще.

Современные данные о структуре общества Нижней Месопотамии второй половины IV — первой половины III тыс. до н.э. свидетельствуют, что не труд абсолютно бесправных рабов обеспечивал существование общества. Напротив, это был труд так или иначе зависимых людей, но не «говорящих орудий». Естественно предположить, что должны были существовать средства, заставлявшие их работать добровольно для того, чтобы создавать излишки, которые разными способами у них отчуждали. Очевидно, процессы общественной дифференциации и ее осмысления были параллельными, но письменные свидетельства на этот счет дошли от значительно более поздних времен. Однако мы располагаем изображениями на печатях — поистине неисчерпаемым источником сведений о самых разных сторонах жизни обитателей Месопотамии.

Среди изображений на печатях периода Урук—Джемдет-Наср и культурно связанных с Нижней Месопотамией Суз (период С) существует группа, представляющая интерес для данной темы. Это штампы и цилиндры с изображениями так называемых «сцен повседневной жизни», как их именует, в частности, П.Амье, поскольку они внешне не связаны с культовыми действиями. Изображения отличает поразительный для столь раннего времени «реализм», тематическая широта; впервые, по словам А.Парро, объектом изобразительного искусства стала не только охота, но и жизнь человека в различных проявлениях, сводящаяся к двум вечным темам — война и мир [Parrot, 1953, с. 243]. Не будем заблуждаться: мы уже видели на примере печатей с изображениями как будто сугубо «практической» деятельности вождя-жреца — этот реализм обманчив.

П.Амье, как и большинство исследователей, считает, что «сцены повседневной жизни» отражают реальную действительность. Характеризуя печати из Суз С (период Протоурбанистический II), он выделяет несколько тематических групп изображений, одни из которых более, другие менее многочисленны [Amiet, 1972, с. 78—81]. К многочисленным относятся сцены охоты, пастьбы скота, различные действия с сосудами, осуществляемые гончарами или работниками хранилищ. Довольно часто встречаются изображения многокупольных построек, предполагаемых зернохранилищ, с людьми около них. К числу нередких принадлежат изображения ткачей у станка. В то же время редки изображения полевых работ и действий, проводящихся около построек, которые идентифицируются как храмы.

По замечанию П.Амье, ни в одну другую эпоху истории на Востоке люди не изображали на печатях сцены труда столь часто [там же, с. 83]. Интерес к этой теме связан с тем, что такие печати создавались в эпоху сложения первых городских цивилизаций и именно горожанами, поэтому на них столь редки изображения труда земледельцев. На печатях можно видеть сцены работы ремесленников и строителей, людей, как будто вообще не производивших продукты питания [там же]. Примечательно, что в Месопотамии печати с такими изображениями выполнены бутеролью. Легкость изготовления предполагает их массовый характер. По мнению П.Амье, эти печати принадлежали пастухам и ремесленникам [Amiet, 1961, с. 103]. Изображения на них он не считает связанными с религиозно-мифологическими представлениями и культом.

В то же время среди персонажей как будто реальных сцен обнаруживаются и такие, которые указывают на иные смысловые перспективы. По признанию самого П.Амье, трудно объяснить присутствие рядом с глиняными сосудами животных, в том числе фантастических [там же, № 643—645]. Так, встречаются изображения львов в геральдических позах, сидящих по сторонам сосуда, или фантастических зверей с длинными переплетенными шеями, которые чередуются с сосудами и людьми. Некоторые образцы демонстрируют еще более отдаленные на первый взгляд сочетания: сидящие около сосудов фигуры соседствуют с изображениями быка на горе, козлов, быков, скорпионов [там же, № 312, 315, 317, 328]. На одной сузской печати персонаж, сидящий возле дву-

1

2

3

4

5

Рис. 19. Изображения на печатях из серии «сцены повседневной жизни»

ручного сосуда, находится рядом с женщиной в эротической позе, с разведенными в стороны ногами, простирающей руки к стоящим по сторонам козам. П.Амье определяет ее как «хозяйку зверей» или жрицу, играющую ее роль [Amiet, 1972, с. 78]. Такие композиции заставляют предполагать и другие возможности понимания некоторых «сцен повседневной жизни», в частности тех, где изображены люди с сосудами. Г.Фрэнкфорт допускал интерпретацию их как изображений людей, очищающих сосуды для культовых процедур, т.е. рассматривал их как сокращенный вариант более развитых сцен приношения [Frankfort, 1939, с. 37]. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что из многих видов ремесленной деятельности резчики печатей избрали объектом изображения гончарство и ткачество.

«Сцены повседневной жизни» не помещаются исследователями в контекст мифа и ритуала, за исключением тех случаев, когда на это дают прямое указание сами изображения. Такой подход — неизбежное следствие «дифференцированного» понимания содержания изображений на печатях. В соответствии с ним Г.Фрэнкфорт различал в досарго-

новской глиптике сцены культового характера и «светские» [там же, с. 22], а А.Парро делил изобразительные памятники того же периода на исторические и мифологические на том основании, что на первых нет изображений богов [Parrot, 1953, с. 258]. В таких разделениях есть доля истины, но они справедливы лишь при характеристике памятников с формальной, а не с содержательной стороны. Напомним, что древние осмысливали события своей жизни и свою историю с точки зрения мифа и ритуала. Разумеется, объекты их изображений соотносились с религиозно-мифологическими представлениями и культовыми действиями с разной степенью непосредственности. События жизни людей и сцены, участниками которых являются мифологические существа и боги, образуют полюса наибольшей и наименьшей отдаленности от религии и мифа, но и те и другие соотносятся с ними. Понимание образов глиптики как системы, отдельные элементы которой, несмотря на конкретные особенности, имели в конечном счете некое общее содержание, актуальное для культуры и соответствующее характеру мировосприятия ее носителей [Антонова, 1981], позволяет предполагать мифологическую соотнесенность и самых с современной точки зрения бытовых сюжетов.

Жизнеподобие персонажей, профанный характер их деятельности не должны останавливать наши попытки увидеть за ними те перспективы смысла, которые и заставляли древних избирать для изображений определенные моменты своей жизни. По поводу тематически близких «сценам повседневной жизни» изображений на стенах египетских гробниц О.Д.Берлев писал: «В гробницах египетские художники создавали мир, основанный на безусловном и верном отражении действительности, но не исчерпываемый ею и не объясняемый только на ее основании... Воспринимая объективное как данное, египтяне были серьезно озабочены субъективной стороной дела, не учитывая которую современный исследователь не только не может понять соответствующие тексты... но и проходит мимо важного историко-культурного явления...» [Берлев, 1978, с. 18].

Изображения на печатях были не простыми знаками, указывающими на своего владельца. Печати служили не только знаками собственности, но и амулетами и талисманами. Нанесение их оттисков имело отчасти магический характер и может быть уподоблено молитве в визуальной форме. Изображения на печатях связаны с образами мифов и религиозного культа, поэтому внешне профанный характер деятельности людей не должен закрывать ее истинное значение, каким оно рисовалось современникам, — она не могла не принадлежать к сфере сакрального.

О подлинном значении отдельных как будто профанных сцен позволяют судить случаи, когда они составляют часть более развернутых композиций. Так, мотив ухода за стадами сочетается с изображениями сакральных построек; есть изображения людей, рыхлящих землю мотыгами, но персонаж с земледельческим орудием, серпом с характерным зубчатым лезвием, может изображаться и перед храмом [Amiet, 1961, № 672].

Та же тенденция рассматривать любой сюжет сквозь обрядово-мифологическую призму характерна и для раннединастической глиптики, где изображения более развернуты. Например, распространенные в это время сцены священной трапезы сопровождаются идущими или стоящими животными, терзанием хищником травоядного или «спором» за травоядное антропоморфного персонажа и хищника, изображением носителей даров и т.д. [там же, № 1158—1164, 1179, 1180, 1183, 1184, 1186—1188 и др.]. Здесь различные сцены, которые могли быть и самостоятельными, объединены таким образом, чтобы выразить идею сопричастности их обряду.

Итак, все известное нам о печатях позволяет думать, что «сцены повседневной жизни» соотносились с религиозно-мифологическими представлениями. Цель изображавшихся действий — приношение богам. Такое понимание конечного смысла человеческой деятельности, вероятно, объясняет предпочтение изображать сцены ухода за скотом и какие-то операции с сосудами, быть может их изготовление: скот и сосуды разных форм — наиболее распространенные приношения богам, изображавшиеся на печатях.

В Месопотамии существовали мифы, объясняющие, для чего люди были созданы богами. Они сохранились в записях не старше начала II тыс. до н.э., на основании чего И.М.Дьяконов сделал вывод, что содержащаяся в них «теория» о предназначении людей служить богам сложилась в период III династии Ура, когда усилилась царская власть и достигло расцвета бюрократическое хозяйство [Дьяконов, 1959, с. 261].

По мнению И.М.Дьяконова, «теория, согласно которой единственным назначением людей, ради которого они и созданы богами, является обслуживание культа жертвоприношениями и трудом», получила распространение в XXII—XX вв. до н.э., т.е. в то время, когда жречество заняло важное место в бюрократической системе [там же]. В работе 1983 г. речь идет уже не о распространении, а о возникновении этого «учения» [ИДВ, 1983, с. 280]. И.М.Дьяконов отметил, что все тексты, разбираемые А.И.Тюменевым в статье о мифах, содержащие упоминание этой «теории», не старше начала II тыс. до н.э. [Дьяконов, 1959, с. 261, примеч. 47]. Однако нельзя не согласиться с А.И.Тюменевым, считавшим, что относить формирование этих мифов следует к более раннему времени (он полагал, что к III тыс. до н.э.) уже потому, что они написаны в большинстве случаев на шумерском языке или параллельно на шумерском и аккадском [Тюменев, 1948, с. 14].

Анализ изображений на печатях показывает, что этот мотив был актуален и более чем за 1000 лет до его письменной фиксации. Вероятно, он не был изобретением жрецов III тыс. до н.э., а утвердился в пору сложения государственных образований. Тогда и должен был сформироваться миф об обязанности людей по отношению к богам, обосновавший необходимость трудиться сверх собственных нужд, направляя излишки и сам труд храмам. Это было необходимо делать, потому что все, принадлежащее людям, происходит в конечном счете от богов — благодаря им они получают урожай, имеют детей, избавляются от болезней и т.д.

Согласно шумеро-вавилонским мифам, люди были созданы богами для того, чтобы работать, обеспечивая их пищей, одеждой, жильем [Тюменев, 1948; Крамер, 1965, с. 132—134, 176; Франкфорт и др., 1984, с. 172]. Люди, однако, имели на этом поприще предшественников: ими были сами боги, которые и после создания людей остались покровителями земледелия, ткачества, скотоводства — вообще всех видов деятельности согласно установлениям высших богов, в частности Энки [Крамер, 1965, с. 117 и сл.]. Повседневная работа предстает как служение богам, ее смысл — принесение жертвы. Люди находятся с богами в отношениях дарообмена.

Необходимость отдавать часть произведенного вне- или сверхчеловеческим силам не была, как и другие идеи, совершенно новой: обряды, в которых люди приносили некоторое количество продуктов земледелия и скотоводства, а еще раньше — часть охотничьей добычи духам, «хозяевам» природных локусов, предкам, существовали и прежде. Однако происходило это в иных формах, чем в интересующее нас время. Прежде дары, в частности продукты питания, потреблялись участниками трапез, среди которых, по их представлениям, могли присутствовать и те, кому подносили дары. Теперь характер даров и форма их передачи изменились. Они стали очень разнообразными, включали продукты деятельности всего общества. Их направляли богам через посредство специально выделенных лиц — представителей администрации, жрецов. Связи в обществе потеряли прежнюю непосредственность, усложнились и связи членов общества с богами.

Тематика изображений на печатях периода формирования государственных образований отличается ярко выраженными особенностями. Здесь важное место занимают сцены внешне обычной, профанной деятельности. Центральный персонаж — вождь-жрец. Глиптика свидетельствует о том, что в это время сформировались новые представления о месте в мире общества в целом и отдельных его групп. Общество утратило прежнюю целостность. В нем создается идеология, в которой труд земледельца и скотовода, ремесленника и строителя, действия вождя и жреца рассматриваются как необходимые для существования мира. Исполнители работ — люди, показанные часто группами, а не поодиночке; это позднее правитель стал практически единственным членом общества, достойным предстать божествам. Очевидно, что эта особенность отражает специфическую социально-экономическую ситуацию Нижней Месопотамии и культурно близкой ей Сузианы периодов Урук и Джемдет-Наср. В это время классовая дифференциация была еще относительно слабой, большое значение сохраняла община. Уже в раннединастическое время количество изображений на эту тему уменьшается, а позже они исчезают вовсе.

Высокий престиж труда невольно вызывает в памяти сравнение с религиозным отношением к труду, присущим протестантской морали в гораздо более позднем и, конечно, совершенно ином, буржуазном обществе. Создатели городской цивилизации, если судить по печатям, проникнуты сознанием значительности своего места в мире. Возможно, правомерно мнение П.Амье [Amiet, 1972, с. 83] о том, что первые горо-

жане считали свою роль более важной, чем та, которую играли обитатели деревень. Такое мнение позднее прозвучало в эпосе о Гильгамеше, в котором противопоставляются жизнь горожанина и обитателя степи, пастуха, город и неупорядоченное пространство.

* * *

Современные теории возникновения социального и экономического неравенства, формирования государства, внесли коррективы в традиционные марксистские положения. В соответствии с ними власть господствующего слоя коренится в эту эпоху в контроле не над средствами производства, а над ресурсами в широком смысле. Ресурсы эти не только материальные; среди них и такой «ресурс», как идеологическое обоснование власти. Оно позволило отчуждать труд. Поэтому, например, то обстоятельство, что перуанский Инка считался воплощением бога солнца, предлагается рассматривать не как явление надстройки, а как существенный момент его власти. Таким образом, марксистский взгляд, видящий источник власти вождей и царей только в собственности на средства производства и не придающий большого значения идеологическому обоснованию власти (а также владению предметами роскоши), искажает природу неравенства не только в раннеклассовых, но и в докапиталистических обществах вообще [Kipp, Schortman, 1989, с. 379].

Консервативность идеологических установок, присущая традиционным обществам, в том числе обществу Месопотамии, на основании позднейших свидетельств позволяет представить себе некоторые моменты первоначального состояния. Конечно, необходимо учитывать, что эти свидетельства понимания власти царя не могли не отличаться в какой-то мере от тех, которые были свойственны восприятию власти вождя-жреца, когда она только стала социальным институтом.

С.Крамером были проанализированы царские гимны, записанные в 2100—1600 гг. до н.э. [Kramer, 1974]. Среди них особенно многочисленны те, что связаны с царями III династии Ура (Урнамму, Шульги), царями династии Иссина и Ларсы (Иддин-Даган, Ишме-Даган, Липит-Иштар, Рим-Син). Все, что говорится о царях, имеет целью обоснование их власти, их особого, высшего среди смертных положения. Одно из этих обоснований — происхождение царей.

Родители царя — человек и бог. В одном гимне говорится, что Шульги и Урнамму родились в Экуре, святилище Энлиля в Ниппуре. Энлиль считался отцом большинства царей династии Иссина [там же, с. 163—165]. Очевидно стремление царей связать свою власть с древнейшим центром объединения по крайней мере части шумерских земель. Трудно сказать, было ли происхождение от сверхъестественного родителя (или родителей) одним из оснований для избрания лидера в период Урук—Джемдет-Наср. Не исключено, что родство с общезначимыми мифологическими персонажами, предками-первопоселенцами или богами-покровителями социально выдвинутых общин могло играть роль при их избрании.

В этих гимнах само появление царя на свет вызвано необходимостью его царствования. Вряд ли такая концепция могла бытовать тысячелетием раньше. Другое дело — назначение власти вообще, ее место в космосе. То, что говорится о сакральной роли царей, находит соответствие в том, как рисуется роль вождя-жреца по изобразительным памятникам более раннего периода. Цель правления Шульги — наполнение амбаров страны зерном, а хранилищ — всеми видами припасов; он наполняет ловушки охотников на птиц и рыболовов. Благодаря ему скот дает в изобилии молоко и сливки, чтобы бог Нанна мог принести первины Энлилю в Ниппуре. Наконец, царь — носитель справедливости, борец с угнетением [там же, с. 165].

Вероятно, такое понимание роли власти существовало и в интересующее нас время. При этом вождь-жрец (наряду с другими функционерами) мог обеспечивать все это, потому что, подобно позднейшим царям, он знал, как служить богам, мог отправлять обряды, приносить разнообразные жертвы. Он вступал в брак с богиней, как позднейшие цари — с Инанной. Возможно, хотя для этого существовали и особые люди, он мог понимать оракулы и играл определенную роль в избрании жрецов (Шульги выбирал эна, а также *lu-maḥ nin-dingir* для гипара [там же, с. 174]).

Подобно позднейшим царям, вождь-жрец, пусть выборный на определенный срок, в силу своего положения представляет за всех людей перед богами. Сокровища, находящиеся в его распоряжении, должны служить общему благополучию: так, часть погребального инвентаря правителей предназначалась богам и обитателям Мира мертвых для обеспечения благополучия живых [Антонова, 1990, с. 114].

Нам представляется, что не следует недооценивать кардинальности тех перемен, которые произошли в Нижней Месопотамии во второй половине IV тыс. до н.э., в период формирования раннегосударственного общества. Все происходящее в это время — сложение городов, появление письменности, рост роли храмов — безусловных центров общественной жизни, усложнение социальной структуры и организации хозяйственной деятельности (в связи с этим достаточно напомнить, что ко времени Урука IV относится развитая номенклатура должностей и профессий, насчитывающая более 100 названий, остающихся, к сожалению, малопонятными [Вайман, 1976, с. 583]) — позволяет думать, что в сознании общества происходили серьезные перемены. Именно в это время должна была возникнуть потребность пропагандировать новые социальные отношения; это отрицает И.М.Дьяконов [Дьяконов, 1990, с. 281—282], полагая, что «культы общин древней Месопотамии почти не отличались от выражения мироощущения еще первобытного человека».

* * *

Все известное об истории Месопотамии периода Урук—Джемдет-Наср говорит о сложности и нестабильности состояния общества (точнее, обществ) этого времени. Сейчас выявляются самые общие контуры, конечно, не отдельных событий, а крупных трансформаций.

Урукский период был временем распространения относительно однообразной культуры на обширной территории Большой Месопотамии; воздействие ее прослеживается и за этими пределами. Этот феномен получил название «урукской экспансии», но причины его остаются мало понятными. Ясно, что ядром была Нижняя Месопотамия, где формирование урукской цивилизации явилось результатом внутренних процессов [Oates, 1960, с. 44], в отличие, в частности, от Сузианы, где наличие многочисленных элементов урукской культуры рассматривают как свидетельство разностороннего обмена между сузианцами и протошумерами [Amiet, 1986б, с. 49]. По мнению П.Амье, интеграции Месопотамии и Сузианы способствовало то, что общество урукского периода было обществом разнообразных форм, оно не стало тоталитарным [там же, с. 88], «заорганизованным».

Судя по имеющимся данным, отношения между носителями урукской цивилизации и обитателями районов, куда они проникали, очевидно, в поисках сырья, были скорее всего мирными. Успех этих иницируемых обитателями Нижней Месопотамии контактов — результат более высокого экономического и социального развития «урукцев». Здесь степень интенсивности связей, обмена, развитость которого можно предполагать, заставляет думать о сложении особой ситуации. Богатство общества, его способность производить значительные излишки, эффективность труда — все это было связано созданием рациональной системы организации производства. Ведущая роль в этой организации принадлежала администрации, концентрировавшейся в храмах — центрах жизни территориальных объединений. Создается система, позволяющая производить продукты питания в таких количествах, которые были недостаточны, чтобы возникло высокоразвитое по тем временам ремесленное производство. Излишки использовались для обмена с обществами тех областей, в которых находилось сырье, представлявшее жизненный интерес для все усложняющихся обществ Нижней Месопотамии.

Можно предполагать, что социальные противоречия не достигли в это время той остроты, которая приводила бы к внутренним конфликтам и для разрешения которых была необходима концентрация силы в руках верхушки. Возможно, группы тех, кого не устраивали по разным причинам новые условия, уходили в более или менее отдаленные районы, где занимались обменом, но не только им. Руками этих переселенцев могли создаваться целые поселения, подобные Хабуба-Кабире и Джебель-Аруде. Столкновения между отдельными территориальными образованиями, «номами», еще не вызвали возвышения одних над другими. Не исключено, что во внешней «экспансии» они поддерживали контакты и действовали совместно. Обстановка внутреннего и внешнего равновесия, судя по имеющимся сейчас данным, сохранялась недолго, но достаточно для того, чтобы осуществилось широкое воздействие носителей урукской цивилизации. Однако и на протяжении Урука в Сузиане и Нижней Месопотамии положение не было идиллическим, о чем свидетельствуют помимо других признаков более общего характера изображения на печатях сцен убийства врагов.

Как отмечалось выше, отношения носителей урукской цивилизации, имевших «базы» в Месопотамии или Сузиане, с местным населением строились на разных основаниях. Трудно проследить, насколько глубоко их воздействие проникало в жизнь населения, но оно не могло на ней не сказаться. Обмен, осуществлявшийся, по всей вероятности, через местную элиту, требовал новых усилий по добыче продуктов для него, стимулировал расслоение. Местная элита воспринимала формы и элементы культуры пришельцев в той степени, в какой была к этому подготовлена ходом развития своих обществ.

Интереснейшая проблема контактов обитателей Месопотамии этого времени — их взаимоотношения с Египтом, изобразительные памятники и архитектура которого периода Накада II обнаруживают давно замеченное сходство с теми, что создавались в Месопотамии и Сузиане. Новые данные как будто предполагают проникновение на территорию Египта из Месопотамии и Сузианы [Amiet, 1986б, с. 89].

В конце Урука наступают изменения, о которых сигнализирует, в частности, сокращение отдаленных связей. Пока остается неясным, приходится ли именно на это время изменение поселенческой системы, сокращение количества деревень [Postgate, 1986, с. 96]. Вслед за периодом некоторого единообразия в культуре Большой Месопотамии наступает период «регионализации»; на севере формируется культурный комплекс Ниневии 5, на Дияле — комплекс Джемдет-Насра — начала Раннединастического периода, в Сузиане — протоэламская цивилизация [Carter, 1987, с. 73—74], на юге наступает период Джемдет-Наср.

Трудно сказать, что стоит за переменами, прослеживаемыми в культуре этого короткого периода. Однако сама его краткость указывает на рост темпов изменений, возможный в усложняющемся социально-экономическом пространстве. Тенденции их ясны — в более определенной форме они выражаются во время, следующее за эпохой Джемдет-Наср. Среди них — рост социального расслоения, богатства общества в целом и элиты, усиление военных столкновений. Рост богатства выражается в таких улавливаемых свидетельствах, как сооружение новых храмовых комплексов, в создании более сложных и требующих специальной подготовки произведений изобразительного искусства. Совершенствование системы письма предполагает усложнение информационной сети. Вероятно, создаются предпосылки большего, чем прежде, обособления органов власти и вместе с тем их дифференциации; возможно, несколько обособляются военные предводители. Растет богатство элиты, которая постепенно, благодаря приобретению земель [Дьяконов, 1959, с. 158] и завоеваниям, становится силой, способной в будущем соперничать с храмово-общинной (общинной города-государства, «нома») организацией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. НА ПУТИ К ОБЪЕДИНЕНИЮ

Как неоднократно отмечалось различными исследователями, Месопотамия в отличие от Египта никогда не была закрытым, в большой мере самодостаточным организмом; широкие внешние связи усиливали локальные государства. В то же время они были частями религиозного, лингвистического и культурного континуума, что предполагает поддержание систематических контактов между ними еще до Раннединастического периода [Larsen, 1979, с. 77]. Изучая ранние формы политической организации в Месопотамии, Т.Якобсен обратил внимание на особое положение в политической и идеологической жизни города Ниппура и его главного бога Энлиля ([Jacobsen, 1957]; далее цит. по: [Jacobsen, 1970]). В этом городе, согласно традиции, в святилище Энлиля собирались боги для избрания предводителя (в частности, это описано в космогонической поэме «Энума элиш»). В царских гимнах периодов III династии Ура и династии Иссына—Ларсы цари Шумера представлялись богами их городов или другими близкими им богами божественному собранию, проходившему в Ниппуре под предводительством Ана и Энлиля. Собрание избирало и смещало царя [Jacobsen, 1970, с. 139—141]. Признание в Ниппуре давало право на звание «лугаль Страны» [Дьяконов, 1959, с. 198].

В то же время в традиции нет данных о том, что, как можно было бы предположить, когда-то правители Ниппура были объединителями всей страны через ее завоевание. Ниппур был именно местом избрания царя. Утверждаясь в своей власти в святилище Энлиля, глава объединения совершал объезд городов, получая благословение от их богов. Так, например, энси Лагаша Эанатум, призванный Энлилем, характеризуется как наделенный силой Нингирсу (город Лагаш), избранный Нанше (Нина), вскормленный Нинхурсаг, нареченный Инанной (Урук), получивший разум от Энки (Эреду), любимый Думузи (несколько городов), служитель Пасага (Бад-Тибира), друг Лугаль-Уру (Уру) [там же, с. 189, примеч. 164].

Соответственно своему центральному положению в жизни страны осмыслялось и место Ниппура в образе мира. Это был сакральный центр, здесь находился священный участок *dur-an-ki* — «Связь неба и земли», «Место, где возникла плоть». В этом месте Энлиль взрыхлил мотыгой корку земли, чтобы выпустить на свет первых людей, появившихся из нее, подобно растениям [Jacobsen, 1970, с. 113].

Исходя из мифов и позднейшей традиции, Т.Якобсен высказал предположение, что еще в отдаленные времена, когда форма правления была более архаичной, чем в раннединастическое время, когда она имела вид «примитивной демократии», в Ниппуре собирались представители самостоятельных городов для избрания общего предводителя. Определяя дату возникновения этого объединения, названного им Лигой, Т.Якобсен опирался на археологические данные о самом Ниппуре. Город стал относительно крупным в период Джемдет-Наср (Протописьменный II) — это предположительно нижняя дата, а верхней может быть период Раннединастический II, когда формируется более развитая политическая система. Таким образом, Лига могла существовать в периоды Джемдет-Наср и Раннединастический I [там же, с. 141].

И.М.Дьяконов относил время существования «племенного союза» с культовым центром в Ниппуре [Дьяконов, 1959, с. 156] либо союза общин или племен [ИДВ, 1983, с. 143] к периоду Джемдет-Наср.

По мнению Т.Якобсена, названием этого объединения было Ки-Энги, Кенгир, как назывался в древности Ниппур (шум. Нибуру); он же называл объединение Лигой Кенгир. И.М.Дьяконов считает спорными выкладки лингвистического характера, приведшие к этому выводу, хотя не отрицает возможности подобного объединения [там же].

С существованием этого союза И.М.Дьяконов связывает такие признаки общности населения Нижней Месопотамии, как самоназвание — «черноголовые» (санг-нгига), общность форм изобразительного искусства, существование единой письменности, наконец, создание общей системы культов и мифов, соотносившейся с бытовавшей в Ниппуре.

В определении даты объединения И.М.Дьяконов идет еще дальше: какое-то межобщинное, а потом межгосударственное сообщество он относит даже к более раннему времени, чем Протописьменный период [там же]. Отголосок его он обнаруживает в «Царском списке», составленном в конце III тыс. до н.э., где излагается последовательность правителей, начиная с «допотопного» времени, когда якобы правили «династии» из городов Эреду, Бад-Тибиры, Ларака, Сиппара и Шуруппака. Сроки их правления совершенно фантастичны. Последним «допотопным» царем в этом списке является спасшийся от потопа и получивший бессмертие шуруппакский «царь» Зиусудра. Отмечая недоверие историков к этой части списка, И.М.Дьяконов полагает, что историческая традиция шумеров, отразившаяся в нем, оказалась права: шумерская государственность старше Раннединастического периода. Поскольку «последопотопные» правители известны по раннединастическим текстам, то получается, что время «допотопных» — Протописьменный период [там же, с. 134].

Т.Якобсен усматривал причину объединения в Лигу в военной опасности [Jacobson, 1970, с. 377, примеч. 36]. Действительно, указания на военные столкновения содержатся в изобразительных памятниках (печатах) периода, предшествующего нижней дате Лиги. Позже опасность эта становилась все более реальной. И.М.Дьяконов пишет относительно этого союза: «По-видимому, сама система храмов с их хо-

заяствами была связана с общешумерским культовым союзом» [ИДВ, 1983, с. 143], т.е. указывает на связь с союзом специфической формы хозяйства — хозяйства храмового.

Вероятно, создание первого объединения, о котором сохранилась память в исторической традиции шумеров, определялось многими причинами. Все, что говорилось выше об экономике и социальном строе периода Урук—Джемдет-Наср, предполагает существование систематических контактов, так как «номы» не были самодостаточны ни в экономическом, ни в определенной степени в политическом отношении. Не одна какая-то причина, будь то необходимость создания ирригационной системы или военный союз, вызвала появление Лиги Кенгир. Даже относительно маломасштабные ирригационные работы позволяли получать избыточный продукт, который стал основой накопления значительного богатства на уровне «номов». Разнообразие экологии и форм хозяйственной деятельности приводило к потребности внутреннего обмена, а его регулярность могла обеспечиваться только какими-то соглашениями, гарантировавшими безопасность торговых экспедиций.

Другая причина — осознание необходимости координации действий в условиях демографической нестабильности. Известно, что в период Урука, в частности, резко возрастает численность населения. Отношения с пришельцами, судя по имеющимся данным, складывались мирные, но роль управления, необходимость принятия решений на «межномовом» уровне в этих условиях возрастала.

Еще одна причина возникновения Лиги — создание сообщества, регулирующего отношения между «номами» в случае возникновения конфликтов. Очевидно, в это время не могли не возникать желания поживиться богатствами соседей, желания, которые по большей части оставались не реализованными из-за неразвитости военного дела и примерного равенства сил. Но разбойничьи рейды, нападения на караваны с продуктами для обмена, очевидно, происходили. На уровне Лиги эти столкновения имели шанс быть предотвращенными.

Вступая в союз, «номы» рассчитывали на взаимную помощь. Вероятно, это время относительного равновесия, накопления сил. Договорные отношения, взаимные обязательства, которые в позднейших текстах мифологического характера описываются как забота богов-покровителей отдельных городов о других городах, — возможное наследие этого времени. Необходимость координации действий вызвала появление фигуры пока еще временного выборного лидера. О его функциях в какой-то степени можно судить по нашедшим отражение в документах деяниям позднейших правителей. Так, Гильгамеш был строителем одних из городских ворот в Лагаше [Дьяконов, 1959, с. 168]. Месилим строил храмы в городах, которыми «овладел», — Адабе и Лагаше. Он выступал посредником в пограничном споре между Уммой и Лагашем [там же, с. 171]. Лугальзагеси, после того как Энлиль дал ему власть, успокоил «все земли» и провел воду [там же, с. 200].

Возможно, уже во время сложения Лиги стала обосновываться необходимость единой (пусть временной и выборной), но все же власти над всем Шумером. Правители выступают гарантами стабильности в

страдающей нестабильностью стране. Итогом развития таких представлений, по-видимому, можно считать те, которые отразились в текстах значительно более поздних. Например, согласно тексту периода III династии Ура, царь Шульги был рожден для восстановления исконных ценностей («ме»), лежащих в основе мирового порядка, для установления равновесия в обществе и природе. Характерна космичность роли царя, смешение различных, социальных и природных, признаков, которые считались необходимыми для идеального правления: это объединяющие все «ме» трон, вечная диадема, правящий народами скипетр. Вместе с тем это — полноводность рек, плодоносность чрев и земли, знаменитое и славное имя царя, поступление подношений из близких и дальних земель, постоянные дары в храм Экур в Ниппуре [Kramer, 1974, с. 178]. Правитель соединяет функции профанного и сакрального лидера, вернее, вся его деятельность рассматривается через призму сакрального.

Вероятно, будущие исследования внесут больше определенности в отношения главы союза «номов» с отдельными «номами», которые и для раннединастического времени остаются не совсем ясными (см. в качестве примера [Дьяконов, 1959, с. 177, 200]).

* * *

Каким же образом можно определить состояние общества (точнее, обществ) Месопотамии в период Урук—Джемдет-Наср? Были ли это государства, образовавшие Лигу, или они таковыми еще не являлись? Однозначно определить это трудно как из-за недостатка данных об экономике, организации управления, о войске, так и из-за разного подхода к пониманию феномена государства. Сложность усугубляется и особенностями социально-экономического развития Месопотамии вообще.

Характеризуя ситуацию конца IV — первой половины III тыс. до н.э., И.М.Дьяконов писал в 1959 г., что здесь существовали союзы «номовых» общин под главенством одного военачальника типа Агамемнона или ацтекского вождя [Дьяконов, 1959, с. 172]. В это время, по его мнению, происходит сложение государства и «постепенное отмирание военной демократии» [там же, с. 177].

Современное состояние сведений об обществе интересующей нас эпохи не позволяет проводить тесных аналогий с тем, что принято понимать под военной демократией. Предводители и весь аппарат управления до раннединастического времени по крайней мере, а также в значительной степени и позднее были связаны не с организацией грабительских экспедиций, как это свойственно обществам, которые со времен Ф.Энгельса относятся к стадии военной демократии, а с управлением хозяйством, организацией производства и перераспределения произведенного продукта.

В то же время представляется спорным положение И.М.Дьяконова о том, что «процесс образования государства происходит независимо (? — Е.А.) от более раннего, но частично еще длившегося, возможно, вплоть до конца периода „Джемдет-Наср“ процесса сплочения племен

вокруг Ниппура и других главнейших мест межплеменных культов» [там же, с. 166]. Скорее можно думать (как это предполагает и шумерская традиция), что преемственность отношений как в области экономики, так и в сфере политической жизни развивалась на протяжении «исторических» периодов.

Если исходить из традиционного для отечественной историографии советского периода понимания государства, признаками которого являются существование территориального деления, оторванных от народа средств насилия, постоянных военных отрядов и профессионального войска, а также администрации и налоговой системы [там же, с. 146, 166], то придется признать, что многие из перечисленных признаков в протописьменное время уже наличествовали. Хотя эти образования были небольшими, они были организованы по территориальному принципу. Напомним, что и позднее размеры более или менее самостоятельных образований были незначительными. Об этом, в частности, свидетельствует число правителей — энси и лугалей, взятых в плен и убитых Саргоном Аккадским в бою с Лугальзагеси: их было 50 [там же, с. 210].

О размерах ранних государств Месопотамии свидетельствует хотя бы то, что Урук, Ур, Умма находились в дне пешего пути друг от друга (однако, как замечает Р.Мак Адамс, они возникли и развивались отнюдь не по одной модели) [Adams, 1972, с. 738]. С храмовой башни Эреду был виден Ур, из него — Ларса и Урук [City Invincible, 1960, с. 80]. Средняя площадь ранних городов-государств — около 1500 км². Размеры диктовались особенностями ведения хозяйства и неразвитостью транспортных средств. Земли на расстоянии 5—15 км от городов обрабатывались усилиями городского населения [Adams, 1972, с. 743; ИДВ, 1983, с. 139]. По мнению исследователей, в том числе К.Ренфрю, введшего понятие «модуль ранних государств», для таких систем характерно расстояние от центрального поселения до границ его контроля в пределах 20 км [Renfrew, 1975, с. 13—14, 19]. Такое расстояние в течение одного дня могли преодолеть те, кто из сельских поселений направлялся в город для исполнения различных работ [Johnson, 1987, с. 115—116].

В этих территориальных единицах, состоявших из городов, городков и деревень, существовал аппарат управления, в ведении которого находились перераспределительные функции. В то же время об отделенности его от общества можно говорить лишь с учетом того, что это были органы выборные, но, как человечество неоднократно убеждалось, и выборные органы не представляют единого целого с народом, а их члены не способны противостоять искушению действовать в своих интересах. Налоговая система, по всей вероятности, имела вид добровольных (но тем не менее обязательных) приношений в храмы и отработочного налога [ИДВ, 1983, с. 129]. И.М.Дьяконов не исключал возможность существования войска [там же, с. 129]. Вероятно, что, поскольку вождь-жрец выступает на печатях и как военный предводитель, какие-то вооруженные отряды могли существовать при храмах; возможно, они не были постоянными, но составлявшие их воины должны были всегда находиться в состоянии готовности. Именно здесь, в «номовой» общине,

по словам И.М.Дьяконова, «государство развивалось и по-настоящему крепло» [Дьяконов, 1959, с. 172]. В нем, как можно судить, пока еще были относительно слабо развиты признаки «машины для поддержания господства одного класса над другим» [там же, с. 166]. Но насколько необходим этот признак для определения государства?

Всего лишь для иллюстрации того, как понимаются этот и другие характеристики государства в современной науке, обратимся к дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Вестник древней истории» вокруг статьи Е.М.Штаерман «К проблеме возникновения государства в Риме» [ВДИ, 1989, 2].

В статье Е.М.Штаерман подчеркивалась необходимость обращения историков к концепциям общественного развития, разрабатываемым этнографами, в том числе к концепции вождества. Исходя из положения исторического материализма о том, что «государство, т.е. оторванный от народа аппарат принуждения, действующий в интересах класса эксплуататоров, появляется с выделением частной собственности из коллективной и разделением общества на классы, когда власть, сложившаяся в рамках родовой, общинной организации, уже оказывается неспособной обеспечить функционирование жизнедеятельности общественного организма в новых условиях» [там же, с. 77], Е.М.Штаерман пришла к выводу, что все признаки сформировавшегося государства в Риме появляются только при Августе. Тщательно обоснованная концепция встретила, однако, много возражений [см. ВДИ, 1989, 4; 1990, 1—2].

Отмечалось, в частности, что в понимание древних институтов исследователи вносят признаки, присущие аналогичным институтам, бытующим в современных обществах. Под государственным образованием не обязательно надо понимать такое, в котором сформировались аппарат подавления и система налогообложения, подобные современным. Давление на основную массу могло быть непрямым, а эксплуатация — завуалированной [Большаков, 1990], классы — неоформленными. Однако и в этой ситуации, возможно, имело место противостояние интересов различных слоев [Колоньеви, 1990, с. 96—97].

Участники дискуссии предлагали рассматривать государство не как набор устойчивых признаков, а как исторически меняющуюся форму организации власти [Гюнтер, 1990, с. 98]. Как важный для формирования государства предлагался признак размежевания социальных функций [Гуревич, 1990].

В этой дискуссии, сосредоточенной в основном вокруг ранних государств Европы, исследователь древнего Египта акцентировал внимание на такой важной функции государства, как организационная и управленческая: «На ранних этапах, когда эксплуатация носит еще достаточно патриархальный характер, функция управления вообще может быть главной» [Большаков, 1990]. И другой участник дискуссии считает, что в раннегосударственных образованиях организация управления, жизнеобеспечения и обороны общества играла более важную роль, чем функция подавления большинства в интересах меньшинства [Чернышов, 1990, с. 133].

Эта дискуссия показала, что в современной науке отходят от узкой трактовки понятия государства и стремятся представить его как исторически меняющуюся форму, задача которой заключается отнюдь не только в защите привилегий верхушки, но и в поддержании существования общества в целом, всех его классов и слоев.

Здесь нам представляется уместным остановиться на концепциях раннего государства, которые доминируют в современной науке и проявляются в построениях исследователей генезиса государства в Месопотамии.

Согласно одному, очень общему определению, государство — это общество более высокого порядка, чем предшествующие ему формы организации, объединение, способное соединить усилия гетерогенных (с точки зрения этнической принадлежности, хозяйства и даже политической организации) групп населения.

Государство в отличие от вождества — это регионально организованное общество со значительным населением, разнообразным в экономическом и этническом отношениях. Основа возникновения государства — технологические изменения и обмен; война не является существенным фактором [Johnson, Earle, 1987, с. 246—247, 269]. В вождествах все функции на разных уровнях дублируются и в случае возникновения напряжения сегменты могут отпадать, не теряя способности существовать дальше. Напротив, в ранних государствах многие центральные функционеры имеют уникальные обязанности, которым нет аналогов на других уровнях. Фокусом религии является фигура правителя, и хотя в локальных структурах власти моделируется центральная, они не идентичны ей [Cohen, 1978, с. 4—5]. Такие признаки, по всей вероятности, были присущи «номам», и это отличает их от вождеств. Огромные возможности государства по сравнению с более ранними обществами лежат именно в его способности координировать усилия разных людей для выполнения общественных задач.

В основе другого понимания лежит хорошо знакомая нам концепция классов. Высшие классы осуществляют контроль над средствами производства, а государство представляет собой инструмент для обеспечения их привилегий. Эта концепция, развиваемая марксистами, находит сторонников и среди исследователей других направлений. Так, согласно М.Фриду, государство — «централизованно управляемая система, неизбежно возникающая из любой системы институционализированного неравенства, в которой лидеры или правящая группа обладают исключительным (special) доступом к ресурсам, необходимым для поддержания и продолжения жизни» [Fried, 1967, с. 186].

Существует мнение, что государство — это централизованная, иерархически организованная система властных отношений, в которой локальные политические образования теряют автономию. Эта концепция восходит к Г.Спенсеру, Г.Моргану; к ней близки позиции М.Фортеса, Э.Эванс-Причарда, Э.Р.Сервиса. В последние десятилетия она была несколько модифицирована теориями, в которых акцент делался на способе циркуляции в обществе информации [Wright, Johnson, 1975] и/или получения и использования в системе энергии. Социальная жизнь

рассматривается как серия передач информации, где высшие уровни принятия решений оказывают воздействие на низшие. Государство — это общество с тремя или более уровнями. Такой подход, с точки зрения некоторых археологов, открывает возможность интерпретировать известные им факты, основываясь в первую очередь на поселенческой структуре.

Г.Т.Райт понимает под государством социополитическое образование с внутренне и внешне специализированной администрацией. В отличие от администрации, полностью специализированная государственная экономика может возникать постепенно [Wright H.T., 1981, с. 277].

Р.Мак Адамс акцентировал внимание на месте ремесла и обмена. Он рассматривал период, предшествующий Раннединастическому, как переходный, поскольку в нем ремесло и обмен не достигли еще того высокого уровня, который был свойствен им в Раннединастический период. В Протописьменный период специализированное ремесло было относительно маломасштабным, хотя наряду с обменом оно способствовало общественной стратификации, усложнению административной власти и военной экспансии [Adams, 1960, с. 31—32]. Ситуация меняется позднее, когда происходит переключение фокуса общественных отношений с храма на дворец, совершается переход к классовому делению [там же, с. 9].

Т.Якобсен видел отличия общества Протописьменного периода от общества периода Раннединастического в том, что в первом существовала примитивная демократия, на смену которой позже приходит царская власть. Тогда же возникает отделенная от народа армия — основа силового разрешения конфликтов [Jacobsen, 1960, с. 65—66].

По мнению П.Амье, существовавшее в Урукский период государство не было тоталитарным, в нем относительно самостоятельную роль играли специализированные в профессиональном отношении группы, ядро которых было построено по принципу родства. Среди них группы специалистов — торговых посредников, ремесленников, деятельность которых была особенно плодотворной, когда они переселялись за пределы коренной территории, уходя далеко по традиционным путям обмена. Именно такое разнообразие форм общественной жизни способствовало интеграции Месопотамии и Сузианы в это время [Amiet, 19866, с. 88].

Как же представляют пути формирования государств культурантропологи, авторы общетеоретических исследований, и те, кто занимается ранней историей Месопотамии? Выше, в ходе изложения различных частных вопросов, мы уже говорили о роли тех или иных процессов в изменениях, происшедших в обществе периода Урук—Джемдет-Наср. Здесь же обратимся в основном к гипотезам, имеющим целью обобщить известные данные, наметить взаимосвязи отдельных факторов, определить их место в процессе.

Накопленные сведения об архаических обществах внесли значительные коррективы в марксистские представления о возникновении государства. Один из наиболее авторитетных исследователей, Э.Р.Сервис, отмечал, что в «примитивных» обществах, находящихся на стадии, предшествующей государству, нет товарного производства и частной

собственности, которые могли бы стать предпосылкой формирования классов и государства. В таких обществах существуют социальные слои, страты правящих и управляемых, но нигде основой их не являются материальная дифференциация, различия форм собственности или «различия в доступе к стратегически важным ресурсам».

В основе их различий, по мнению Э.Сервиса, лежит политическая и религиозная власть, не нуждающаяся в силу своей абсолютности в экономических подпорках [Service, 1978, с. 32]. Государственные институты уходят корнями в институты вождеств, где функция власти — организация системы редистрибуции. Вожди располагают властью поощрять и наказывать. В особых ситуациях укрепляются тенденции наследования власти, складываются сословия. Э.Сервис полагает, что торговля, война, общественные работы — явления, присущие всем классическим цивилизациям, — требуют усиления организационной структуры, что направлено на пользу всего общества. Но это мало связано со стремлением лидеров сохранить возникающие при этом преимущества для себя и своих сторонников [Service, 1975].

Концепция Э.Сервиса в выявлении причин трансформации основывается на невозможности для общества, остающегося малодифференцированным, исходить из определяющей роли экономического признака, поскольку в нем материальное богатство, собственность, выступает не в качестве самостоятельно действующей силы, а представляет собой одну из сторон общественного статуса. В то же время совершенно игнорировать воздействие на общественное развитие того, что лица высокого ранга являются и обладателями ценностей, очевидно, неправильно. Это обстоятельство (впрочем, как и другие) не может считаться определяющим для возникновения государства, но, вероятно, должно рассматриваться как один из факторов, способствующих движению общества по пути к нему.

В связи со спецификой архаических обществ, где отсутствуют понятия о собственности, представляется уместным напомнить концепцию власти-собственности, предложенную Л.С.Васильевым [Васильев, 1982]. При отсутствии собственности на коллективные ресурсы возможность ими распоряжаться реально находится у обладающих властью. В их же руках сосредоточен прибавочный продукт, который они перераспределяют. В этих условиях создается положение, когда власть порождает собственность и власть фактически совпадает с собственностью.

Иначе, чем Э.Сервис, понимает возникновение государства М.Фрид [Fried, 1967; 1978]. Центральный момент его концепции государства — порядок (order) стратификации, сложение системы, в которой различные члены общества пользуются разными правами доступа к необходимым для жизни благам. Различия в престиже, определяемые в эгалитарном обществе принадлежностью к разным рангам, при переходе к государству должны сочетаться с неравенством экономических возможностей.

Государство, по М.Фриду, характеризуется организацией власти на основах, выходящих за пределы родственных отношений; главная задача власти — сохранение экономического неравенства страт. В этом

М.Фрид не согласен с Э.Сервисом, стоящим на позиции возникновения государства из потребностей всего общества. По Э.Сервису, неравенство — простое последствие разделения труда, не имеющее ничего общего с собственностью или различиями в правах доступа к производственным ресурсам.

Э.Сервис также полагает, что возникновение государства сопровождается эволюцией социальных классов, но его понимание класса близко пониманию ранга у М.Фрида.

Признаки зарождения государства выявляются трудно, в частности потому, что маркеры рангов (подразделений эгалитарного общества) сложно отличить от индикаторов страт, связанных, как говорилось, с определенными преимуществами экономического характера [Fried, 1978, с. 36]. Таким образом, если считать наличие стратифицированного общества признаком государства, то возникает опасность выдвинуть на первый план тот признак, существование которого еще надо доказать. Исследование конкретных археологических культур и периодов в истории, как мы пытались показать в этой работе, подтверждает справедливость этого вывода.

Для осмысления движущих причин исторического процесса, особенно в прошлом, был характерен подход, согласно которому одна причина, пусть очень важная, играла определяющую роль в формировании государства. И сейчас, притом что этот результат рассматривают как итог взаимодействия ряда факторов, некоторые из них могут считать первотолчком. Это рост населения, торговля на далекие расстояния, военные столкновения, завоевания, защита привилегий высших рангов и т.д. Но ни один из факторов, как было замечено Р.Козном, не является универсальным среди бесконечно разнообразных причин возникновения государств в разных регионах и в разные эпохи, если иметь в виду человечество в целом. Впечатление, что к одному результату — государству — должны вести одинаковые пути, ошибочно [Cohen, 1978, с. 8]. Впрочем, ошибочно и представление о государстве как о наборе стабильных признаков. Подобно всем формам, в которые воплощаются результаты деятельности сообществ людей, эта высшая форма их организации сугубо индивидуальна, и попытки приложения к конкретным ситуациям общей модели обязательно будут встречать сопротивление исторической реальности.

В качестве примеров таких теорий первотолчка, проявившихся в исследованиях формирования государств Месопотамии, приведем лишь два. Одна теория сосредоточивает внимание на демографическом факторе. Согласно Р.А.Карнейро, рост населения в благоприятных природных условиях ведет к усилению конфликтов из-за земли, в результате чего одни группы после военных столкновений начинают преобладать над другими, которые наделяются низким статусом. Так возникает репрессивное государство [Carneiro, 1970]. Другая — уже упоминавшаяся в связи с ролью ирригации в развитии обществ Нижней Месопотамии теория «гидравлических цивилизаций» К.Виттфогеля. Государство, если следовать ей, возникает в регионах перспективного развития ирригации как аппарат организации работ по созданию крупных ирригационных

сооружений и их последующему использованию. Однако исследованиями в разных регионах мира, как в Старом, так и в Новом Свете, было установлено, что сложение государства может предшествовать установлению контроля бюрократии над системой орошения, которая в это время маломасштабна и организуется на более низком, чем государственный, уровне.

Сложность реконструкции процессов, приводивших к кардинальным изменениям в догосударственных и государственных обществах, связана и с тем, что современные исследователи бессознательно подходят к ним с позиций человека современного индустриального общества и, как правило, лишь с большими усилиями (если они их вообще предпринимают) способны учесть специфику обстоятельств, существовавших в древнем обществе. Для современного исследователя естественно видеть в организации хозяйственной деятельности важнейшую причину изменений в обществе, возникновения высокоинтегрированных структур [Service, 1978, с. 30]. Иным было положение в архаических цивилизациях. Э.Сервис вспоминает слова А.М.Хокарта, писавшего, что ошибочно рассматривать сооружение каналов как «утилитарную» деятельность, противопоставляя ее деятельности «религиозной» — строительству храмов: «Храмы столь же утилитарны, сколь дамбы и каналы, поскольку они необходимы для благополучия; дамбы и каналы столь же ритуальны, сколь храмы, поскольку они — часть той же социальной системы поисков благосостояния» [Hockart, 1970, с. 217].

Хотя современные исследователи, как правило, признают сложность изучаемых ими процессов, соблазн выдвинуть в качестве определяющего тот момент, который является предметом их собственных штудий, оказывается иногда слишком велик. В разделе об обмене в периоде Урук мы уже говорили о концепции Г.Альгазе, который сосредоточил внимание на межрегиональном обмене как важном факторе возникновения цивилизации в Месопотамии. Он полагал, что роль обмена в сложении государств была столь велика, что они могли возникнуть там, где обмен на далекие расстояния сформировался еще в доисторические времена. По его мнению, такая система обмена сложилась до возникновения государств, которые могли сформироваться в период Убейд [Algaze, 1989, с. 591]. Концепция эта, основанная на отрывочных данных, столь же малоубедительна, как и идея К.Ламберг-Карловски о том, что первая фаза «имперской экспансии» приходится на убейдское время [Cur. Anthr., 1989, с. 595], хотя вряд ли кто-то будет отрицать, что обмен в становлении месопотамской цивилизации и государства играл весьма важную роль.

Все современные концепции возникновения государств в Месопотамии учитывают роль организационной системы, сложившейся в благоприятных, в первую очередь природных, условиях. В подобных ситуациях система редистрибуции связана с мобилизацией людей и природных ресурсов для производства и потребления. В сфере производства происходит все большая специализация, все полнее используются ресурсы различных экологических зон. Торговля на далекие расстояния — один из моментов этой организации, способствующих интеграции и большей организованности разделения труда. В функционировании этой системы

определенную роль играет распределение ценностей между элитой разных уровней [Service, 1988, с. 29—30]. Такой подход близок тем исследователям ранней истории Месопотамии, которые стремятся выявить различные факторы сложного процесса и уловить связь между ними.

Р.Мак Адамс, на исследования которого мы неоднократно ссылались, обратил особое внимание на экологию Нижней Месопотамии, способствовавшую возникновению различных видов хозяйственной деятельности. Эта специализация вела к появлению институтов редиистрибуции и возникновению бюрократического аппарата. В условиях орошаемого земледелия усиливается неравенство в пользовании участками земли разного качества (более или менее доступными для орошения) различными группами, что вызывало накопление богатств в некоторых из них, а в перспективе — возможность приобретения новых земель. В этих группах сосредоточивались не только материальные богатства, но и управленческие функции, что вело к их усилению. Военные столкновения выдвигают потребность в лидерах, что опять-таки ведет к усилению могущества отдельных групп. С ростом потребностей расширяется ремесленное производство, а это вновь усиливает значение управленческого аппарата. Классовая стратификация — главный источник и основа возникающей политической власти. Сложившаяся в результате система находит завершение в раннединастическую эпоху [Adams, 1966].

Г.А.Джонсон полагает, что определение путей формирования государства через выявление важнейших, ведущих к этому процессов неудачно. Эти процессы (рост населения, военные столкновения, расширение ирригационной системы, торговли на далекие расстояния) разнообразны, а реально они проявляются в усилении нагрузки на регулирующие институты, что воплощалось в усложнении вертикальной структуры организации управления. Таким образом, наличие административной иерархии указывает на существование государства [Johnson, 1987, с. 107]. В Среднем Уруке Сузианы (около 3500 г. до н.э.) удается выявить иерархию административного управления на четырех уровнях, существование централизованного ремесленного производства и локального обмена [там же].

Другой американский археолог, Г.Т.Райт, считает, что время возникновения государства, точнее, государственной власти — начало Урукского периода (около 3700 г. до н.э.) [Wright H.T., 1977]. Он отмечает, что политические структуры этого времени маломасштабны и носят характер теократических, что может более соответствовать вождествам, а не государствам в полном смысле слова, которые складываются в Раннединастический период.

Ч.Л.Редменом был предпринят опыт обобщения теорий формирования городской цивилизации в Месопотамии, в котором использованы исследования историков, археологов и культурантропологов; в построении его модели применены методы системного анализа [Redman, 1978]. Вслед за другими исследователями он исходит из того, что в формировании цивилизации Месопотамии важную роль сыграла благоприятная экологическая ситуация. Около 5500 г. до н.э. Нижняя Месопотамия была практически свободной, потенциально продуктивной экологической

нишей с небольшим количеством лукочевого собирательского населения. К концу VI тыс. до н.э. земледельцы и скотоводы распространились сюда из районов первоначального одомашнивания. Носители самаррской культуры начинают применять примитивную ирригацию. В этих обществах возникают более сложные, чем прежде, формы организации — ранговое общество, по терминологии М.Фрида, или вожество, если придерживаться концепции Э.Сервиса.

Рост населения вызвал его продвижение в низовья Евфрата и Тигра. Предполагается, что этот процесс продолжался около 2000 лет (период жизни приблизительно 80 поколений), был медленным и расселение шло небольшими группами. С ростом населения возникла специализация хозяйственной деятельности и потребность в привозном сырье.

В условиях, когда продуктивность земель определялась возможностями орошения, увеличение населения приводило к тому, что деревни все более удалялись от источников воды (рек и протоков) и люди вынуждены были орошать поля при помощи каналов. Когда доступные земли были полностью освоены, неравенство во владении орошаемыми участками должно было вылиться в неравенство между их владельцами. В этих условиях могли появиться группы, которые увеличивали размеры участков, если это допускала близость источников орошения; не исключено, что они приобретали и более высокий статус. Ч.Л.Редмен допускает возникновение в этой обстановке индивидуальной и групповой, а не общинной собственности на землю. Следствие этого — появление наследственной собственности на богатства в обществах, где статус является предписанным.

Остается неясным, как полагает Ч.Л.Редмен, предпринимались ли в древнейших городских общинах крупные ирригационные работы, но тенденция к этому в исторической перспективе прослеживается.

В этих условиях взаимодействие нескольких элементов системы способствует их взаимоусилению, вызывает позитивную обратную связь.

1. Рост населения ведет к освоению новых земель и более интенсивной культивации. Интенсификация сельского хозяйства дает рост продуктов питания и тем способствует росту населения.

2. Организация планирования, управление хозяйственной деятельностью, в том числе организация ирригационных работ, ведут к росту производства продуктов питания.

3. Рост населения на относительно ограниченной территории вызывает рост размеров поселений, что, в свою очередь, способствует интенсификации земледельческого хозяйства вокруг них.

4. Следствие интенсифицированного земледелия в условиях Нижней Месопотамии — дифференциация доступа к стратегическому ресурсу, каковым является орошаемая земля, и возникновение административной элиты.

В результате роста населения возникают крупные общины, где концентрируются запасы продовольствия и накопления у богатых семей. Появляется потребность в защите, формируются вооруженные отряды, выступающие в качестве регулятора растущего общественного разделения. Тот же рост населения вызывает образование новых связей, не-

обходимость новой системы информации, поскольку контакты в обществе теряют прежнюю непосредственность. Общественная деятельность институционализируется, и возникает необходимость в технической системе коммуникации. Появляются письменность и новые, как пишет Ч.Л.Редмен, стандартизированные формы искусства, соответствующие новым потребностям.

Жизнь в больших поселениях характеризуется социальным напряжением. На его разрешение направлены действия элиты, связанной с храмом. Ее функции осуществляются через ритуалы, социальные санкции, наконец, вооруженную силу. Административная элита происходит из семей, сила и власть которых определяются земельной собственностью; к элите принадлежат функционеры храмов и военачальники. Элита способствует усилению административных институтов, обеспечивая им особый доступ к стратегически важным благам, и создает для себя новые источники богатства и власти.

Условия для роста производства создавались благодаря использованию больших земельных площадей, увеличению объема продукта на единицу площади поля, усилению специализации и обмена. Специализация привела к возникновению групп работников — рыбаков, пастухов, земледельцев. Накоплением и распределением излишков занимались храмы, они же направляли деятельность городского населения. Часть продуктов питания поступала к ремесленникам, торговцам, элите. Хотя о механизме обмена на далекие расстояния в V—IV тыс. до н.э. известно мало, Ч.Л.Редмен предполагает, что его осуществляли храмы. Для этого в районы, где было необходимое сырье, направляли торговые экспедиции. Полученные материалы и, возможно, изделия поступали в храм и оттуда распределялись.

Потребности обмена стимулировали развитие профессионального ремесла, и эти две сферы находились во взаимной связи.

В модели Ч.Л.Редмена фигурируют явления, присущие, по-видимому, более позднему периоду, чем Поздний Урук—Джемдет-Наср. Среди них — появление регулярной армии, которая постепенно начинает играть значительную роль и становится одним из инструментов «секуляризации» государственного правления. Вряд ли стоит говорить о том, что рост богатств элиты, частично скапливавшихся в погребениях (чего, насколько можно судить, пока еще не было), в этот период препятствовал развитию производственной сферы. И нельзя считать, что тогда же имела место милитаризация, также отвлекавшая силы и средства от производства.

Изложенная в общих чертах модель, принадлежащая Ч.Л.Редмену, показывает, какими путями подходят современные исследователи к пониманию процессов формирования урбанизированного общества и государства. Нет сомнений, что такие построения в большей или меньшей степени гипотетичны; это отмечают и сами их авторы. Но важной представляется их столь характерная для современного этапа изучения человеческого общества особенность — понимание общества как чрезвычайно сложной системы, все элементы которой находятся в тесных взаимоотношениях.

Итак, общественный строй эпохи, предшествовавшей Раннединастическому периоду, рядом признаков отличался от общественного строя последнего, который, по общему признанию, является государственным. В период Поздний Урук—Джемдет-Наср (Протописьменный период) сохраняется значительная инерция более древних отношений — «примитивная демократия» и, вероятно, относительная слабость силовых структур. Как отмечал И.М.Дьяконов, в обществах этого времени нет оснований видеть организмы, созданные господствующим классом в своих интересах [ИДВ, 1983, с. 129]. В раннединастическое же время социально-имущественная дифференциация резко усиливается и верхний слой приобретает бóльшую возможность манипулировать обществом в своих интересах. Эта возможность создается и благодаря формированию армии. Вслед за И.М.Дьяконовым и другими исследователями можно полагать, что храмовое хозяйство этого периода обособливается, одним из проявлений чего в культовой сфере является сосредоточение по крайней мере некоторых обрядов в менее доступных, чем прежде, храмах [Дьяконов, 1959, с. 174]. Явно дифференцируются властные структуры, выдвигаются военные вожди, находящиеся на протяжении всего Раннединастического периода в сложных и меняющихся отношениях с храмовой администрацией. На усложнение коммуникативных отношений указывает изменение письменности, в которой совершается переход от пиктограмм, бывших «скорее вехами для памяти», чем знаками, фиксирующими связную речь, к словесно-слоговому письму [там же].

Несмотря на отличия, общество Протописьменного периода предстает как более близкое тому, которое пришло ему на смену, чем предшествующему. Немаловажно, что в эту эпоху, как мы пытались показать, изменилось восприятие людьми мира, они стали иначе понимать свое место в нем. Именно тогда сформировались представления о назначении людей быть слугами богов. В это время всеохватывающего процесса дифференциации в значительной степени сложились формы профессионального искусства, обслуживавшего потребности верхнего слоя, выражавшего его особое положение и служившего целям пропаганды этого положения. Все перемены, происшедшие в Протописьменный период, в периоды, по археологической периодизации, Урук и Джемдет-Наср, позволяют относить существовавшие тогда общества к государственным или по крайней мере раннегосударственным.

Возникает вопрос: были ли различия между религией этого времени и более ранними представлениями, присущими людям эпохи, когда общество, безусловно, имело меньшую сложность? Ответ, как нам кажется, должен быть положительным. Разрушение структурно простого общества ведет к разрушению и свойственного ему целостного мировосприятия, в котором окружающий мир и человеческий коллектив, сакральное и профанное воспринимаются как малоразведенные. В дифференцированном обществе, где существуют различные группы, где деятельность специализирована, и обрядово-мифологическая сфера все

более обособляется от общего жизненного потока. Религия институционализируется, о чем с несомненностью свидетельствует существование храмов и жрецов.

Прежние духи природных явлений отделяются от них, приобретая способность тем или иным образом присутствовать в храмах. О таких представлениях говорит обряд священного брака, а также появление скульптурных изображений адорантов, смысл которых — увековечение обращения к божеству в месте, которое оно посещает или где мыслится пребывающим постоянно.

Образы богов-покровителей городов отражают важнейшие признаки хозяйственной деятельности обитателей: «Каждый район — от болот охотников и рыболовов юга до степей центральной зоны и земледельческих областей севера и востока — имел свой пантеон, определявшийся особенностями конкретного хозяйства» [Jacobsen, 1961, с. 271]. В то же время Т.Якобсен отметил, что, хотя древнейший пласт в их образах — олицетворение природных сил, растений и животных, высшие городские божества были и правителями со всеми присущими им правами и обязанностями [City Invincible, 1960, с. 66—67]. Часто шумеры называли таких богов повелителями городов, а не по имени. Исходя из этого, А.Л.Оппенхейм полагал, что индивидуализация образов городских богов была очень слабой [Оппенхейм, 1980, с. 198]. Даже если считать это заключение слишком категоричным, оно представляется заслуживающим внимания: в образах городских («номовых») божеств их социальные функции воспринимаются как крайне существенные.

Возникает иерархия божеств, отражающая отношения, складывавшиеся в обществе. Божество, почитавшееся в главном селении, городе, воспринималось, очевидно, как обладающее большим могуществом, чем боги-покровители небольших селений. Общественная иерархия имеет соответствие в религиозной сфере — рядовые общинники все меньше «общаются» с высшими богами, культ которых осуществляется жрецами, основная же масса обязана работать на богов. По-видимому, в это время начинает формироваться дихотомия мировосприятия, присущего низам, и религии элиты, та дихотомия религии царей, жрецов и религии простых людей, о существовании которой для более поздних периодов месопотамской истории писал А.Л.Оппенхейм [там же, с. 184—185].

Против этого, однако, возражают отечественные исследователи [см. ИДВ, 1983, с. 149 и др.], как нам кажется, слишком преувеличивающие архаизм религии и обрядовой практики этой эпохи. Невозможно, конечно, отрицать, что хозяйственная деятельность большинства населения определяла сохранение обрядов, восходящих к более ранней эпохе, всякого рода магических действий. Но такое же положение сохраняется, например, в русской деревне, обитатели которой все же были не только носителями архаичных представлений, но и христианами. Для осмысления происходивших перемен важно подчеркнуть, что возникает религия в узком понимании слова, основа нового мировоззрения, несомненно более сложного и богатого, чем присущее людям эгалитарного общества.

Можно полагать, что в функции покровителей всех уровней входила демиургическая деятельность, деятельность по установлению социального порядка, но масштабы ее не могли не различаться. Духи и божества, почитание которых сохранялось в тех или иных местах, могли действовать в пределах своих локусов, в то время как городские божества воспринимались как устроители того, что считалось миром в целом. Немаловажную особенность отмечает В.К.Афанасьева. В каждой территориальной общине — «номе» почитали своих божеств, здесь существовали свои культы, циклы сказаний. В то же время поддерживали культы и «несвоих» божеств, чтобы заручиться их благосклонностью [там же, с. 148]. Это — признак, не свойственный первобытным представлениям, свидетельство широты связей между различными «номами», связей, выразившихся в создании объединения, которое Т.Якобсен назвал Лигой Кенгир.

Мы говорили о том, что формирование визуально антропоморфного образа божества в Месопотамии шло под воздействием выделения фигуры общественного лидера, вождя-жреца. Изображения богов появляются, как можно пока судить, в раннединастическое время. В фигуре вождя-жреца, как и в фигуре позднейшего царя, сочетаются старые и новые черты. Власть вождя-жреца (в отличие от царской) пока еще, по-видимому, основана на соглашении, а не на силе, хотя это соглашение становится все более условным. Вождь-жрец ответствен за плодородие и общее благополучие вследствие своей связи с миром богов и своих административных функций. Он — охранитель мира, защитник от врагов.

Т.Якобсен говорил, что социальная дифференциация, и, может быть, только она, позволяет ощутить дистанцию между человеком и божеством и величие божества. С образом бога, как и господина, связываются новые надежды. От них ждут справедливости, с ними же связывается концепция основанного на морали мирового порядка [City Invincible, 1960, с. 67]. Эти новые представления начали складываться в эпоху, предшествующую Раннединастическому периоду, когда их существование свидетельствуется письменными документами.

Как мы видели, храмы были центрами организации жизни всего общества «нома»; через них же по большей части, вероятно, осуществлялись связи с соседями. Все население, обитавшее как в городе, так и в округе, являлось участником событий, периодически происходивших на его территории, — общественных работ, сопровождавших их и самостоятельных религиозных церемоний, участником собраний, на которых решали важные для всех вопросы и избирали органы власти. Все так или иначе были связаны с храмом — от тех, кто отдавал ему часть произведенного продукта, до членов администрации. «В сознании людей того времени отработочный налог в пользу общинных вождей и храма вряд ли противопоставлялся общественно полезным повинностям, которые мы причислить к налогам не можем» [ИДВ, 1983, с. 129]. Люди занимали в обществе разное положение, и необходимостью обосновать новый порядок социального и экономического неравенства можно объяснить предполагаемое сложение в эту пору мифа о предназначении

людей служить богам. На наш взгляд, этот миф — та форма «особого идеологического давления на массы» [там же, с. 148], в существовании которой сомневаются некоторые исследователи.

До формирования классового общества, замечает Т.Эрл [Earle, 1989, с. 86], идеология проникала в жизнь как космология естественного порядка. Элита утверждает свою власть участием в жизнеобеспечении общества посредством отправления ритуалов. Но и позже социальная дифференциация находит идеологическое объяснение в представляемом естественным порядке, установленном богами. Складывавшийся в Месопотамии периодов Урук и Джемдет-Наср строй уже тогда стал нуждаться в пропаганде.

ЭКСКУРСЫ

1

В настоящее время объектами исследований все чаще становятся не отдельные поселения, а их группы. Разумеется, такие работы возможны благодаря не только раскопкам — в этом случае они затянулись бы на многие десятилетия, — но и тщательному обследованию поверхности поселений, когда ее состояние создает для этого благоприятные условия. Полученные результаты обобщаются и интерпретируются (а также и планируются на будущее) с учетом существующих моделей. Одна из наиболее широко применяющихся в последнее время моделей — модель или теория центрального пункта [Central Place Theory], представленная несколькими вариантами. Эти модели разрабатывались на материале современных экономических систем, поэтому, применяя для древних объектов, исследователи их корректируют. Особый резонанс имела модель В.Кристаллера, как отмечают, из-за относительной простоты [Johnson, 1975]. Она основана на осмыслении системы организации поселений в современной рыночной ситуации. Система представляет собой комплекс поселений, в его центре находится то, в котором происходит распределение и отчасти производство товаров и услуг. Деятельность, осуществляемая в центральном пункте, количественно и/или качественно отличается от деятельности в поселениях более низкого уровня. Пункты второго порядка по сравнению с центральным могут создавать собственные гнезда связанных с ними поселений. Эти пункты функционально отличаются от центральных.

Все селения, согласно концепции В.Кристаллера, имеют тенденцию образовывать шестигранные структуры, распределение элементов которых определяется простым линейным расстоянием, но при условии, что: 1) данный район имеет более одного центрального пункта; 2) лишь малая часть района является внешней по отношению к району, который его окружает, где, в свою очередь, существует по крайней мере один центральный пункт; 3) усилия по перемещению из одного центра в другой сводятся к минимуму; 4) изучаемый район по признакам рельефа близок равнинному. Исследователи, использующие эти модели, полагают, что они могут применяться и для анализа экономических отношений в обществах, где не реализуются свойственные современным экономикам принципы оптимизации, национального планирования и даже

отсутствуют различия поселений (типа городов и деревень) [там же, с. 290].

Обсуждая применимость теории к реальным условиям, Г.А.Джонсон остановился на ее исходных положениях: изучаемое пространство должно быть изотропно, а ресурсы распределены равномерно, как и население с точки зрения его покупательной способности; решения, определяющие экономические позиции индивидов или групп, всегда бывают основаны на максимальной выгоде.

Критики этой теории отмечали, что принцип экономической максимизации редко применим (если вообще применим) к немонетарным рыночным экономикам, что лишний раз подчеркивает необходимость модификации теории центрального пункта, когда она применяется для интерпретации ранних эпох [там же, с. 288].

Г.А.Джонсон считает, что использование этой и подобных моделей для иных эпох и ситуаций, чем те, применительно к которым они были разработаны, диктуется общими установками, присущими человеческому поведению: 1) достижение целей облегчается благодаря концентрации согласованных действий; 2) расположение пунктов преследует цель свести к минимуму расходуемую на перемещение энергию; 3) в системе все поселения взаимодоступны, но расположение некоторых облегчает доступ к ним. Смысл применения таких моделей при изучении археологических памятников — создание условий для выработки гипотез, основанных на выявлении регулярных закономерностей в размещении поселений.

Некоторые подходы к изучению поселений были предложены еще в 60-е годы Р.Мак Адамсом. Заключение о размерах и функциональных характеристиках поселений и их частей основывается в первую очередь на обследованиях поверхности. Тщательные поиски могут дать сведения о кварталах, где производились специализированные ремесленные работы, где размещалась администрация, где находились жилища элиты. Эти наблюдения дополняются шурфовками, статистическими исследованиями больших коллекций сосудов и т.д. [Adams, 1969, с. 113]. Продолжатели Р.Мак Адамса сосредоточили внимание на изучении отношений между центральным и прочими поселениями, на реконструкциях общественной системы.

Выяснение места поселения в иерархии основывается на выявлении его функций в системе, а функции определяются количеством и типом производимых вещей и услуг. В социальной географии установлена связь между численностью населения и функциональным значением поселения. Хотя на археологических материалах доказать справедливость этого положения невозможно, его применяют. Так, Г.А.Джонсон исходит из допущения, что функции поселения и численность его населения — переменные признаки, находящиеся в прямо пропорциональной зависимости. Для Юго-Западного Ирана и Месопотамии данные о плотности основаны на современных сведениях, собранных в 53 хузистанских деревнях [Grenliza, 1962]. Они дают коэффициент линейной корреляции между численностью населения и размером поселения 0,85 (при плотности 200 чел./га). Г.А.Джонсон предполагает, что между эти-

ми величинами могла существовать и нелинейная связь, но вынужден исходить из линейной.

Все эти исходные позиции нашли воплощение в исследованиях Сузианы и района Урука.

Р.Мак Адамс скептически отнесся к применимости Кристаллеровой модели для интерпретации данных о поселениях Месопотамии: он считает, что здесь отсутствовала ее географическая основа — плоская поверхность с одинаково доступными поселениями. Поселения Месопотамии тяготеют к речным руслам, располагаются неравномерно. Расстояния между ними определялись судоходными водными артериями, а не абстрактными пространственными координатами. Поселения образуют здесь кусты-кластеры, в которых два соседних могли принадлежать одной группе и быть сезонными [Adams, 1972, с. 745—746].

Призывал к осторожности применения этой модели и П.Амье, указывая на различия форм современного и древнего хозяйства [Amiet, 1986б, с. 51].

2

Проблемы возникновения городов, с их особенностями в разных регионах и в разные эпохи, привлекают постоянное внимание исследователей, в том числе историков и археологов. Сложность этих проблем хорошо отражена в названии одного из симпозиумов — «Непобедимый город» [City Invincible, 1960].

В.Г.Чайлд, который привлек внимание археологов к проблемам возникновения города и предложил понятие «городская революция», выдвинул следующие ее признаки [Childe, 1950, с. 10 и сл.].

1) Возникают поселения с относительно большой площадью, плотностью населения и застройки; 2) среди горожан наряду с занимающимися сельским хозяйством существуют специалисты — ремесленники, торговцы, чиновники, жрецы, появление которых стало возможным благодаря наличию излишков (последнее — 3-й признак); 4) в городах сосредоточены символы концентрации излишков; в Шумере это первоначально храмы; 5) правящий класс в этих условиях освобожден (в отличие от колдунов и вождей предшествующей эпохи) от физического труда, а низший — от умственного; 6) возникает письменность, ее появление — удобный признак, указывающий на существование городской цивилизации; 7) возникают точные науки — астрономия, математика, а также календарь; 8) возникает искусство «наивного реализма»; 9) города — центры торговли, в частности центры торговли с удаленными партнерами; 10) ремесленники живут в городах и могут не переходить с места на место, поскольку города организованы по территориальному, а не по кровнородственному принципу.

По мнению В.Г.Чайлда, город и цивилизация — синонимы, на что указывает и этимологическая связь этих понятий. Признаки городского общества выявлены им на основе изучения как восточных, так и евро-

пейских обществ. Эти признаки критиковали в первую очередь потому, что они не являются универсальными. Многих исследователей не устраивает использование понятия «город» со всеми ассоциациями, которые вызывает современное состояние городов, для определения структур отдаленных времен. Характерно, что И.М.Дьяконов крупные поселения Протописьменного периода именует городами в кавычках [ИДВ, 1983].

Город — исторически и регионально изменчивый феномен, и вряд ли целесообразно при определении характера поселений той или иной эпохи либо региона исходить из раз и навсегда установленного набора признаков и тем более отрицать существование городов в конкретных изучаемых условиях на том основании, что они не соответствуют представлениям о городе современных горожан.

Никто не может отрицать функциональных различий между поселениями Месопотамии периода Урук—Джемдет-Наср. «Город» — это в известном смысле условное определение пункта сосредоточения разнообразных социальных связей. В других областях древнего мира функции таких поселений могли иметь свои особенности.

Исходя из этого для определения города представляются адекватными наиболее общие признаки, вроде тех, которые были предложены Б.Триггером [Trigger, 1972, с. 577].

1. Город — это поселение, которое обладает специфическими функциями по отношению к округе, что отличает его от самодостаточных неолитических деревень (хотя и их самодостаточность, как мы видели, является относительной. — Е.А.).

2. Многие горожане могут быть вовлечены в производство продуктов питания, но специфические для горожан функции — не эти. В городах может быть сосредоточена высокоспециализированная деятельность по переработке продуктов жизнеобеспечивающей сферы.

3. Город — центр обмена, что предполагает специализированность сельскохозяйственной сферы.

4. Сельскохозяйственная деятельность горожан имеет тенденцию осуществляться не концентрированно, быть распыленной.

5. В городе сосредоточиваются многочисленные сложные виды деятельности, результаты которой распространяются на значительную территорию.

Как замечает Ю.Е.Березкин, такие определения, как «квази»- или «протогород», а мы добавим, и «город», не нуждаются «в однозначном определении» и должны рассматриваться в тех или иных локально-временных рамках [Березкин, 1989, с. 10].

Сейчас внимание археологов сосредоточено на выявлении политико-административных систем. Изучение распределения поселений разного размера и с разными функциями позволяет высказать предположения о том, каким образом в обществе принимались решения. При отсутствии письменных источников реконструкция конкретных форм политической организации, конечно, затруднена, но в случае, когда письменные документы дошли от несколько более позднего времени при сохранении преемственности развития, создается возможность и

для реконструкции по крайней мере некоторых элементов политической системы.

При всех особенностях исторического развития в разных регионах Земли один из характерных признаков формирования древнейших государств и цивилизации — возникновение городов. Постоянный центральный пункт, город, — признак цивилизации и ее организационных единиц — государств, в то время как даже в наиболее устойчивых вождествах центры-резиденции вождя как основной перераспределительный пункт функционируют лишь один-два раза в году [Renfrew, 1975, с. 12]. Для Месопотамии говорить о сложении города — значит говорить о формировании государства. Предлагалось даже вообще заменить понятие «городская революция» понятием «государственная революция» [Buccellati, 1977, с. 20].

3

Один из моментов, которому придают немалое значение в трансформации общества интересующей нас эпохи, — демографическая картина. Изучение ее сопряжено со многими трудностями, так как опирается в первую очередь на данные о размере заселенных площадей на поселениях, многие из которых были многослойными, и поздние отложения не позволяют судить о границах заселенных частей в более ранние периоды.

Резкий рост населения в районе Варки на рубеже Раннего и Позднего Урука позволяет, по мнению исследователей, пересмотреть значение «давления численности населения» [population pressure] как важной переменной в процессах урбанизации и возникновения государства. Прежде считали, что ощутимый рост населения следует за городской революцией, а не предшествует ей, поскольку соответствующие данные отсутствовали. Появившиеся сведения позволяют полагать, что рост населения мог предшествовать этим важным переменам. Приход нового населения должен был стимулировать неравенство и привести к возникновению классового, стратифицированного общества и династических государств, что некоторые исследователи относят к Раннединастическому периоду [Adams, Nissen, 1972, с. 91].

Приход населения и оседание его на землю способны вызвать временную земельную тесноту. Вероятно, пришельцы оказывались в менее выигрышном положении, чем первопоселенцы. Появление пришельцев должно было усилить неравенство и способствовать социальной дифференциации. Группы оказавшихся в неблагоприятных условиях могли становиться агрессивными, что приводило к необходимости обороны, концентрации населения в городах и усилению правящей там элиты. В Уруке раньше, чем в других городах Нижней Месопотамии, люди стали предпочитать жизни в деревне жизнь в городе, позднее — под защитой оборонительных стен [там же, с. 91].

Причины резкого роста населения в районе Урука остаются неясными. Существует мнение, что он связан с оседанием на землю полуно-

мадов или с широкомасштабной иммиграцией в долину [там же, с. 90—91]. Г.Альгазе полагает, что причиной «колонизации» относительно свободных земель Сузианы из Месопотамии было изменение естественных русел [Algaze, 1989, с. 577]. П.Амье не считает возможным говорить о широкой иммиграции в Сузиану носителей урукской цивилизации, так как сомневается, что крестьяне массово покидали свои земли. Из Месопотамии в Сузиану, по его мнению, пришли небольшие группы специалистов, носителей цивилизации-генератора, а демографический подъем здесь был результатом оседания на землю номадов и полуномадов, как и в Месопотамии. Таким образом, подъем урукской цивилизации в Сузиане был результатом возникновения общности, в которой осуществлялся интенсивный обмен между сузианцами и протошумерами. Конец этой интеграции падает на завершение Урукского периода в Сузиане [Amiet, 19866, с. 48—49, 90].

Оценка воздействия роста численности населения на усложнение общественной структуры, сложение городов и государства зависит и от того, к какому времени относят эти изменения. Г.Т.Райт полагает, что они происходят в конце Раннего Урука, но не видит подтверждений тому, что рост населения в Месопотамии приводил к вооруженным конфликтам и возникновению государств [Wright H.T., 1986, с. 335]. Иной точки зрения, как уже говорилось, придерживается Р.Мак Адамс.

В лингвистическом отношении население Месопотамии, как и в предшествующую эпоху, было неоднородным. По выводам, которые делает И.М.Дьяконов, на рубеже IV—III тыс. до н.э. в северной части Нижней Месопотамии и в долине Диялы соприкасались три языка — восточносемитский, «банановый» и шумерский, а возможно, также и «протоевфратский» [ИДВ, 1983, с. 138]. Напомним, что «банановый» («прото-тигридский») предположительно связывают с носителями самаррской культуры, а «протоевфратский» — с халафской [там же, с. 91—92]. Юг был заселен шумерами, или протошумерами. Лингвисты считают, что, хотя восточносемитские имена появляются только в раннединастических текстах, отделение восточносемитского языка от общесемитского около 3300 г. до н.э. позволяет предполагать, что его носители могли проникать в Месопотамию и до этого времени [там же, с. 135].

Роль изменения численности населения, взаимодействие этого фактора с другими в возникновении месопотамской цивилизации были рассмотрены Г.Гибсоном [Gibson, 1973]. Он предложил модель, которая проявлялась в разных районах частично, а полностью может быть приложима лишь к району Урука, и выделил шесть этапов, из которых первые три приходятся на периоды Убейд и Урук, а последние — на Джемдет-Наср и Раннединастический. Первые три растянулись почти на 3000 лет, последние — всего на 300.

На первом этапе население появляется в районе с не ограниченным для его потребностей количеством земель. Начинается ирригация, обмен некоторыми жизнеобеспечивающими и экзотическими материалами. Население растет естественно, но в это время возможен и приток со стороны. В результате наступает второй этап, когда в связи с ростом

населения возникает большое число поселений и осваиваются новые земли. Усиливается социальная организованность, растет централизация, развивается обмен, начинается специализация ремесла. Все это вызывает новый рост населения. Наступает третий этап, когда поселения не располагаются беспорядочно, а образуют кластеры, растет площадь старых поселений. На этом этапе расширяется сеть обменных связей, развивается профессиональное ремесло, производство для торговли на далекие расстояния. Население продолжает расти, практически все земли уже освоены, неосвоенными остаются лишь пограничные районы между небольшими локальными социальными организациями. На четвертом этапе в связи с ростом ирригационной сети развивается сельское хозяйство, повышается эффективность централизованного управления, усиливаются экономические связи. Все это приводит к тому, что на пятом этапе крупные социальные организмы оказываются неспособными обеспечить потребности возросшего населения, и наступает дезинтеграция. Возникают небольшие поселения, обитатели которых осваивают технологию интенсивного хозяйства на небольших участках. В результате снова растет численность населения, интенсифицируются социальные связи, развивается торговля и ремесло. С усилением неравенства, вызванного «накоплением капитала» и развитием частного земельного владения, наступают изменения в общественной системе. На шестом этапе частыми становятся конфликты из-за богатств, особенно земли. Население стекается в города под защиту их стен, что происходит уже в Раннединастический период.

4

Новые интерпретации прежних находок, сделанные под влиянием полученных при раскопках Суз данных, позволили высказать предположение, что в Сузиане уже в пору Среднего Урука существовало счетоводство, велся контроль за поступлением и выдачей различных продуктов [Amiet, 19866, с. 78]. Свидетельства этого — шарообразные «буллы» (или, точнее, псевдобуллы, как их называет П.Амье) с различными отпечатками на поверхности, счетные «фишки» — значки, наконец, таблички.

В начале XX в. при раскопках Суз были обнаружены глиняные шары с оттисками печатей; они найдены и при раскопках Урука [UVB XXI, 1965, с. 31—32]. В 20-е годы установили, что внутри этих псевдобулл находились маленькие глиняные предметы геометрических форм, которые сначала были сочтены личными знаками свидетелей сделок или поставщиков опечатывавшихся «товаров» [Mesquienet, 1924, с. 106—107]. Подобные этим предметы находили не только в поселениях второй половины IV тыс. до н.э., но и в более ранних, вплоть до неолитических. Их предположительно считали амулетами, игральными фишками или не интерпретировали вообще. Псевдобуллы с этими вещами внутри несли на поверхности цифровые обозначения и оттиски печатей.

П.Амье установил, что цифровые знаки по форме и количеству соответствуют находившимся внутри предметам, представляя как бы их оттиски. Он назвал эти предметы калькулями (так называли счетные камешки в римском абаке), следуя А.Л.Оппенгейму, давшему такое наименование «камешкам» в яйцеобразной «булле» из Нузи [Oppenheim, 1958, с. 16]. П.Амье предположил, что калькули символизировали одновременно количество и вид учитываемых вещей или продуктов [Amiet, 1966; 1986б, с. 76].

Некоторые этапы развития системы учета и контроля удалось проследить по находкам в раскопе на Акрополе Суз [Vallat, 1978]. В слое 18 в «буллах», на поверхности которых были только оттиски печатей, находились калькули разных форм — палочки, диски, шарики, маленькие и крупные конусы и т.д. Р.Валла предположил, что для удостоверения сохранности «товара» такие «буллы» следовало разбивать.

На втором этапе на поверхности появились оттиски в виде кружков или столбиков, первые графические знаки. Теперь не было необходимости разбивать «буллу». Калькули внутри становились ненужными, и тогда, на третьем этапе, появляются таблички овальной или округлой формы с цифровыми знаками и откатками одной или двух цилиндрических печатей. Все три этапа укладывались во время существования слоя 18, т.е. разные способы фиксации существовали практически одновременно.

В слое 17 обнаружены одна «булла» и много табличек. Цифровые обозначения теперь располагаются более регулярно. В слое 16 таблички приобретают более прямоугольные очертания; кроме цифровых обозначений появляются первые пиктограммы. Только в этом слое пиктограммы начинают покрывать большую, чем цифровые обозначения, часть поверхности табличек, на основании чего Р.Валла предположил, что в это время могли уже существовать тексты не только хозяйственного характера, поскольку стало возможно передавать грамматические показатели (это, как кажется, нуждается в большей аргументации).

Цифровое значение калькулей интерпретировали на основании сопоставления с протоэламскими знаками [там же, с. 194; Amiet, 1986б, с. 82 и сл.].

Гипотезу П.Амье о связи глиняных калькулей с началом письменности развила Д.Шмандт-Бессера [Schmandt-Besserat, 1977; 1979а; 1979б; 1986 и др.]. Она выдвинула идею о двух видах знаков учета продуктов, в первую очередь зерна, поскольку они возникли в земледельческих обществах. Древнейший способ она относит к VIII тыс. до н.э., времени рождения оседлого земледелия. Простые значки — это маленькие глиняные фигурки геометрических форм (конусы, кубики, шарики, плоские и чичевицеобразные диски, цилиндры), все — с гладкой поверхностью. Разнообразии форм объясняется тем, что они должны были соответствовать определенным видам продуктов. Такие значки найдены в Телль-Асваде I, Мурейбите III, Шейх-Хасане (Сирия), Тепе-Асьябе и Гандж-Даре E (в Иране), в Джармо в Ираке (здесь их найдено около 1000) [Schmandt-Besserat, 1986, с. 36]. С их помощью учитывали,

по ее мнению, зёрна различных злаков. Размер этих значков — 1,5—3 см. Скот таким образом не учитывали.

Второй вид значков, названных ею сложными, появился в первых городах в конце IV тыс. до н.э., что связано с возникновением шумерского храмового хозяйства; они найдены в основном в Нижней Месопотамии и не встречаются восточнее Сузианы. В Уруке и в Сузах их обнаружено около 800 в каждом городе; есть они в «колониях» Сирии — Хабуба-Кабире, Телль-Каннасе, Джебель-Аруде [там же, с. 34]. Эти значки разнообразны по форме — биконические, яйцевидные, ромбические, параболические, квадратные и т.д. Они могут иметь форму миниатюрных вещей — орудий, сосудов и корзин, фигур животных.

Значки обоих видов обжигали при низкой температуре (около 600°); иногда они встречаются вместе, а сложные обнаруживают в некоторых случаях группами. Последние могли иметь отверстия, и их нанизывали на шнурок, который прикрепляли к продолговатой «булле» с оттисками печатей. Среди сложных значков различаются два типа в зависимости от формы и нанесенных на их поверхности дополнительных условных обозначений.

Интерпретировать значение этих предметов Д.Шмандт-Бессера помогло сопоставление их с идеографическими и клинописными знаками III—II тыс. до н.э. Так, она полагает, что конусы обозначали две наиболее распространенные меры зерна — *ban* и *bariga*. Крупные конусы, сферы и плоские диски обозначали большие количества зерна. Цилиндры и чичевицеобразные диски использовали для счета скота. Для передачи более детальной информации относительно пола и возраста животных использовали сложные знаки — диски с дополнительными условными обозначениями на поверхности. При помощи конусов с отверстиями, овоидов и ромбов считали хлебы, масло, пиво. Биконические фигуры и треугольники обозначали благовония, металлы. Орудия, сосуды, готовая пища (например, жареная утка) обозначались изобразительными («натуралистическими») знаками. В значках, таким образом, было нечто общее с письменными знаками [Schmandt-Besserat, 1977].

Автор этой гипотезы предполагает, что значки использовали следующим образом. Определенное количество или объем обозначались простыми значками либо посредством дополнительных обозначений на сложных; формы при этом зависели от типа учтенного «товара». «Буллы» служили гарантией сохранения того, к чему они прилагались.

Работы Д.Шмандт-Бессера, в которых использование глиняных значков связывалось с зарождением письменности, вызвали широкий резонанс. Одно из наиболее обширных и аргументированных критических замечаний принадлежит С.Либерману [Lieberman, 1980]. Он понимает под калькулями сферические и конические предметы и считает такое их использование безусловным, в то время как сложные знаки (tokens), по Д.Шмандт-Бессера, могли использоваться в таком качестве, а могли и не использоваться. С.Либерман указывает на то, что значки нельзя считать предшественниками письменности, так как, в частности, в Уруке они встречаются одновременно с архаическими табличками. По его

мнению, знаки урукской письменности скорее следовали реальным вещам и существам, чем были передачей на плоскости трехмерных значков, как полагает Шмандт-Бессера. С.Либман не согласен с тем, что в Сузах нанизанные на шнурок значки могли быть чем-то вроде абака, поскольку все известные в истории абаки передавали лишь количество, а не качество исчисляемого. Такие значки, по его мнению, скорее могли служить украшениями или амулетами.

Далее, он отмечает, что конические, сферические и других форм изделия появляются собственно еще до установления оседло-земледельческого хозяйства, на стадии интенсифицированного собирательства и даже охоты. Использование же реконструируемой Д.Шмандт-Бессера системы требовало существования высокоразвитого хозяйства и математических знаний. В ряде районов, например в Сирии середины VII — середины VI тыс. до н.э., они внезапно исчезают; значит ли это, что люди перестали учитывать? В то же время их нет в ранних слоях Суз до слоя 18 раскопа на Акрополе (это обстоятельство отмечается и в другой работе [Schendge, 1983]).

Гипотеза Д.Шмандт-Бессера была отвергнута А.Ле Брюном и Ф.Валла [Le Brun, Vallat, 1978] по той причине, что она основана на материалах, не принадлежащих к одной культурной традиции, а разбросанных во времени и пространстве.

П.Амье пишет, что одна из причин споров вокруг гипотезы — неясность сведений, трудности интерпретации данных, и отмечает приемлемость построений разных исследователей [Amiet, 1986б, с. 75 и сл.]. Он полагает, что определение всех глиняных фигурок геометрических форм неолитического времени как служивших системе учета неубедительно, поскольку они создавались в разных культурных традициях. И в урукской цивилизации обнаруживаются локальные особенности, различные неясные пока связи между значками, псевдобуллами, табличками и т.д.

П.Амье перечисляет «инструменты» счетоводства урукского времени — сферические псевдобуллы со знаками на поверхности или без них, таблички с оттисками печатей и знаками, «натуралистичные значки» с отверстиями для подвешивания — возможно, «трехмерные пиктограммы», значки («жетоны») с нанесенными дополнительными знаками. Учет осуществлялся с одновременным использованием разных средств, и характер их сочетаний не позволяет, по мнению П.Амье, наметить общую тенденцию, преемственность развития [там же, с. 81]. Он полагает, что разнообразие способов учета в различных пунктах и различные их сочетания в культурных комплексах указывают на то, что велось довольно беспорядочные поиски способов учета, при которых абстрактные обозначения сочетались с обозначениями качества объектов. Сочетание разных способов фиксации служило передаче информации (из частного или государственного «бюро») об отправителе, количестве и характере отправляемого. Эта информация не могла содержаться лишь в оттиске печати, поскольку печати бывали похожи, либо только в цифровых обозначениях или калькулях [там же, с. 88]. Остается неясным, как сочеталось использование псевдобулл и табличек. П.Амье предполагает, что они могли находиться в хранилищах вместе. Разрушение псевдобуллы — конверта, в котором сохранялись калькули и на котором были

цифровые обозначения, приводило к утрате значения этого документа. Поэтому информация должна была дублироваться на хранившихся вместе с псевдобуллами табличках.

Все это говорит о существовании чиновников, ответственных за сохранность полученных вещей; должна была существовать группа лиц, игравшая важную роль в организации обмена. Эта группа принадлежала к государственному сектору экономики, но само государство не было государством тоталитарного типа, поэтому возможно существование других хозяйственных структур [там же].

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ Характерный пример такого отношения выражен В.М.Массоном, считающим, что зарубежные, в частности американские, археологи используют «социокультурные концепции», скорее налагая их на материал, чем выводя из него. Такому подходу противопоставляются работы, «широко решающие вопросы исторических реконструкций в различных аспектах и с учетом в той или иной степени предложений, вырабатываемых разными направлениями теоретической археологии». В качестве примера «достаточно результативных реконструкций» В.М.Массон приводит собственные работы, в которых он опирается в первую очередь на концепции, изложенные в работе Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (бывшей в течение десятилетий чуть ли не единственной теоретической основой концепций отечественных археологов), а также на элементы тех самых «социокультурных концепций», которые столь «некритично» налагают на материал американские археологи (в качестве примера см. [Массон, 1989, с. 3—4]). Такое причудливое сочетание и представляет собой «культурологический метод», предлагаемый для широкого применения В.М.Массоном. Нет ничего удивительного в том, что он не находит авторитетных последователей.

ГЛАВА I

¹ Очевидно, обитатели тростниковых болот и в древности строили из имеющегося в изобилии материала. Формы этих сооружений и особенно их декор не могли не сказаться на конструкции и оформлении стен построек из кирпича. Изображения на печатях следующих за убейдской эпох, декор обрядовых сосудов III тыс. до н.э. показывают, что и тогда продолжали строить из тростника. Приведем описание мадьяфа из книги У.Тэсиджера, имея в виду, что подобные постройки могли быть и у убейдцев: «Одиннадцать больших подковообразных арок поддерживали крышу. Как и колонны у входа, арки были сделаны из плотно связанных стеблей гигантского тростника и имели девять футов в окружности на уровне пола и два с половиной фута сверху. Как я потом узнал, этот тростник мог достигать в высоту двадцати пяти футов. Завершали конструкцию пучки камыша, сплетенные наподобие двухдюймового троса, которые были прикреплены один над другим к аркам с их наружной стороны по всей длине здания. Контраст между этими горизонтальными „ребрами“ и очертаниями вертикальных арок создавал удивительный рисунок. Сама крыша была выложе-

на внахлест, в четыре слоя, тростниковыми циновками, прикрепленными к продольным „ребрам“. Такие же циновки покрывали пол» [Тэсиджер, 1982, с. 18—19].

² Симптоматично, что умерших в эту пору хоронят в особых некрополях, а не поблизости от жилищ их живых сородичей. Некрополи появились в халафской культуре, но тогда еще продолжали хоронить и среди жилых построек. Обособление пространства смерти сигнализирует о том, что в образе мира приобретают актуальность границы между зонами. Это особенно знаменательно, поскольку речь идет о людях, перешедших в особый мир. С ними прежде стремились сохранить более тесную связь — достаточно вспомнить многочисленные погребения под жилыми постройками Телль-эс-Саввана. Наряду с другими это обстоятельство можно рассматривать как указывающее на осознание неоднородности социального пространства.

³ Сходство печатей Тепе-Гавры и Тепе-Гияна, по всей вероятности, правильно объяснять существованием между этими поселениями тесных связей [Caldwell, 1976, с. 240]. Они могли носить характер обмена, одним из объектов которого предположительно был лазурит, впервые зафиксированный в Гавре XIII, Ниневии, Телль-Арпачии и — одновременно или несколько позже — в Тепе-Гияне [Herrmann, 1968, с. 21]. В Верхней Месопотамии он становится редким, если не исчезает в период Гавра VIII, но в это время появляется на юге, из чего делается вывод: обмен этим весьма ценившимся минералом был перехвачен городами юга и Сузами [Caldwell, 1976, с. 240]. В связи с этим интересно заметить, что мотивы изображений на гаврских печатях примерно в то же время становятся архаичными, снова начинают преобладать изображения животных.

⁴ Тщательные раскопки, проводимые по определенной, четко выработанной программе, позволяют при относительно небольшом объеме работ получать результаты в изучении таких темных на ранних этапах социальной дифференциации явлений, как признаки различий в пределах одного поселения. При раскопках поселения Фарухабад на равнине Дех-Луран (Юго-Западный Иран) в слоях, синхронных Убейду (фаза Баят, около 4500 г. до н.э.), удалось обнаружить некоторые отличия в характере сооружений и остатков в них. Были найдены постройки, стоявшие на кирпичной платформе. Одна из них как будто была декорирована пилястрами. Рядом с ней, как полагают, находилось хранилище. Именно около этих домов сосредоточены фрагменты многочисленных конических чаш, найдено также несколько наборов таких сосудов в помещении перед входом в одно из зданий. Авторы раскопок предполагают, что здесь происходили действия, в ходе которых участники пили некие напитки. Это могло быть, в частности, коллективное пиршество, устроенное социально выдвинутым семейством. Хотя образ жизни обитателей таких домов мало отличался от того, который вели обитатели других, отмечено, что именно близ тщательно построенных домов часто встречаются кости газелей, в то время как у остальных — кости эквидов и, возможно, овец и коз. Судя по этим свидетельствам, можно думать, что семья, занимавшая более высокое положение (обязывавшее ее устраивать коллективные трапезы), обладала некоторыми особенностями в питании. Не исключено, что это — свидетельства высокого ранга [Wright H.T., 1981b, с. 65—66].

Аналогичная картина зафиксирована и в Тепе-Сабзе [Hole, Flannery, Neely, 1969], где около тщательно построенного дома найдено больше, чем около других, венчиков плоских чаш и костей газели, а не онагров, овец или коз.

⁵ Остается не вполне ясным, как соотносился у оседлых земледельцев род как организация людей, ведущих происхождение от одного предка, и община как

население отдельного поселка. Известно в то же время, что уже носители хасунской культуры жили в многоквартирных домах, а это предполагает существование больших семей. В отечественной науке распространена точка зрения, что у оседлых земледельцев самой ранней формой организации была родовая община, в которой «соседские связи занимают явно подчиненное положение в сравнении с родовыми» [ИПО, 1988, с. 183].

Кажется вероятным, что члены одного рода с пришельцами по браку населяли не одно, а несколько соседних поселений. Если еще можно допустить, что в условиях присваивающего хозяйства род представлял собой производственный коллектив (хотя эта точка зрения не общепринята [СЭО, 1986, с. 121—124]), то при оседлом земледелии это могло быть в тех случаях, когда члены одного рода — обитатели соседних поселений — составляли локальную группу. В этом случае род не только обеспечивал социально-идеологическую интеграцию и регулировал семейно-брачные отношения [ИПО, 1988, с. 177], но и представлял собой определенное хозяйственное целое.

Многообразны варианты общественных организмов, построенных на разном соотношении родственных и территориальных связей, прослеживаемые этнологами. Вероятно, лишь в сформировавшихся государствах общность хозяйственной жизни перестала восприниматься людьми и как общность по родству. Относительно переходной эпохи говорят о возможности существования таких структур, как поздний род, состоящий из больших семей — семейных общин, представляющих собой обособленные хозяйственные единицы. Могли существовать родоподобные структуры типа патронимии или линиджа. Это — объединения семей, возводящих себя к общему предку (мужскому, реже — женскому). Здесь существуют довольно тесные родственные и идеологические связи, общий культ, некоторая общность хозяйственной жизни. Обычно они совместно владели хотя бы частью всей земли. Линиджи обитали на обособленном поселении или селились компактно в более крупных, со смешанным населением. Кроме того, могли существовать первобытная соседская община (соседско-родовая) и поздний род в патриархальной и позднематеринской формах [там же, с. 177—179].

Возникновение же соседской общины (первобытной соседской общины) этнографы относят к довольно раннему времени: на Кипре, например, к эпохе неолита [там же, с. 183]. В Месопотамии сосуществование в пределах одного поселения больших семей разного происхождения, как говорилось, относят к концу VI тыс. до н.э. Можно полагать, что формирование соседских связей усилилось на юге в период Убейда и наверняка в период Урука. Но, признавая усиление территориальных связей, надо иметь в виду, что они могли облекаться в форму родственных [там же, с. 181].

ГЛАВА II

¹ О том, какое количество сосудов использовала одна семья, удалось получить данные при раскопках небольшого сельского центра урукского времени в Сузиане. Это Шарафабад, расположенный между Сузами и Чога-Мишем. Кропотливое исследование годовых наслоений в мусорной яме позволили предположить, что ежегодно каждая семья разбивала 12 больших кувшинов, 16 небольших, 25 еще меньших и еще 6 особого типа, а также 18 конических чаш и 9 сосудов других видов. Поражает количество использовавшихся чаш со скошенным венчиком, назначение которых, впрочем, остается неясным. В первый год их

было разбито 280, во второй — около 200. Авторы публикации выдвигают два предположения: эти сосуды могли использоваться как наши бумажные или пластиковые стаканчики, могли играть и какую-то роль в ритуале, но в таком случае придется предположить, что люди были очень религиозными [Wright, Miller, Redding, 1980].

² В исторической перспективе признаки элиты можно представить по погребениям Раннединастического периода и несколько более поздним, поскольку традиции в основном сохранялись и развивались. Так, богатейшим погребением времени III династии Ура в некрополе этого города было PG. 1422 [Moorey, 1984, с. 1]. Погребальная шахта выложена сырцовым кирпичом, останки (косяк на правом боку с подогнутыми ногами) лежали в деревянном гробу. В головах гроба стояли копыя. На голове лежало шесть золотых лент одна поверх другой и золотая лента, поддерживавшая пучок волос (возможно, они были элементами парика, подобного «шлему» Мескаламдуга). Помимо нескольких серег в верхней части тела находилось четыре ожерелья из сердолика, агата, яшмы, халцедона, золота. Серебряная булавка скрепляла одежду на плече; на руках были золотые и серебряные браслеты и лазуритовая печать. Этот человек носил у пояса медный с золотым навершием кинжал и серебряный топор; вдоль тела лежали другие предметы вооружения. В погребении обнаружено много глиняных сосудов, а также медный поднос с медными же чашами и вазами, с ножом и наконечником стрелы. По всем признакам это погребение принадлежало человеку очень высокого ранга. Признак высокого статуса — золотые головные ленты, которые были найдены еще в трех погребениях (PG. 35, 825, 829). (В этих погребениях были также серебряные браслеты и каменные бусы, медное оружие, сосуды и печати.)

С инвентарем погребений элиты этого времени контрастирует инвентарь погребения предполагаемого ремесленника — изготовителя бус (в нем найдены соответствующие инструменты) (PG. 958). Здесь обнаружены лишь остатки цинковки, медный поднос и несколько глиняных сосудов.

³ В текстах второй половины III тыс. до н.э., когда произошли различные изменения как в жизни общества, так и в осмыслении ее, когда отношения с чужеземцами были отягощены долгим и тяжелым опытом, торговые операции с ними начинают представлять не как дарообмен, а как одностороннее принесение ими даров. В строительном гимне Гудеа говорится о чужеземцах, пришедших к нему в Гирсу с подарками; привезенное — добровольная дань из тех мест, где добывают необходимый для строительства храма камень и где растут деревья. Чужие боги выступают при этом как торговые агенты. После Гудеа товары из других стран характеризуются как «подарки из чужих стран». Г. Комороци отмечает, что известно лишь два литературных текста («Энмеркар и верховный жрец Аратты» и «Гимн о Дильмуне»), в которых упоминается, что в ответ на эти «подарки» из городов Шумера вывозятся товары для обмена: зерно, сезамовое масло, ткани, шерсть [Комороци, 1976, с. 16, 18]. В гимне «Энки и мировой порядок» ситуация иная. Энки объезжает страны, чтобы принимать их подарки на месте. Но и чужие корабли направляются в шумерский Ниппур из Дильмуна, Магана и Мелуххи; они выступают как активная сторона. Более того, для характеристики ситуации применяется эротическая метафора: Ур называют «святилищем изобилия, которое раскрывает свое лоно (чужим) странам» [там же, с. 19]. Из этих текстов следует, что отношения государств Месопотамии и их соседей со временем становились все более напряженными и переставали восприниматься как равноправные.

⁴ Г.Альгазе видит в возникающей месопотамской цивилизации в урукское время первое проявление тех процессов, которые в будущем определили ее циклы. Он исходил из теории закономерностей развития «мировых экономических систем» И.Валлерстайна. Периоду внутреннего объединения предшествует, по его мнению, рост активности в получении необходимого сырья, за чем следуют более или менее успешные попытки установить контроль над важными путями, по которым сырье поступало. В разное время этот контроль выглядел по-разному: от неформальных спорадических торговых контактов до регулярных торговых отношений и от военных экспедиций до аннексий территорий или создания систем провинций.

⁵ Примечательный момент дискуссии: попыткам представить причины и механизм «экспансии» в относительно детализированных формах противостоит традиционный для марксистской историографии обобщающий подход. Б.Брентъес в своем отклике на статью Альгазе ограничивается признанием одной причины «экспансии»: перехода к государственной организации, основанной на получении постоянных излишков благодаря применению ирригации [Cur. Anthr., 1989, с. 592]. Но достаточно ли это объясняет конкретный феномен?

⁶ Давно существовавшие предположения о связях между Нижней Месопотамией и Египтом в Протописьменную эпоху основывались на отдельных находках цилиндрических печатей и на образах искусства додинастического периода. Сейчас появились новые данные, как будто свидетельствующие о настоящем проникновении носителей культуры Протописьменного периода в Египет. В Телль-эль-Фара'ине, древнем Буто, найдены не только керамика и отдельные предметы, указывающие на присутствие людей из Месопотамии, но и столь специфические изделия, как глиняные конусы — украшения наружных стен [Way, 1987]. Другие материалы позволяют предполагать, что движение из Месопотамии осуществлялось через долину Амука (слой Амука F) в Северной Сирии и по путям по Верхнему Евфрату, Тигру, Балиху и Хабуру [Cur. Anthr., 1989, с. 598—599]. Сухопутные связи могли быть облегчены использованием вьючных животных, ослов, одомашнивание которых предполагается во второй половине IV тыс. до н.э. [там же; Algaze, 1989, с. 591].

Существование столь отдаленной «колонии» трудно объяснить лишь потребностями обмена. Этот случай наиболее явно показывает невозможность видеть в феномене «урукской экспансии» результат одной причины. К.Ламберг-Карловски предположил, что стремление в чужие земли могло вызываться религиозными соображениями, службой своим богам [Cur. Anthr., 1989, с. 595—596], но возникает вопрос: какими именно соображениями?

⁷ Ср. замечание Е.Д.Ван Бурен о скелете львенка и пантеры в основании архайического храма Ана и упоминание о молодом хищнике у дверей храма Эннинну в тексте Гудеа [Amiet, 1961, с. 87]. Можно было бы вспомнить и изображения хищных кошачьих на стенах храма в Телль-Укайре. Ср. также изображения на раннединастической печати: в сцене, где роль людей играют животные, лев изображен сидящим на месте повелителя, а козел и осел подносят ему дары; тем временем другой лев перерезает горло козленку [там же, № 1307]. Лев — символ властителя и позднее: так именовали царей по крайней мере в конце III тыс. до н.э. [Seux, 1967, с. 436—437].

⁸ Эти «рожки» — примечательный элемент. Они могут указывать на символическое отождествление носящей их женщины с коровой, а на актуальность таких ассоциаций в ритуалах интересующего нас круга указывают изображения на печатях, где люди с рогами сочетаются, подобно животным [Amiet, 1961, № 850].

Сравнение женщины с коровой звучит и в заклинании по поводу родов [Лирическая поэзия, с. 55].

⁹ Вероятно, подбор изображенных растений не был случайным. Во всяком случае, одно из них, напоминающее колос, было подношением вождя-жреца богине [Amiet, 1961, № 639]. По предположению Е.Д.Ван Бурен, колос был символом бога, пальма — богини [Buren van, 1939, с. 36], что, однако, нуждается в подтверждениях. Вообще образы пышной растительности часты в текстах, связанных с ритуалом священного брака, но представляются особенно важными два пассажа. В одном из них растения выступают как образ силы партнера богини [Kramer, 1963, с. 505]. Не исключено, что постоянное прославление Инанной растений и трав на равнине Думузи имеет тот же смысл [там же, с. 508]. Сама богиня связывается с образами растений и потому, что она — земля, готовая для пахоты, а ее супруг — земледелец, заставляющий злаки встать высоко [там же, с. 505], — образы, характерные для земледельческой культуры.

¹⁰ Образ воды принадлежит, безусловно, сфере плодородия. Согласно текстам вода входила в состав брачных даров Инанне [Kramer, 1963, с. 595]. По-видимому, в сосудах, изображенных среди даров, помимо молока, пива и сливок могла находиться и вода. Образ воды фигурирует в одном из текстов как метафора брачного соединения [там же, с. 493]. И в мифах вода выступает как агент плодородия, причем, как правило, принадлежащий богам, а не богиням. В одном из текстов говорится, что жизнотворные воды породили изобильное семя [Kramer, 1979, с. 46], а в другом воды Тигра характеризуются как семя бога земли Энки [там же, с. 47]. Шумерское слово *a(ia)* — вода и семя [Дьяконов, 1977, с. 13]. Пресная вода, несущая плодородие, — сфера этого одного из главных богов шумерского пантеона. В Месопотамии вода, а возможно, и некоторые виды пищи служили знаками мужского начала, как это было и в Индии, где поглощение их символизировало зачатие [Тюлина, 1985].

Говоря о воде, мы можем высказать предположение об использовании урукской вазы в ритуале. Вероятно, она действительно была той, в которую совершали возлияния водой и ставили растения. Именно таким образом, судя по изображениям, использовали сосуды близкой формы, но без ножки [Bandot, 1979, с. 27—28; Антонова, 19916, с. 18]. Если считать, что ваза предназначалась для растений, можно объяснить и ее форму. Она напоминает ствол дерева или вообще любого растения, так как вытянута по вертикали. Акцент вертикали и должен быть присущ вещи в обряде, где постоянно реализуются образы высоко поднявшейся растительности. В то же время возможно, что ваза использовалась не только в обряде священного брака, поскольку возлияния совершались в ходе разных обрядов [Danmanville, 1955].

¹¹ См. сравнения позднейших царей с растениями: Шульги — сильный, как дерево *ildag*, растущее у потока вод; он — плодоносное дерево *mes*. Ишме-Даган именуется высоким деревом с мощными корнями и широкой кроной; он — побег кедра, посаженный в лесу [Kramer, 1974, с. 172].

¹² Мотив священного брака известен и на печатях более позднего времени. Они помогают понять некоторые аспекты его значения, процедуры, которые не удается проследить по печатям периода Урук—Джемдет-Наср из-за специфики их изобразительного языка. На печати так называемого Переходного периода [Amiet, 1961, № 823] показана встреча у храма, над которым парит орел с распростертыми крыльями. Около храма стоит жрица в позе адорации, перед ней — нагой персонаж, держащий в руках сосуд с носиком и как будто совершающий возлияние. Между ними изображена газель (?), стоящая около растения. Далее помещены два человека с сосудами. Над процессией изображены прыгающие

животные. Образы животных указывают на одно из значений обряда — стимулировать их размножение. Еще более ясно эта цель выражена на другой печати [там же, № 831]: здесь изображена женщина с длинными волосами, стоящая около сакральной постройки, рядом с ней — животное, похожее на козла, а над ней — совокupление людей с козьими признаками.

По-видимому, с темой священного брака можно связывать изображения на раннединастических печатях и рельефах, которые П.Амье объединил под названием «Banquet et élevage» [там же, табл. 88]. Они сгруппированы в два-три яруса. Как правило, в верхнем размещены фигуры пирующих женщины и мужчины, а ниже располагаются изображения идущих или лежащих травоядных животных и растений. Если изображения одноярусные, животные и растения находятся рядом с пирующими. Животные иногда показаны вставшими на дыбы, вероятно, в состоянии спаривания. Здесь передается другой момент обряда — не встреча у сакральной постройки, а следующие действия, совместное пиршество участников.

Совмещение в поле одного изображения разных и на первый взгляд несвященных сюжетов проливает свет на их значение. Так, наряду с пиршественной сценой встречаются сцены терзания хищниками травоядных (в некоторых случаях последних защищает антропоморфный персонаж [там же, № 1180]). Сопровождение «сцен терзания» изображениями скорпиона и других существ, вероятных символов сексуальной энергии [там же, № 1176, 1178], позволяет предполагать, что и сами «сцены терзания» могли (наряду с другими значениями) иметь смысл брачного соединения. Непосредственное указание на это — изображение в качестве пирующих льва и осла [там же, № 1313], хищника и жертвы.

Вероятно, образы животных, их действия, в том числе и нападение хищников на травоядных, служили указаниями и на временную приуроченность обряда. Все участники сцен не были случайными, они определяли значение обряда. На одной из печатей показано стадо, среди которого стоит персонаж, как бы благословляющий животных; внизу справа от него, под животными, помещена змея, слева — сидящая женщина, против которой стоит нагой мужчина, состояние которого недвусмысленно указывает на характер сцены [там же, № 1335].

¹³ Значение спора, словесного поединка, родственного загадкам, раскрыто в работах О.М.Фрейденберг [Фрейденберг, 1936, с. 138] и других исследователей. Рассматривая их взгляды с точки зрения семиотической теории, Вяч.Вс.Иванов отмечает существование связи между древними словесными и несловесными ритуалами, гаданиями и играми [Иванов, 1976, с. 49]. Исследователи видят связь последовательности загадок с отгадками и операций, символизирующих сотворение мирового порядка и лежащих в основе ритуала [Топоров, 1971; Топоров, 1973, с. 117—127; Иванов, 1976, с. 49]. Естественна соотнесенность таких текстов с календарными обрядами, в которых воплощается изменчивый образ мира.

Примечательна и еще одна перспектива смысловых связей текстов такого рода с обменом благами, услугами и т.д.: в конце «Спора Думузи и Энкимду» стороны обмениваются продуктами своего труда [Афанасьева, 1973, с. 101—103]. Этот мотив актуален для общества, где земледельческо-скотоводческое хозяйство уже разделилось, потеряв первобытную целостность. Обмен дарами включает и такую специфическую, но основополагающую для существования общества область отношений, как брачный обмен [Иванов, 1976, с. 53—54]. Все это входило в сферу деятельности вождя-жреца.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	—	Вестник древней истории. М.
ИДВ, 1983	—	История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия. Ред. И.М.Дьяконов. М., 1983.
ИПО, 1988	—	История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988.
МАИКЦА	—	Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии.
НАА	—	Народы Азии и Африки. М.
РА	—	Российская археология. М.
СА	—	Советская археология. М.
СЭО	—	Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1986.
ТЗС	—	Труды по изучению знаковых систем. Тарту.
AASOR	—	Annual of the American Schools of Oriental Research. Chicago.
ADFU-W	—	Ausgrabungen der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka. B.
AfO	—	Archiv für Orientforschung. Graz.
AJA	—	American Journal of Archaeology. Princeton.
AO	—	Analecta Orientalia. Roma.
CAH	—	Cambridge Ancient History.
СЕРОА	—	Centre d'Étude du Proche-Orient Ancien. Genève.
Cur. Anthr.	—	Current Anthropology. Chicago.
JA	—	Journal Asiatique. P.
JAOS	—	Journal of the American Oriental Society. Chicago.
JCS	—	Journal of Cuneiform Studies. Chicago.
JNES	—	Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
OIP	—	Oriental Institute Publications. Chicago.
PAPS	—	Proceedings of the American Philosophical Society. Philadelphia.
PPS	—	Proceedings of the Prehistoric Society. Oxf.
RA	—	Revue d'assyriologie. P.
RLA	—	Reallexicon der Assyriologie.
SAOC	—	Studies in Ancient Oriental Civilization. Chicago.
UE	—	Ur Excavations. London—Oxford—Philadelphia.
UVB	—	Uruk Vorläufiger Bericht über die deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka unternommenen Ausgrabungen. B.
WA	—	World Archaeology. L.
ZA	—	Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete. Leipzig—München—Wiesbaden.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексин, 1986. — *Алексин В.А.* Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л., 1986.
- Амиров, 1994. — *Амиров Ш.Н.* Морфология керамики халафской культуры Северной Месопотамии (по материалам поселения Ярым Тепе II). Автореф. канд. дис. М., 1994.
- Андреев, 1989. — *Андреев Ю.В.* О роли ремесла на ранних этапах процесса урбанизации. — Зоны и этапы урбанизации (Теоретические аспекты проблемы «Город и процесс урбанизации в Средней Азии»). Тезисы докладов региональной конференции. Наманган, 1989. Таш., 1989.
- Антонова, 1977. — *Антонова Е.В.* Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977.
- Антонова, 1978. — *Антонова Е.В.* К вопросу о значении поз антропоморфных изображений дописьменной эпохи. — Древность и средневековые народов Средней Азии (история и культура). М., 1978.
- Антонова, 1981. — *Антонова Е.В.* О некоторых закономерностях развития искусства древнего Двуречья. — НАА. 1981, 6.
- Антонова, 1983. — *Антонова Е.В.* Представления обитателей Двуречья о назначении людей и глиптика конца IV — первой половины III тысячелетия до н.э. — ВДИ. 1983, 4.
- Антонова, 1984. — *Антонова Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984.
- Антонова, 1987. — *Антонова Е.В.* Дикие животные в искусстве древних земледельцев. — Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
- Антонова, 1990. — *Антонова Е.В.* Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., 1990.
- Антонова, 1991а. — *Антонова Е.В.* Антропоморфный персонаж на печатях Ирана и Месопотамии. — ВДИ. 1991, 2.
- Антонова, 1991б. — *Антонова Е.В.* Вещь в контексте обряда: ваза из Урука. — Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991.
- Ардзинба, 1977. — *Ардзинба В.Г.* Заметки к текстам хеттских ритуалов. — ВДИ. 1977, 3.
- Афанасьева, 1973. — *Афанасьева В.К.* Шумерские этиологические мифы и изучение идеологии города-государства в Двуречье. — Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н.э.). Ер., 1973.
- Афанасьева, 1978. — *Афанасьева В.К.* К проблеме толкования шумерских рельефов. — Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.

- Афанасьева, 1979. — *Афанасьева В.К.* Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М., 1979.
- Бадер, 1975. — *Бадер Н.О.* Раннеземледельческое поселение Телль-Сотто. — СА. 1975, 4.
- Бардавелидзе, 1952а. — *Бардавелидзе В.В.* Хевсурская община. Структура и институт джварискомба. — Сообщения АН ГрузССР. Тб., 1952, т. XIII, 8.
- Бардавелидзе, 1952б. — *Бардавелидзе В.В.* Система управления хевсурской общины. — Сообщения АН ГрузССР. Тб., 1952, т. XIII, 10.
- Березкин, 1989. — *Березкин Ю.Е.* Цивилизация, государство, город в археологической проблематике. — Зоны и этапы урбанизации (Теоретические аспекты проблемы «Город и процесс урбанизации в Средней Азии»). Тезисы докладов региональной конференции, Наманган, 1989. Таш., 1989.
- Березкин, 1991. — *Березкин Ю.Е.* Инки. Исторический опыт империи. Л., 1991.
- Берлев, 1978. — *Берлев О.Д.* Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978.
- Бибикова, 1981. — *Бибикова В.И.* Животноводство в Северной Месопотамии в V тыс. до н.э. (по материалам халафского поселения Ярымтепе II). — Мунчаев, Мерперт, 1981.
- Большаков, 1990. — *Большаков А.О.* Определение государства требует уточнения. — ВДИ. 1990, 2.
- Бутинов, 1967. — *Бутинов Н.А.* Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л., 1967.
- Вайман, 1974. — *Вайман А.А.* Обозначение рабов и рабынь в протошумерской письменности. — ВДИ. 1974, 2.
- Вайман, 1976. — *Вайман А.А.* О протошумерской письменности. — Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976.
- Васильев, 1982. — *Васильев Л.С.* Феномен власти-собственности. — Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.
- Васильев, 1983. — *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайского государства (Формирование основ социальной структуры и политической администрации). М., 1983.
- Гуревич, 1990. — *Гуревич А.Я.* О генезисе феодального государства. — ВДИ. 1990, 1.
- Гюнтер, 1990. — *Гюнтер Р.* О времени возникновения государства в Риме. — ВДИ. 1990, 1.
- Давыдов, 1979. — *Давыдов А.Д.* Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1979.
- Дьяконов, 1949. — *Дьяконов И.М.* Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949.
- Дьяконов, 1957. — *Дьяконов И.М.* Возникновение деспотического государства в древнем Двуречье. Автореф. докт. дис. Л., 1957.
- Дьяконов, 1959. — *Дьяконов И.М.* Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.
- Дьяконов, 1977. — *Дьяконов И.М.* Введение. — Мифологии древнего мира. М., 1977.
- Дьяконов, 1990. — *Дьяконов И.М.* Люди города Ура. М., 1990.
- Дьяконов, Якобсон, 1982. — *Дьяконов И.М., Якобсон В.А.* «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии. — ВДИ. 1982, 2.
- Иванов, 1976. — *Иванов Вяч. Вс.* Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.

- Иванов, 1981. — *Иванов Вяч.Вс.* Природные символы как элементы знаковых систем культуры. — Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981.
- История древнего мира, 1982. — История древнего мира. Ранняя древность. Т. I. М., 1982.
- Йеттмар, 1986. — *Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. М., 1986.
- Колоньези, 1990. — *Колоньези Л. Карпогросси.* Формирование государства в Риме (точка зрения историка права). — ВДИ. 1990, 1.
- Комороци, 1976. — *Комороци Г.* Гимн о торговле Дильмуна (интерполяция в текст шумерского мифологического эпоса «Энки и Нинхурсаг»). — Древний Восток. 2. Ер., 1976.
- Крамер, 1965. — *Крамер С.* История начинается в Шумере. М., 1965.
- Куббель, 1988. — *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
- Ламберг-Карловски, 1984. — *Ламберг-Карловски К.К.* Новые данные из древнейшей истории Иранского нагорья. — Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 6. М., 1984.
- Ламберг-Карловски, 1990. — *Ламберг-Карловски К.К.* Модели взаимодействия в III тыс. до н.э.: от Месопотамии до долины Инда. — ВДИ. 1990, 1.
- Ламберг-Карловски, Саблов, 1992. — *Ламберг-Карловски К.К., Саблов Дж.* Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992.
- Лирическая поэзия. — Лирическая поэзия Древнего Востока. М., 1984.
- Маретина, 1980. — *Маретина С.А.* Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980.
- Массон, 1989. — *Массон В.М.* Первые цивилизации. Л., 1989.
- Меллаарт, 1985. — *Меллаарт Дж.* Торговля и торговые пути между Северной Сирией и Анатолией (4000—1500 гг. до н.э.). — Древняя Эбла. М., 1985.
- Мерперт, Мунчаев, 1982. — *Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М.* Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия). — Археология Старого и Нового Света. М., 1982.
- Мунчаев, 1981. — *Мунчаев Р.М.* Археологические исследования в Месопотамии. — Археологические открытия 1980 г. М., 1981.
- Мунчаев, Мерперт, 1981. — *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.
- Мунчаев и др., 1973. — *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Большаков О.Г., Джапаридзе О.М., Башилов В.А., Гуляев В.И.* Иракская экспедиция. — Археологические открытия 1972 г. М., 1973.
- Мунчаев и др., 1979. — *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., Башилов В.А., Большаков О.Г., Гуляев В.И., Лисицына Г.Н., Куза А.В.* Экспедиция в Месопотамии. — Археологические открытия 1978 г. М., 1979.
- Мунчаев и др., 1993. — *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., Амиров Ш.Н.* Тель Хазна II — раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии. — РА. 1993, 4.
- Оппенгейм, 1980. — *Оппенгейм А. Лео.* Древняя Месопотамия. М., 1980.
- Першиц, 1986. — *Першиц А.И.* Вождество. — Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1986.
- Раевский, 1985. — *Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры. М., 1985.
- Семенов С.А., 1974. — *Семенов С.А.* Происхождение земледелия. Л., 1974.

- Семенов Ю.И., 1993. — *Семенов Ю.И.* Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. М., 1993.
- Типы традиционного сельского жилища, 1981. — Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии. М., 1981.
- Топоров, 1971. — *Топоров В.Н.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового древа». — ТЗС. 1971, V.
- Топоров, 1973. — *Топоров В.Н.* О космологических источниках раннеисторических описаний. — ТЗС. 1973, VI.
- Топоров, 1980. — *Топоров В.Н.* Животные. — Мифы народов мира. Т. I. М., 1980.
- Тэсиджер, 1982. — *Тэсиджер У.* Озерные арабы. М., 1982.
- Тулина, 1985. — *Тулина Е.В.* Отражение древнеиндийских представлений о «новом рождении» и пути в мир предков в ритуале экоддишта шраддхи. — Конференция «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд». Тезисы докладов. М., 1985.
- Тюменев, 1948. — *Тюменев А.И.* О предназначении людей по мифам древнего Двуречья. — ВДИ. 1948, 4.
- Фалькенштейн, 1976. — *Фалькенштейн А.* Архаические тексты из Урука. — Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976.
- Франкфорт и др., 1984. — *Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т.* В преддверии философии. М., 1984.
- Фрейденберг, 1936. — *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936.
- Хейзинга, 1992. — *Хейзинга Й.* Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
- Чернышов, 1990. — *Чернышов Ю.Г.* Раннеримское государство или «безгосударственная община граждан»? — ВДИ. 1990, 2.
- Шнирельман, 1989. — *Шнирельман В.А.* Возникновение производящего хозяйства. М., 1989.
- Штаерман, 1989. — *Штаерман Е.М.* К проблеме возникновения государства в Риме. — ВДИ. 1989, 2.
- Adams, 1960. — *Adams R.* The Origins of Cities. — Scientific American. 1960, September.
- Adams, 1966. — *Adams R. McC.* The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. L., 1966.
- Adams, 1969. — *Adams R. McC.* The Study of Ancient Mesopotamian Settlement Patterns and the Problem of Urban Origins. — Sumer. Baghdad, 1969, vol. 25.
- Adams, 1971a. — *Adams R. McC.* Historic Patterns of Mesopotamian Irrigation Agriculture. — 28 International Congress of Orientalists. Papers for Special Congress Seminar. Irrigation Civilizations. [S.I., 1971].
- Adams, 1971b. — *Adams R. McC.* Archaeological Reconnaissance in Southern Iraq and the Sumerian Problem. Summary. Some Results of the Third International Conference on Asian Archaeology in Bahrain, March 1970. — Artibus Asiae. Ascona, 1971, vol. XXXIII, 4.
- Adams, 1972. — *Adams R. McC.* Patterns of Urbanism in Early Southern Mesopotamia. — *Ucko P.J., Tringham R., Dumbleby G.W.*, eds. Man, Settlement, Urbanism. L., 1972.
- Adams, 1974. — *Adams R. McC.* Anthropological Perspectives on Ancient Trade. — Cur. Anthr., 1974, vol. 15, 3.
- Adams, 1975. — *Adams R. McC.* The Emerging Place of Trade in Civilizational Studies. — *Sabloff J., Lamberg-Karlovsky C.C.*, eds. Ancient Civilization and Trade. Albuquerque, 1975.

- Adams, 1981. — *Adams R. McC.* Heartland of Cities. Survey of Ancient Settlement and Land Use in the Central Floodplain of the Euphrates. Chicago—London, 1981.
- Adams, Nissen, 1972. — *Adams R. McC., Nissen H.J.* The Uruk Countryside. Chicago—London, 1972.
- Afanasjeva, 1982. — *Afanasjeva V.* Zu den Metaphern in einem Liedder «Heiligen Hochzeit». — *Society and Languages of the Ancient Near East. Studies in Honour of I.M.Diakonoff.* Warminster, 1982.
- Akkermans, 1988. — *Akkermans P.M.M.G.* An Updated Chronology for the Northern Ubaid and the Late Chalcolithic Periods in Syria: New Evidence from Tell Hammam et-Turkman. — *Iraq. L.*, 1988, vol. 50.
- Akkermans, 1990. — *Akkermans P.M.M.G.* Villages in the Steppe. Later Neolithic Settlement and Subsistence in the Balikh Valley, Northern Syria. Amsterdam, 1990.
- Algaze, 1989. — *Algaze G.* The Uruk Expansion. Cross-cultural Exchange in Early Mesopotamian Civilization. — *Cur. Anthr.*, 1989, vol. 30, 5.
- Alizadeh, 1988. — *Alizadeh A.* Socio-economic Complexity in Southwestern Iran during the Fifth and Fourth Mill. B.C.: the Evidence from Tall-i Bakun A. — *Iran. L.*, 1988, vol. 26.
- Alster, 1985. — *Alster B.* Sumerian Love Songs. — *RA.* 1985, vol. 2(79).
- Amiet, 1961. — *Amiet P.* La glyptique mésopotamienne archaïque. P., 1961.
- Amiet, 1966. — *Amiet P.* Il y a 5000 ans, les Elamites inventaient l'écriture? — *Archeologia. P.*, 1966, 12.
- Amiet, 1972. — *Amiet P.* Glyptique susienne. P., 1972.
- Amiet, 1977. — *Amiet P.* Pour une interprétation nouvelle du répertoire iconographique de la glyptique d'Agadé. — *RA.* 1977, vol. 71.
- Amiet, 1986a. — *Amiet P.* Le problème de l'iconographie divine en Mésopotamie dans la glyptique antérieure à l'époque d'Agadé. — *Contributi e Materiali di Archeologia Orientali. L.*, 1986.
- Amiet, 1986b. — *Amiet P.* L'âge des échanges inter-iraniens 3500—1700 avant J.-C. P., 1986.
- Ashèr-Grève, Stern, 1983. — *Ashèr-Grève J.M., Stern W.B.* A New Analytical Method and its Application to Cylinder Seals. — *Iraq. L.*, 1983, vol. 45.
- Aurenche, 1981. — *Aurenche O.* La maison orientale. — *L'architecture du Proche Orient ancien dès origines au milieu du quatrième millénaire.* P., 1981 (Bibliothèque archéologique et historique. Vol. 109).
- Aurenche, 1987. — *Aurenche O.* Remarque sur le peuplement de la Mésopotamie. — *Préhistoire de la Mésopotamie*, 1987.
- Bandot, 1979. — *Bandot M.* Iconographic Study of the Vessels on Archaic Near Eastern Seals. — *Orientalia Lovaniensia Periodica.* Leuven, 1979, 10.
- Barnette, 1966. — *Barnette B.R.D.* Homme masqué ou dieu-ibex? — *Syria. P.*, 1966, t. 43.
- Beale, 1978. — *Beale T.W.* Bevelled-rim Bowls and their Implication for Change and Economic Organization in Later Fourth Millennium B.C. — *JNES*, 1978, vol. 37.
- Birdsell, 1973. — *Birdsell J.B.* A Basic Demographic Unit. — *Cur. Anthr.*, 1973, vol. 14.
- Breniquet, 1987. — *Breniquet C.* Nouvelle hypothèse sur la disparition de culture de Halaf. — *Préhistoire de la Mésopotamie*, 1987.
- Breniquet, 1989. — *Breniquet C.* Les origines de la culture d'Obeid en Mésopotamie du nord. — *Henrickson E.F., Tuesen J.*, eds. Upon this Foundation: The Ubaid Reconsidered. Copenhagen, 1989.
- Breniquet, 1992. — *Breniquet C.* A propos du vase halafien de la tombe G 2 de Tell Arpachiyah. — *Iraq. L.*, 1992, vol. 54.

- Buccellati, 1977. — *Buccellati B.G.* The «Urban Revolution» in a Social-Political Perspectives. — *Mesopotamia*. 1977, vol. 12.
- Buren van, 1939. — *Buren E.D. van.* Religious Rites and Ritual in the Time of Uruk IV—III. — *AFO*. 1939, Bd 13, № 1(2).
- Buren van, 1951. — *Buren E.D. van.* Lesson in Early History: Tepe Gawra. — *Orientalia*. Roma, 1951, vol. 20.
- Caldwell, 1976. — *Caldwell D.H.* The Early Glyptic of Gawra, Giyan and Susa and the Development of Long Distance Trade. — *Orientalia*. Roma, 1976, vol. 45.
- Calvet, 1987. — *Calvet Y.* La phase 'oueilli de l'époque d'Obeid. — *Préhistoire de la Mésopotamie*, 1987.
- Carneiro, 1970. — *Carneiro R.A.* Theory of the Origin of the State. — *Science*. 1970, № 169.
- Carter, 1987. — *Carter E.* The Piedmont and the Push-i-Kuh in the Third Millennium B.C. — *Préhistoire de la Mésopotamie*, 1987.
- Childe, 1950. — *Childe V.G.* The Urban Revolution. — *Town Planning Review*. 1950, vol. 21.
- City Invincible, 1960. — *City Invincible. A Symposium on Urbanization and Cultural Development in the Ancient Near East.* Oriental Institute of the University of Chicago, 1958. Kraeling C.H., Adams R. McC., eds. Chicago, 1960.
- Cohen, 1978. — *Cohen C.R.* Introduction. — *Cohen R., Service E.R.*, eds. *Origins of the State. The Anthropology and Political Evolution.* Philadelphia, 1978.
- Collon, Reade, 1983. — *Collon D., Reade J.* Archaic Nineveh. — *Baghdader Mitteilungen*. B., 1983, 14.
- Contenau, Ghirshman, 1935. — *Contenau G., Ghirshman R.* Fouilles de Tepé Giyan près de Nehavend. P., 1935.
- Copeland, Hours, 1987. — *Copeland H., Hours P.* L'expansion Halafienne, une interprétation de la répartition des sites. — *Préhistoire de la Mésopotamie*, 1987.
- Crawford, 1973. — *Crawford H.E.W.* Mesopotamia's Invisible Exports in the Third Millennium. — *WA*. 1973, 5(2).
- Dalton, 1971. — *Dalton G.* Economic Anthropology and Development. N.Y.—L., 1971.
- Danmanville, 1955. — *Danmanville J.* La libation en Mésopotamie. — *RA*. 1955, vol. 49, № 2.
- Davidson, Kerrell, 1980. — *Davidson T.E., Kerrell H.Mc.* The Neutron Activation Analysis of Halaf and Ubaid Pottery from Tell Arpachiah and Tepe Gawra. — *Iraq*. L., 1980, vol. 42.
- Deimel, 1931. — *Deimel A.* Šumerische Tempelwirtschaft zur Zeit Urukaginas und seiner Virgänger. — *AO*. 1931, 2.
- Delougaz, Lloyd, 1942. — *Delougaz P., Lloyd S.* Pre-Sargonid Temples in the Diyala Region. Chicago, 1942 (OIP.58).
- Dittmann, 1986. — *Dittmann R.* Seals, Sealings and Tablets. Thoughts on the Changing Pattern of Administrative Control from the Late-Uruk to the Proto-Elamite Period at Susa. — *Finkbeiner U., Röllig W.*, eds. *Çamdat Naşr. Period or Regional Style?* Wiesbaden, 1986.
- Earle, 1989. — *Earle T.* The Evolution of Chiefdoms. — *Cur. Anthr.*, 1989, vol. 30, 1.
- Englung, 1983. — *Englung R.* Dilmun in the Archaic Uruk Corpus. — *Potts D.*, ed. *New Studies in the Archaeology and Early History of Bahrain*. B., 1983.
- Evans-Pritchard, 1954. — *Evans-Pritchard E.E.* Introduction. — *Mauss M.* *The Gift.* Glencoe, 1954.
- Ewan, 1983. — *Ewan G.J.P. Mc.* Distribution of Meat in Eanna. — *Iraq*. L., 1983, vol. 45.

- Falkenstein, 1936. — *Falkenstein A.* Archaische Texte aus Uruk. B., 1936.
- Falkenstein, 1954. — *Falkenstein A.* La cité-temple sumérienne. — Cahiers d'histoire mondiale. I. P., 1954.
- Feroli, Fiandra, 1979. — *Feroli P., Fiandra E.* The Administrative Functions of Clay Sealings in Protohistorical Iran. — *Gnoli G., Rossi A.V.*, eds. *Iranica*. Napoli, 1979.
- Ferrara, 1972. — *Ferrara A.J.* The Itinerary of Nanna-Suen's Journey to Nippur. — *Orientalia*. Roma, 1972, vol. 41.
- Fiandra, 1981. — *Fiandra E.* The Connection between Clay Sealings and Tablets in Administration. — *South Asian Archaeology 1979*. B., 1981.
- Fiandra, Feroli, 1984. — *Fiandra E., Feroli P.* A Proposal for a Multi-Stage Approach to Research on Clay Sealing in Prehistorical Administrative Procedures. — *South Asian Archaeology 1981*. Cambridge—London—New Rochelle etc., 1984.
- Finet, 1969. — *Finet A.* Bilan provisoire des fouilles du Tell Kannas. — *Freedman D.N.*, ed. *Archaeological Reports from the Tabqa Dam Project*. Euphrates Valley Syria. Chicago, 1969 (AASOR. 44).
- Finkbeiner, 1986. — *Finkbeiner U.* Uruk-Warka. Evidence for the Ġamdat-Našr-Period. — *Finkbeiner U., Röllig W.*, eds. *Ġamdat Našr: Period or Regional Style?* Wiesbaden, 1986.
- Forest, 1983. — *Forest J.-D.* Les pratiques funéraires en Mésopotamie du 5-e mill: du début du 3-e, études de cas. P., 1983.
- Forest, 1987a. — *Forest J.-D.* Le Samarra, l'Obeid et le CMT à la lumière de Hamrin et de l'Oueilli. — *Préhistoire de la Mésopotamie*, 1987.
- Forest, 1987b. — *Forest J.-D.* La grande architecture obeidienne: sa forme et sa fonction. — *Préhistoire de la Mésopotamie*, 1987.
- Frankfort, 1934. — *Frankfort H.* A Tammuz Ritual in Kurdistan. — *Iraq*. L., 1934, vol. 1.
- Frankfort, 1939. — *Frankfort H.* Cylinder Seals. A Documentary Essay on Art and Religion of the Ancient Near East. L., 1939.
- Frankfort, 1958. — *Frankfort H.* Kingship and the Gods. Chicago, 1958.
- Frankfort, 1977. — *Frankfort H.* The Art and Architecture of the Ancient Orient. Harmondsworth a.o., 1977.
- Fried, 1967. — *Fried M.H.* The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology. N.Y., 1967.
- Fried, 1978. — *Fried M.H.* The State, the Chicken and the Egg; or What Came First? — *Cohen R., Service E.R.*, eds. *Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution*. Philadelphia, 1978.
- Gelb, 1965. — *Gelb I.J.* The Ancient Mesopotamian Ration System. — *JNES*. 1965, vol. 24.
- Gelb, 1972. — *Gelb I.J.* The Arua Institution. — *RA*, 1972, vol. 66.
- Gelb, 1979. — *Gelb I.J.* Household and Family in Early Mesopotamia. — *Lipinski E.*, ed. *State and Temple Economy in the Ancient Near East*. Leuven, 1979.
- Gibson, 1972. — *Gibson McG.* The City and Area of Kish. Miami, 1972.
- Gibson, 1973. — *Gibson McG.* Population Shift and the Rise of Mesopotamian Civilization. — *Renfrew C.*, ed. *The Explanation of Cultural Change: Models in Prehistory*. Pittsburgh, 1973.
- Goff, 1963. — *Goff B.L.* Symbols of Prehistoric Mesopotamia. New Haven—London, 1963.
- Greengus, 1966. — *Greengus S.* Old Babylonian Marriage Ceremonies and Rites. — *JCS*. 1966, vol. 20, № 2.

- Gremliza, 1962. — *Gremliza F.G.L.* Ecology and Endemic Diseases in the Dez Irrigation Pilot Area. A Report to the Khuzistan Water and Power Authority and Plan Organization of Iran. N.Y., 1962.
- Heinrich, 1936. — *Heinrich E.* Kleinfunde aus den archaischen Tempelschichten in Uruk. — ADFU-W. 1936, 1.
- Herrmann, 1968. — *Herrmann G.* Lapis lasuli: the Early Phase of Trade. — Iraq. L., 1968, vol. 38.
- Herzfeld, 1930. — *Herzfeld E.* Die Ausgrabungen von Samarra. T. V. Die Vorgesellschaftlichen Töpfereien von Samarra. B., 1930.
- Hijara, 1978. — *Hijara J.* Three New Graves at Arpachiah. — WA. 1978, vol. 10, № 2.
- Hockart, 1970. — *Hockart A.M.* The Life-giving Myth and Other Essays. L., 1970.
- Hole, 1987. — *Hole F.* Archaeology of the Village Period. — *Hole F.*, ed. The Archaeology of Western Iran. Settlement and Society from Prehistory to the Islamic Conquest. L., 1987.
- Hole, Flannery, 1968. — *Hole F., Flannery K.V.* Prehistory of Southwestern Iran: A Preliminary Report. — PPS for 1967. 1968, vol. 33.
- Hole, Flannery, Neely, 1969. — *Hole F., Flannery K.V., Neely J.A.* Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. An Early Village Sequence from Khuzistan, Iran. Ann Arbor, 1969.
- Huot, 1982. — *Huot J.-L.* La naissance de l'Etat: l'exemple mésopotamien. — Archéologie au Levant. Lion, 1982.
- Huot, 1987. — *Huot J.-L.* Un village de Basse-Mésopotamie. Tell el'Oueili à l'Obeid 4. — Préhistoire de la Mésopotamie, 1987.
- Jacobsen, 1939. — *Jacobsen T.* The Assumed Conflict between Sumerians and Semites in Early Mesopotamian History. — JAOS. 1939, vol. 59.
- Jacobsen, 1943. — *Jacobsen T.* Primitive Democracy in Ancient Mesopotamia. — JNES. 1943, vol. 2.
- Jacobsen, 1957. — *Jacobsen T.* Early Political Development in Mesopotamia. — ZA. NF, 1957, 18.
- Jacobsen, 1960. — *Jacobsen T.* The Waters of Ur. — Iraq. L., 1960, vol. 22.
- Jacobsen, 1961. — *Jacobsen T.* Formative Tendencies in Sumerian Religion. — The Bible and the Ancient Near East: Essays in Honour of W.R.Albright. N.Y., 1961.
- Jacobsen, 1963. — *Jacobsen T.* Ancient Mesopotamian Religion: the Central Concerns. — PAPS. 1963, vol. 107, № 6.
- Jacobsen, 1970. — *Jacobsen T.* Toward the Image of Tammuz and Other Essays on Mesopotamian History and Culture. Cambridge, Mass., 1970.
- Jawad, 1965. — *Jawad A.J.* The Advent of the Era of Townships in Northern Mesopotamia. Leiden, 1965.
- Johnson, Earle, 1987. — *Johnson A.W., Earle T.* The Evolution of Human Society. From Foraging Group to Agrarian State. Stanford, 1987.
- Johnson, 1973. — *Johnson G.A.* Local Exchange and Early State Development in Southwestern Iran. — Anthropological Papers № 51. Ann Arbor, 1973.
- Johnson, 1975. — *Johnson G.A.* Local Analysis and the Investigation of Uruk Local Exchange Systems. — *Sabloff J., Lamberg-Karlovsky C.C.*, eds. Ancient Civilization and Trade. Albuquerque, 1975.
- Johnson, 1987. — *Johnson G.A.* The Changing Organization of Uruk Administration on the Susiana Plain. — *Hole F.*, ed. The Archaeology of Western Iran. Settlement and Society from Prehistory to the Islamic Conquest. Wash.—L., 1987.
- Kipp, Schortman, 1989. — *Kipp R.S., Schortman E.M.* The Political Impact of Trade in Chiefdom. — American Anthropologist. 1989, vol. 91, № 2.

- Kantor, 1976. — *Kantor E.* The Excavations at Čoga Miš, 1974—1975. — Proceedings of the 4th Annual Symposium on Archaeological Research in Iran. Tehran, 1976.
- Kramer, 1963. — *Kramer S.N.* Cuneiform Studies and the History of Literature: the Sumerian Sacred Marriage Texts. — PAPS. 1963, vol. 107, № 6.
- Kramer, 1974. — *Kramer S.N.* Kingship in Sumer and Akkad: the Ideal King. — *Garelli P.*, ed. *Le Palais et la Royauté (Archéologie et Civilisation)*. XIX Rencontre Assyriologique Internationale. P., 1974.
- Kramer, 1979. — *Kramer S.N.* From the Poetry of Sumer. Los Angeles, 1979.
- Lambert, 1956. — *Lambert M.* L'intronisation de Lugalanda. — RA. 1956, vol. 50.
- Larsen, 1979. — *Larsen M.-T.* The Tradition of Empire in Mesopotamia. — *Larsen M.-T.*, ed. *Power and Propaganda. A Symposium on Ancient Empires. Mesopotamia*. Copenhagen, 1979 (Studies in Assyriology. Vol. 7).
- Le Brun, 1980. — *Le Brun A.* Les écuelles grossières: état de la question. — *L'archéologie de l'Iraq*. P., 1980.
- Le Brun, Vallat, 1978. — *Le Brun A., Vallat F.* L'origine de l'écriture à Suse. — *Cahiers de la Délégation Archéologique Française en Iran*. Vol. 8, 1978.
- Leemans, 1950. — *Leemans W.F.* The Old Babylonian Merchant: His Business and His Social Position. Leiden, 1950.
- Leemans, 1960. — *Leemans W.F.* Foreign Trade in the Old Babylonian Period. Leiden, 1960.
- Legrain, 1936. — *Legrain L.* Archaic Seal-Impressions. Oxf., 1936 (UE. Vol. 3).
- Lenzen, 1941. — *Lenzen H.J.* Die Entwicklung der Zikurrat von ihren Anfängen bis zur Zeit der III Dynastie von Ur. Lpz., 1941.
- Lenzen, 1949. — *Lenzen H.J.* Die Tempel der Schicht Archaischen IV in Uruk. — ZA. NF, 1949, 15.
- Lenzen, 1951. — *Lenzen H.J.* Zur Datierung der Anu-Zikurrat in Warka. — *Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft*. 1951, № 83.
- Lenzen, 1955. — *Lenzen H.J.* Mesopotamische Tempelanlagen von der Frühzeit bis zum Zweiten Jahrtausend. — ZA. NF, 1955, 17.
- Lenzen, 1960. — *Lenzen H.J.* The E-Anna District after Excavations in the Winter of 1958—1959. — *Sumer*. Baghdad, 1960, vol. 16.
- Lenzen, 1974. — *Lenzen H.J.* Die Architecture in Eanna in der Uruk IV Period. — *Iraq*. L., 1974, vol. 34.
- Leroi-Gourhan, 1964. — *Leroi-Gourhan A.* Les religions de la préhistoire (Paléolithique). P., 1964.
- Levine, Young, 1987. — *Levine D., Young T.C., Jr.* A Summary of the Ceramic Assemblages of the Central Western Zagros from the Middle Neolithic to the Third Millennium B.C. — *Préhistoire de la Mésopotamie*, 1987.
- Lieberman, 1980. — *Lieberman S.J.* Clay Pebbles, Hollow Clay Balls, and Writing: a Sumerian View. — AJA. 1980, vol. 84, № 3.
- Lloyd, Safar, 1943. — *Lloyd S., Safar F.* Tell Uqair: Excavations by the Iraq Government Directorate of Antiquities in 1940—42. — JNES. 1943, vol. 2, № 2.
- Lloyd, Safar, 1947. — *Lloyd S., Safar F.* Eridu. A Preliminary Communication of the First Season's Excavations. — *Sumer*. Baghdad, 1947, vol. 3, 2.
- Lloyd, Safar, 1948. — *Lloyd S., Safar F.* Eridu. A Preliminary Communication of the Second Season's Excavations. — *Sumer*. Baghdad, 1948, vol. 4, 2.
- Mackay, 1931. — *Mackay E.* Excavations at Jemdet Nasr. — *Field Museum: Anthropological Memoirs*. Chicago, 1931, № 1—3.

- Makkay, 1983. — *Makkay D.* The Origins of the «Temple-Economy» as Seen in the Light of Prehistoric Evidence. — Iraq. L., 1983, vol. 45.
- Malinowski, 1922. — *Malinowski B.* Argonauts of the Western Pacific. L., 1922.
- Mallowan, 1946. — *Mallowan M.E.L.* Excavations in the Balih Valley, 1938. — Iraq. L., 1946, vol. 8.
- Mallowan, 1947. — *Mallowan M.E.L.* Excavations at Braq and Chagar Bazar. — Iraq. L., 1947, vol. 9.
- Mallowan, Rose, 1935. — *Mallowan M.E.L., Rose J. Ch.* Prehistoric Assyria. The Excavations at Tell Arpachiyah, 1933. Oxf., 1935.
- Margueron, 1987. — *Margueron J.* Quelques remarques concernant l'architecture monumentale à l'époque d'Obeid. — Préhistoire de la Mésopotamie, 1987.
- Mastry, 1974. — *Mastry A.H.* Prehistory in Northeastern Arabia, the Problem of Inter-regional Interaction. Miami, 1974.
- Matsumoto, 1987. — *Matsumoto K.* The Samarra Period at Tell Songor. — Préhistoire de la Mésopotamie, 1987.
- Mecquenem, 1924. — *Mecquenem R. de.* Fouilles de Suse (campagnes 1923—24). — RA. 1924, vol. 21.
- Mendelsohn, 1949. — *Mendelsohn I.* Slavery in the Ancient Near East. L., 1949.
- Merpert, Munchaev, 1973. — *Merpert N., Munchaev R.* Early Agricultural Settlements in the Sinjar Plain, Northern Iraq. — Iraq. L., 1973, vol. 35.
- Millard, 1988. — *Millard A.R.* The Bevelled-rim Bowls: Their Purpose and Significance. — Iraq. L., 1988, vol. 50.
- Moorey, 1976. — *Moorey R.* The Late Prehistoric Administrative Building at Jamdat Nasr. — Iraq. L., 1976, vol. 38.
- Moorey, 1982. — *Moorey P.R.S.* The Archaeological Evidence for Metallurgy and Related Technologies in Mesopotamia c. 5500—2100 B.C. — Iraq. L., 1982, vol. 44.
- Moorey, 1984. — *Moorey P.R.S.* Where did they Bury the Kings of the Third Dynasty of Ur? — Iraq. L., 1984, vol. 46.
- Moortgat, 1954. — *Moortgat A.* Die Bilderzyklus des Tammuz. — Compte Rendue de la Troisième Rencontre Assyriologique Internationale. Leiden, 1954.
- Nissen, 1969. — *Nissen H.J.* — Materials for the Sumerian Lexicon. XII. Roma, 1969.
- Nissen, 1970. — *Nissen H.J.* Grabung in den Quadraten K/L XII in Uruk-Warka. — Baghdader Mitteilungen. B., 1970, 5.
- Nissen, 1986a. — *Nissen H.J.* Introduction. — *Finkbeiner U., Röllig W.*, eds. Ğamdat Naşr. Period or Regional Style? Wiesbaden, 1986.
- Nissen, 1986b. — *Nissen H.J.* The Development of Writing and of Glyptique Art. — *Finkbeiner U., Röllig W.*, eds. Ğamdat Naşr. Period or Regional Style? Wiesbaden, 1986.
- Oates, 1960. — *Oates J.* Ur and Eridu. — Iraq. L., 1960, vol. 22.
- Oates, 1969. — *Oates J.* Choga Mami, 1967-68: a Preliminary Report. — Iraq. L., 1969, vol. 31.
- Oates, 1972. — *Oates J.* Prehistoric Settlement Patterns in Mesopotamia. — *Ucko P.J.; Tringham R., Dimbleby G.W.*, eds. Man, Settlement, Urbanism. L., 1972.
- Oates, 1976. — *Oates J.* Prehistory in Northern Arabia. — Antiquity. L., 1976, № 197.
- Oates, 1979. — *Oates J.* Urban Trends in Prehistoric Mesopotamia. — Les cahiers du CEPOA 1. Leuven, 1979.
- Oates, 1983. — *Oates J.* Ubaid Mesopotamia Reconsidered. — *Young T.C., Jr., Smith P.E.L., Mortensen P.*, eds. The Hilly Flanks and Beyond. Essays on the Prehistory of Southwestern Asia. Presented to R.J.Braidwood. November 15, 1981. Chicago, 1983 (SAOC. № 36).

- Oates, 1986. — *Oates J.* Tell Brak: The Uruk/Early Dynastic Sequence. — *Finkbeiner U., Röllig W.*, eds. *Ġamdat Nařr. Period or Regional Stile?* Wiesbaden, 1986.
- Oates, 1987. — *Oates J.* The Choga Mami Transitional. — *Préhistoire de la Mésopotamie*, 1987.
- Oppenheim, 1944. — *Oppenheim A.L.* Mesopotamian Temple. — *The Significance of the Temple in the Ancient Near East.* — *The Biblical Archaeologist*. New Haven, 1944, vol. VII, 3.
- Oppenheim, 1958. — *Oppenheim A.L.* Operational Device in Mesopotamian Bureaucracy. — *Lacheman E. R.* Economic and Social Documents. Harvard, 1958 (Excavations at Nuzi. 7).
- Parrot, 1946. — *Parrot A.* Archéologie mésopotamienne. Vol. 1. P., 1946.
- Parrot, 1953. — *Parrot A.* Archéologie mésopotamienne. Vol. 2. P., 1953.
- Perkins, 1949. — *Perkins A.* The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. Chicago, 1949.
- Piperno, 1979. — *Piperno M.* Socio-economic Implications from the Graveyard of Shahr-i Sokhta. — *South Asian Archaeology 1977*. Vol. 1. Naples, 1979.
- Polanji, 1968. — *Polanji K.* Primitive, Archaic and Modern Economics. — *Essays of Karl Polanji*. G.Dalton, ed. N.Y., 1968.
- Porada, 1965a. — *Porada E.* Ancient Iran. The Art of Prehistoric Times. L., 1965.
- Porada, 1965b. — *Porada E.* The Relative Chronology of Mesopotamia. — *Ehrich R.*, ed. *Chronologies in Old World Archaeology*. Chicago—London, 1965.
- Porada a.o., 1992. — *Porada E., Hansen D.P., Dunham S., Babcock S.H.* The Chronology of Mesopotamia, ca. 7000—1600 B.C. — *Ehrich R.W.*, ed. *Chronologies in Old World Archaeology*. Chicago—London, 1992.
- Postgate, 1986. — *Postgate J.N.* The Transition from Uruk to Early Dynastic: Continuities and Discontinuities in the Record of Settlement. — *Finkbeiner U., Röllig W.*, eds. *Ġamdat Nařr. Period or Regional Style?* Wiesbaden, 1986.
- Potts, 1982. — *Potts D.T.* The Zagros Frontier and the Problem of Relations between the Iranian Plateau and Southern Mesopotamia in the Third Millennium B.C. — *Nissen H.J., Renger J.*, eds. *Mesopotamien und Seine Nachbarn*. B., 1982.
- Potts, 1986a. — *Potts D.T.* A Contribution to the History of the Term Ġamdat Nařr. — *Finkbeiner U., Röllig W.*, eds. *Ġamdat Nařr. Period or Regional Style?* Wiesbaden, 1986.
- Potts, 1986b. — *Potts D.T.* Eastern Arabia and the Oman Peninsula during the Late Fourth and Early Third Millennium B.C. — *Finkbeiner U., Röllig W.*, eds. *Ġamdat Nařr. Period or Regional Style?* Wiesbaden, 1986.
- Préhistoire de la Mésopotamie*, 1987. — *Préhistoire de la Mésopotamie. La Mésopotamie préhistorique et l'exploration récente du djebel Hamrin. Colloque International du CNRS*. Paris, 17—18 décembre 1984. P., 1987.
- Redman, 1978. — *Redman Ch.L.* Mesopotamian Urban Ecology: the Systemic Context of the Emergence of Urbanism. — *Redman Ch.L.*, a.o. eds. *Social Archaeology. Beyond Subsistence and Dating*. New York—St.Francisco—London, 1978.
- Renfrew, 1973. — *Renfrew C.* Monuments, Mobilization and Social Organization in Neolithic Wessex. — *Renfrew C.*, ed. *The Explanation of Cultural Change: Models in Prehistory*. Pittsburgh, 1973.
- Renfrew, 1975. — *Renfrew C.* Trade as Action at a Distance: Questions of Investigation and Communication. — *Sabloff J., Lamberg-Karlovsky C.C.*, eds. *Ancient Civilization and Trade*. Albuquerque, 1975.
- Roaf, 1987. — *Roaf M.* The 'Ubaid Architecture of Tell Madhur. — *Préhistoire de la Mésopotamie*, 1987.

- Safar, Mustafa, Lloyd, 1981. — *Safar F., Mustafa M.A., Lloyd S.* Eridu. Baghdad, 1981.
- Salonen, 1942. — *Salonen A.* Nautica Babyloniaca. Helsinki, 1942 (Studia Orientalia. XI).
- Salonen, 1968. — *Salonen A.* Agricultura Mesopotamica. Helsinki, 1968.
- Sanders, Webster, 1988. — *Sanders W., Webster D.* The Mesoamerican Urban Tradition. — American Anthropologist. Menasha, 1988, vol. 90.
- Schmandt-Besserat, 1977. — *Schmandt-Besserat D.* An Archaic Recording System and the Origin of Writing. — Syro-Mesopotamian Studies. Malibu, 1977, vol. 1.
- Schmandt-Besserat, 1979a. — *Schmandt-Besserat D.* Reckoning before Writing. — Archaeology. N.Y. 1979, vol. 32, № 3.
- Schmandt-Besserat, 1979b. — *Schmandt-Besserat D.* An Archaic Recording System in the Uruk—Jemdet Nasr Period. — AJA. 1979, vol. 83.
- Schmandt-Besserat, 1986. — *Schmandt-Besserat D.* An Ancient Token System: the Precursor to Numerals and Writing. — Archaeology. N.Y., 1986, vol. 39, № 6.
- Schmidt, 1974. — *Schmidt J.* Zwei Tempel der Obeid Zeit. — Baghdader Mitteilungen. B., 1974, 7.
- Schneider, 1977. — *Schneider J.* Was there a Pre-Capitalist World System? — Journal of Peasant Studies. L., 1977, 6.
- Schortman, 1989. — *Schortman E.* Interregional Interaction in Prehistory. — American Antiquity. Wash., 1989, vol. 54.
- Service, 1962. — *Service E.R.* Primitive Social Organization. N.Y., 1962.
- Service, 1975. — *Service E.R.* Origin of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution. N.Y., 1975.
- Service, 1978. — *Service E.R.* Classical and Modern Theories of the Origins of Government. — *Cohen R., Service E.R.*, eds. Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution. Philadelphia, 1978.
- Shendge, 1983. — *Shendge M.J.* The Use of Seals and the Invention of Writing. — Journal of the Economic and Social History of the Orient. Leiden, 1983, vol. 6, pt. 2.
- Seux, 1967. — *Seux M.* Epithètes royales akkadiennes et sumériennes. P., 1967.
- Speiser, 1935. — *Speiser E.A.* Excavations at Tepe Gawra. Levels I—VIII. Philadelphia, 1935.
- Stech, Piggott, 1986. — *Stech T., Piggott V.C.* The Metal Trade in Southwest Asia in the Third Millennium B.C. — Iraq. L., 1986, vol. 48.
- Stève, Gasche, 1971. — *Stève M.J., Gasche H.* L'Acropole de Suse. — Mémoires de la Délégation archéologique en Iran. P., 1971, vol. 46.
- Strommenger, 1980. — *Strommenger E.* Habuba Kabira, Eine Stadt vor 5000 Jahren. B., 1980.
- Strommenger, 1981. — *Strommenger E.* The Chronological Division of the Archaic Levels of Uruk-Eanna VI to III/II: Past and Present. — AJA. 1981, vol. 84, № 4.
- Tobler, 1950. — *Tobler A.* Excavations at Tepe Gawra. Vol. 2. Philadelphia, 1950.
- Tourtellot, Sabloff, 1972. — *Tourtellot G., Sabloff J.A.* Exchange Systems among the Ancient Maya. — American Antiquity. Wash., 1972, vol. 37.
- Trigger, 1972. — *Trigger B.* Determinants of Urban Growth in Preindustrial Societies. — *Ucko P.J., Tringham R., Dibbleby G.W.*, eds. Man, Settlement, Urbanism. L., 1972.
- Vallat, 1978. — *Vallat R.* Le matériel épigraphique des couches 18 à 14 de l'Acropole. — Paléorient. P., 1978, vol. 4.
- Van Driel, Van Driel-Murray, 1979. — *Van Driel G., Van Driel-Murray C.* Jebel Aruda, 1977—78. — Akkadica. Leuven, 1979, vol. 12.

- Van Driel, Van Driel-Murray, 1983. — *Van Driel G., Van Driel-Murray C. Jebel Aruda, the 1982 Season of Excavations.* — *Akkadica*. Leuven, 1983, vol. 33.
- Vertesalji, 1984. — *Vertesalji F.* Zur chronologischen und sociale-sowie religions geschichtlichen bedeutung des Eridu-friedenhofs. — *Baghdader Mitteilungen*. B., 1984, 15.
- Watkins, 1987. — *Watkins T.* Kharabeh Shattani: an Halaf Culture Exposure in Northern Iraq. — *Préhistoire de la Mésopotamie*, 1987.
- Watson, 1983. — *Watson P.J.* The Halafian Culture: a Review and Synthesis. — *Young T.C., Jr., Smith P.E.L., Mortensen P.*, eds. *The Hilly Flanks and Beyond. Essays on the Prehistory of Southwestern Asia*. Presented to R.J.Braidwood. November 15, 1981. Chicago, 1983 (SAOC. № 36).
- Way, 1987. — *Way von der T.* Tell el-Fara'in-Buto. — *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Abteilung*. Kairo. 1987, 43.
- Wickede, 1991. — *Wickede A. von.* Chalcolithic Sealings from Arpachiyah in the Collection of the Institute of Archaeology, London. — *University College. Institute of Archaeology. Bulletin*. L., 1991, 28.
- Weiss, 1977. — *Weiss H.* Periodization, Population and Early State Formation in Khuzistan. — *Levine L.D., Young T.C., Jr.*, eds. *Mountains and Lowlands: Essays in the Archaeology of Greater Mesopotamia*. Malibu, 1977 (Bibliotheca Mesopotamica. 7).
- Weiss, Young, 1975. — *Weiss H., Young T.C., Jr.* The Merchants of Susa: Godin V and the Plateau Lowland Relations in the Late Fourth Millennium B.C. — *Iran*. L., 1975, vol. 13.
- Wilson, 1986. — *Wilson K.* Nippur: the Definition of a Mesopotamian *Ĝamdat Našr* Assemblage. — *Finkbeiner U., Röllig W.*, eds. *Ĝamdat Našr. Period or Regional Style?* Wiesbaden, 1986.
- Wirth, 1962. — *Wirth E.* Agrargeographie des Iraq. — *Hamburger Geographische Studien*. 1962, 13.
- Wittfogel, 1957. — *Wittfogel K.* *Oriental Despotism: a Comparative Study of Total Power*. New Haven, 1957.
- Woolley, 1955. — *Woolley L.* *Ur Excavations. Early Periods*. Oxf., 1955 (UE. Vol. 4).
- Wright G.A., 1969. — *Wright G.A.* Obsidian Analyses and Prehistoric Near Eastern Trade: 7500 to 3500 B.C. — *Anthropological Papers* № 37. Ann Arbor, 1969.
- Wright H.T., 1977. — *Wright H.T.* Recent Reserch on the Origin of the State. — *Annual Review of Anthropology*. Wash., 1977, 6.
- Wright H.T., 1978. — *Wright H.T.* Preliminary Excavations of the IVth Millennium Levels on the Northern Acropole of Suse: 1978. — *Technical Report in the Archives of the Délégation archéologique française en Iran*. P., 1978.
- Wright H.T., 1981a. — *Wright H.T.* *The Southern Margins of Sumer.* — *Adams R. McC.* *Heartland of Cities*. Chicago—London, 1981.
- Wright H.T., 1981b. — *Wright H.T.*, ed. *An Early Town on the Deh Luran Plain. Excavations at Tepe Farukhabad*. Ann Arbor, 1981.
- Wright H.T., 1984. — *Wright H.T.* *Prestate Political Formation.* — *Earle T.*, ed. *On the Evolution of Complex Society*. California, 1984.
- Wright H.T., 1986. — *Wright H.T.* *The Evolution of Civilizations.* — *Meltzer D.J., Fowler D.D., Sabloff J.A.*, eds. *American Archaeology: Past and Future*. Wash.—L., 1986.
- Wright, Johnson, 1975. — *Wright H., Johnson G.* Population, Exchange and Early State Formation in Southwestern Iran. — *American Anthropologist*. Menasha, 1975, vol. 77, № 2.

- Wright, Miller, Redding, 1980. — *Wright H.T., Miller N., Redding R.* Time and Process in an Uruk Rural Center. — *L'Archéologie de l'Iraq: perspectives et limites de l'interprétation anthropologique des documents. Colloques Internationaux du CNRS N° 580. P.*, 1980.
- Wright, Pollock, 1987. — *Wright H.T., Pollock S.* Regional Socio-Economic Organization in Southern Mesopotamia: the Middle and Late Fifth Millennium. — *Préhistoire de la Mésopotamie*, 1987.
- Young, 1986. — *Young T.C., Jr.* Godin Tepe. Period IV/V and Central Western Iran at the End of the Fourth Millennium. — *Finkbeiner U., Röllig W.*, eds. *Ĝamdat Naşr. Period or Regional Style?* Wiesbaden, 1986.

SUMMARY

The book entitled "Mesopotamia on the Way toward Statehood" makes an attempt to characterize the history of one of the most interesting regions of the world from the beginning of the late prehistoric period to the formation of early states, i.e., from the 6th to the late 4th mil. B.C. The archaeological record interpreted from different viewpoints was the main source of research. Data on economy, forms of specialized activities, exchanges, settlements, dwellings, burials, cult structures, and motifs of figurative art are presumed informative of social structure. In interpreting these data the author proceeds from hitherto advanced hypotheses concerning the social structure of well-developed food-producing societies and its evolution which led to state formation. Recent decades have seen remarkable contributions to the understanding of these processes. Ideas of egalitarianism in the late prehistoric communities, their secluded life and self-sufficiency right up to state formation are no longer indisputable. Cultural anthropologists and sociologists suggest various patterns of social evolution depending on types of economy, ecosystems and specific traditions. Owing to a lack of sufficient information on social structure, modelling social processes on the basis of archaeological evidence is far from easy. This, however, can be remedied by purposeful carefully planned excavations as well as cooperation between different branches of scholarship. Since the 1970s such investigations have become much more numerous and the resulting reconstructions of the way of life and social system of the bearers of the Halaf, Samarra, Ubaid, Uruk and Djemdet Nasr archaeological cultures more convincing. Regrettably, Russian scholarship did not pay much attention to the studies by foreign colleagues that remain virtually unknown in this country.

Therefore, the author aims not only at representing her own view on the social changes which caused the rise of the early Mesopotamian states but also at acquainting the Russian reader with the achievements of foreign scholars. Special attention is paid to the methods of extracting historical data from the "silent" archaeological remains. Their deep-going analysis is supplemented with ethnological data and references to written sources from later periods. To reconstruct the process of state formation the author derives information mostly from figurative art.

Chapter 1 deals with the history of Mesopotamia in the 6th — early 4th mil. B.C. Some scholars refer to the Halaf culture as a chiefdom. According to them, this can be proved by traces of highly developed craftsman-ships and exchanges, the two-level settlement pattern, the presence of

prestige things, which could indicate a high status. However, one cannot be sure about the social organization of the Halafians, it is even doubtful whether theirs was a complex society. It is more likely that the related settlements formed local groups united by reciprocity. There were no permanent power centres, and decisions were taken by representatives of autonomous settlements at meetings.

It can be assumed that it was the bearers of the earlier Samarra culture (the 6th — early 5th mil. B.C.) that played a decisive role in the formation of complex societies in Central Mesopotamia. They built the first irrigation structures which made it possible to secure more stable harvests. To the best of our knowledge, the living standards of Samarra communities varied. Certain artefacts, judging from their materials and manufacture, are seemingly of prestige character. The Samarra culture was presumably one of the components to make up the Ubaid culture of the 5th — first half of the 4th mil. B.C.

The Ubaid culture and the related complexes were among the first to emerge in Southern Mesopotamia, where later the early states were founded. The cultures in question probably saw the formation of specialized economic structures in various geographical zones. This specialization as well as meagre resources promoted close contacts between the population of different zones.

A two-level settlement organization, irrigation works, highly developed pottery-making, exchanges, and public structures speak for chiefdom-type organization at the Ubaid time. Judging from a later tradition, life in a cluster of settlements was guided by a body of elected chieftains governing from a central settlement. Regular meetings in this settlement dealt with problems of economic life and defence and were accompanied by religious ceremonies. There must have been sacred objects and places, which symbolized the unity of people living within the limits of neighbourhood. Figurative art is indicative of the fact that community members both acknowledged and emphasized the significance of authority.

Chapter 2 is devoted to the phenomena characterizing the Uruk-Djemet Nasr society. The study calls for joint efforts of historians, archaeologists, philologists, sociologists and specialists in natural sciences. The widening of geographical range of the investigation is likely to be fruitful, since many phenomena within the limits of Greater Mesopotamia, especially from the Susiana Plain and Syria, are worth examining. The author looks upon the information on the economy, social organization and ideology of the rising states, also providing data on the irrigation hitherto never used on a large scale, the emergence of specialized craftsmanship, professional art and well-developed architecture.

The location of settlement clusters, a three-level hierarchy of settlements, as well as the rising of towns with temples, other public buildings and houses of the elite (very few are as yet known) imply the formation of small states which I.M.Diakonoff tends to call "nomes". The "nome" life was regulated by the temple administration associated with all the functionaries. Apart from the archaeological record, it is written sources from a later date shedding light on social systems akin to primitive democracy that enable one to reconstruct the Ancient Mesopotamian social structure.

A special section deals with redistribution and forms of registration and control, with various signs and seals used in stock-taking the products and ensuring their safekeeping. Another section analyses exchange and the phenomenon of the "Uruk expansion". The author is inclined to support the researchers who do not believe that the "Uruk colonization" was a result of the deliberate state policy. Such an expansion is typical of the period of state formation, when the life of community was not strictly regulated and individual groups were permitted a comfortable margin of initiative (which did not exclude contacts with authorities).

The other sections dealing with the image of the leader and "scenes of everyday life" represented on figurative monuments give an account of the ideology of ancient states. The leader was elected from among the elite. He was no sacral figure, but played the role of a mediator between the population of the "nome" and its deity-protector securing the existence of the community. The so-called "scenes of everyday life" enable us to think that this sort of arrangement had come into being in the late 4th mil. B.C., long before the myth that doomed man to serve gods was ever recorded. The arrangement accounted for and justified differences in the social status of various groups.

In conclusion, the author examines the background of both the close links between the "nomes" and the formation of a "league" with Nippur as the main cult and, to some extent, political centre. This "league" came as a result of systematic contacts between independent "nomes", which also led to the emergence of a common Sumerian culture.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I	
Месопотамия в VI — начале IV тысячелетия до н.э.	12
Халафская культура	12
Самаррская культура	34
Освоение юга. Убейд	37
Глава II	
Период Урук—Джемдет-Наср	73
Предваряющие замечания	73
Периодизация и хронология	74
Хозяйство, профессионализация деятельности	78
Структура поселений	90
Города	96
Храмы и храмовая организация	100
Организация распределения, формы учета и контроля.....	111
Структура общества	119
Обмен	127
Образ вождя на печатях и возможные сопоставления с позднейшей традицией	139
Назначение людей	159
Заключение. На пути к объединению	169
Экскурсы	187
Примечания	198
Список сокращений	205
Литература	206
Summary	220

Научное издание

Антонова Елена Вадимовна

**МЕСОПОТАМИЯ НА ПУТИ
К ПЕРВЫМ ГОСУДАРСТВАМ**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор *Н.Г. Михайлова*
Художник *Э.Л. Эрман*
Художественный редактор *Б.Л. Резников*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректоры *Е.В. Карюкина, И.Г. Ким*

ЛР № 020910 от 02.09.94
Подписано к печати 02.06.97
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл. п. л. 14,0
Усл. кр.-отт. 14,3. Уч.-изд. л. 16,0
Тираж 700 экз. Изд. № 7707. Зак. № 40

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ООО «Пандора-1»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Е.В.АНТОНОВА

МЕСОПОТАМИЯ НА ПУТИ К ПЕРВЫМ ГОСУДАРСТВАМ

Много неясного остается в истории возникновения, быть может, древнейших государств мира, появившихся в конце IV тысячелетия до н.э. в междуречье Евфрата и Тигра. Были ли общества обитателей деревень земледельцев и скотоводов VI-V тысячелетий до н.э. совершенно примитивными, "первобытными"? Как добывали люди средства существования, как поддерживали отношения с соседями? Почему они в конце концов смирились с необходимостью трудиться больше, чем было необходимо для жизни их семей? Какой была идеология небольших государств, "номов" ?

Автор пытается ответить на эти вопросы, исследуя археологические памятники — следы поселений, данные о развитии ремесла и обмена, сведения о сложении слоя элиты. Интерпретация "немых" следов жизни древних, предков шумеров, производится на основе их комплексного анализа и с привлечением данных письменных источников III-II тысячелетий до н.э., а также этнологических концепций.

МЕСОПОТАМИЯ НА ПУТИ К ПЕРВЫМ ГОСУДАРСТВАМ

Е.В.АНТОНОВА